Скорость любви

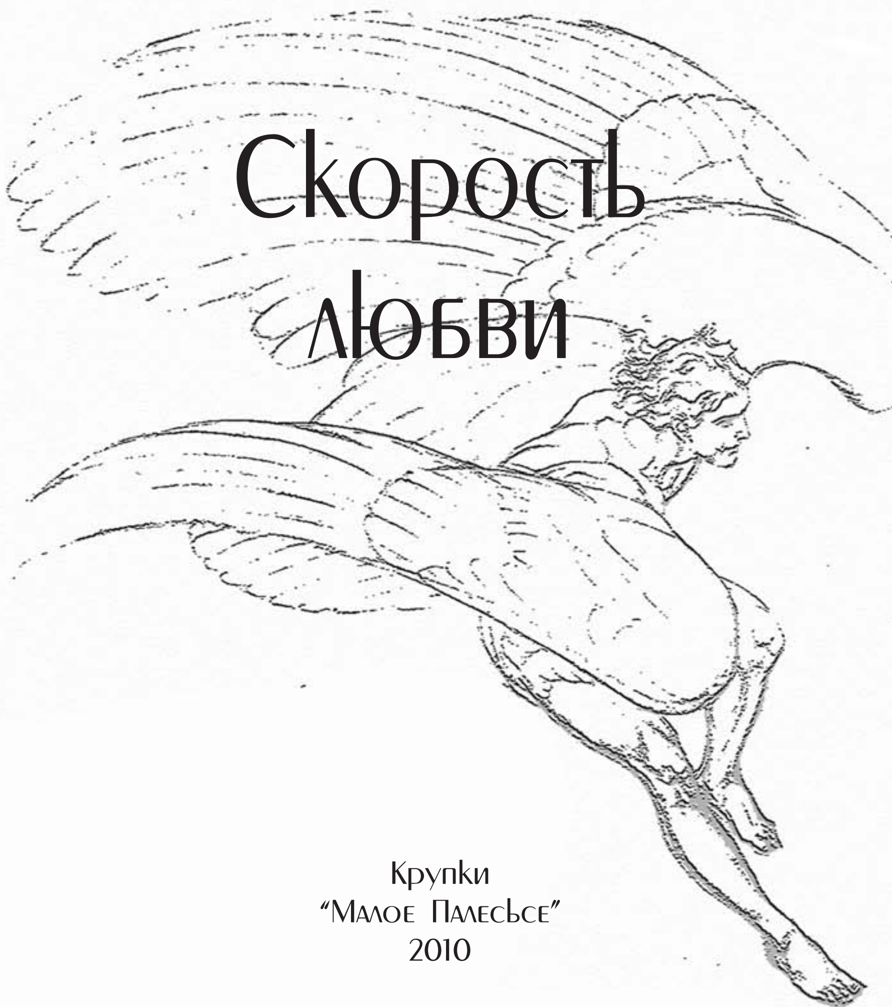
Микола Маладик

Крупкі
"Малое Палесьсе"
2010

Микола Маладик

Скорость любви

Крупки
"Малое Палесьсе"
2010

Усё, як у сапраўдным жыцці...

У паэтычнай творчасці Міколы Маладзіка усё, як у жыцці: ёсць свае вяршыні, уздымы, знаходкі, бясконцыя пошукі, непрадказальныя павароты, моманты поўнага змірэння і адчайнага бунтарства, філасофскай узвышаннасці і яднанасці з усім звычайным, зямным... Біяграфія душэўных пошукаў творчай натуры... Здаецца, вершаванае слова стала спадарожнікам Міколы трывала. У гэтага аўтара многа уласных вершаў. Большасць твораў напісана па-руску, але каларыт ягонага вершаванага радка беларускі.

Аўтара турбуюць адвечныя пытанні дабра і зла. Не аднадушны ён да легендаў і паданняў роднай зямлі, некаторыя з іх ён па-мастацку апрацоўвае сам. І гэта найлепшая прыкмета, калі аўтар у сваіх творчых пошуках звяртаецца да вуснай народнай творчасці, гэтай невычэрпнай першароднай жыццядайнай крыніцы, здольнай наталіць самую вялікую смагу слова ў кожнага, хто звернецца да яе.

Слова заўсёды дапаможа перадаць самыя глыбінныя пачуцці, самыя тонкія душэўныя хваляванні, усё багацце ўнутранага свету чалавека, усе адценні фарбаў мінулага, сучаснага і будачага...

Няхай яно будзе так, імкнемся да гэтага!

Таццяна Каваленка, паэтка, супрацоўнік Крупскага краязнаўчага музея.

***

**Перекрёсток дорог
в поле.**
Дуб огромный стоит
с краю.
Косогора простор –
воля
Эта воля подстать
раю.
Забытье на холмах
дедах,
Сонный ветер шуршит
в травах.
Забываешь, что мир
в бедах,
Ведь нет левых здесь и
правых.
Толчеи городской
нету.
Суете деловой –
кукиш.
Задержалось на миг
лето
И покой этот не
купишь.
Разморило и груз
сгинул –
Не дышал я вот так
в храмах.
Растопился души
фирн.
Канул свиток моих
шрамов…
Голышом да в реке
с ливнем
Как пацан лет назад…
Боже!
Да-а… теперь не сравнить
с бивнем;
Уж не той белизны
кожа.

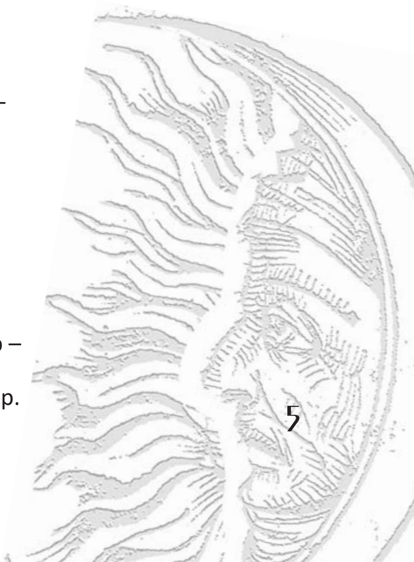
Как уехать отсель
тяжка,
Да судьба карусель –
на-адо.
Напоследок в родник
фляжкой,
Здесь без химий и без
яда.
А потом у сосны
трошки
Постоять, чтобы с глаз
каплю
Незаметно смахнуть
в ножки
Да и в небо взглянуть
цаплей.

23 июня 1989.

***

Моя любовь—
Растущий том моих стихов,
Как розы куст
Несёт красу, шипы, и грусть.
Всегда свежа,
Даже на лезвии ножа –
Мой пик и крест
И кровоточащий порез.
И в томность вежд,
И в холод ночи без надеж –

То мирный кров
То месяц напролёт – *Иов,
То вмиг юла
Опять с ума меня свела.
То бал, то пир,
То на квартире монастырь.
Затем раздор.
Затем с Раздором разговор –
Ему в укор
Я вынес смертный приговор.

И вновь тропа
В осколках битого стекла.
Судьбы стезя
На ней раскаянья слеза.
Любовь моя
Сильнее адского огня!
Зима её
Не заковала в ледовьё.
Она жива
Журчаньем гейзера, ручья,

И озорна
И свежестью озарена,
Ещё строфой
И строфы пишущей рукой.
Она верна —
Вернее верного коня.
Закалена
И пропесочена до дна.
Она одна
Иисусом в сердце рождена.

1989 – 2000.

**Иов (библ.) – библейский мученик.*

***

Мой милый друг
Плутаешь ты в кругу разлук.
Грустишь порой,
Всегда одна идешь домой.
И в нем одна,
Но в этом лишь твоя вина.
Бесцветен путь,
А сердце жаждет отдохнуть.
Но, всем на зло
Ты ждёшь невольницею день
Любовь придёт
И оживиться твоя тень.
Той встречи час
Вас навестит, благословит
И наградит
Сверканьем измождённых глаз,

Как в первый раз,
Что в памяти, ну, как сейчас…
И в этот час
Вас захлестнёт любовный вал
И канут в ад
Былые тяжести утрат
Начнётся бал
Твой долгожданный маскарад…

Но, почему-то ничего.
Ты смотришь – дождь слезит окно
Читаешь старое письмо.
И лишь портрет
Напоминает – счастья нет…

И всё-таки ты будешь ждать
Упрямо трепетно и нежно
Пока в груди жива надежда…
А ей, вовек не увядать.

1989 – 2000.

***

Вся печаль
опустилась на ковёр,
Словно шаль –
обвила и окружила.
Замер миг
и потух души костёр.
Как игла
скука сердце поразила.
Саксофон
простудившийся орёт,
Разломав
всю мелодию на ноты.
За окном
бьёт дождливый пулемёт.
Не хочу
ни веселья, ни работы.
Вот открыл
пачку новых сигарет,
Закурил

разгоняя дым рукой.
Весь один
тебя просто рядом нет…
В зеркалах
замечаю – сам не свой.
Телефон –
он чужой – не зазвонит,
А кругом
только каменный уют.
Радио
как четвёртый день молчит.
На душе
кошки подлые скребут.
Как дитё
захандрил – который раз?
Ё-маё!
завтра сяду в паровоз!
Укачу
встретить пару добрых глаз,
Дорогой,
самый верный в мире пёс!

30 апреля 1990.

Туман

Ну, как не описать кисель-туман?
Разлитый по болоту, по над речкой,
Как дым костра, что разложил шаман.
Его не взять в карман не сжать уздечкой.

Чудесен образ седовлажный;
Он – джин таинственный и важный,
Он озорник и покоритель,
Он дух – той местности хранитель.

– Туман… но томен ты едва ль –
Восставший из глубин трясины
Ласкаешь песенную даль
Сливаясь с птицей в небе синем.

Пират – пробравшийся тайком,
Младенец, выронивший слово –
Своим кипящим молоком
Ты музу опьяняешь снова.

Ну, как не воспевать ту явь,
Которая во сне не снится,
Что взор мгновением отняв
Заставила преобразиться

Остолбенеть и погрузиться
В твои парящие владенья.
...Жаль, что приходиться проститься
С тобою, чудо-приведенье.

Тебя уж гонит новый день
Приуменьшая леса тень,
Но ты под вечер вновь родишься,
В реке и в сердце отразишься
Лаская, свежую сирень...

18 мая 1991.

***

Я обречённый на ожидания –
Шаги прощальные, слова печальные.
Я обречённый на провожания –
Глаза печальные, слова прощальные,
Где безнадёжные все зарекания
И маловажные все замечания.
Я обречённый на ожидания,
Красноречивые слова писания.
Кому-то нужные мои стенания,
Кому-то важные души познания –
Незабываемы их очертания,
Я обречённый на ожидания.
Луной окрещены стихописания.
Судьбой пропитаны предначертания
Для просветления и сострадания –
Я обреченный на ожидания.

1 июня 1991.

***

Удары судьбы принимаю как должное.
Чую сердцем, где правое, где подложное.
Изменить не пытаюсь звёзд управление
И чужое, по-моему, глупое мнение.

Июнь 1991.

***

Чураюсь глупости плодов, семян
И тех, кто в рамки втиснул океан.
Приободряет здесь в часы отчаянья
Спокойствие небес и их молчание.

16 ноября 1991.

***

Небо съело пол-луны,
Айсбергами облака,
У дороги валуны
Освещённые слегка.
Преет сена свежий стог
Охраняя тень.
Луг ночной росой промок.
Зацвела сирень.
Воют псы наперебой.
За рекой – поют.
Лодки сонною гурьбой
Вёсла свои ждут.
Воздух свежестью пьянит –
Сказка на яву.
Возле липы дед стоит
В радость комару.
Надоело вспоминать
Прошлые деньки
Потянуло помечтать
Сидя у реки:
– Брошу вот работы плен
И сторожку ветхую
Выберусь из этих стен
Кажущихся клеткою.
Зашвырну рюкзак за плечи,

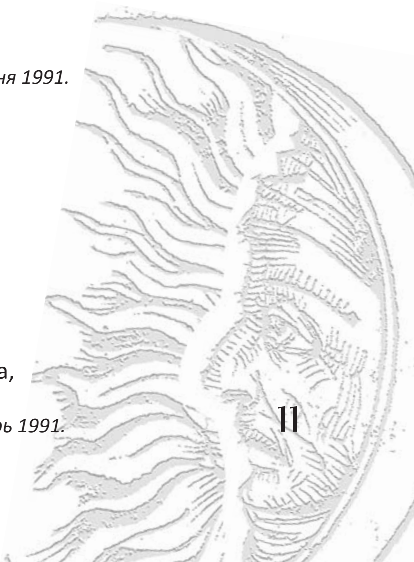
Дом вручу соседу,
Может грусть-печаль излечит
Путь по белу свету.
Жизнь знаю – опыт есть,
Ведь давно хотелось
Несмотря на тяжесть лет
Сбросить сует серость.
И забраться в дикий лес
Где по-над рекою
Край касаются небес
Сосны головою.
Где у берега родник,
А в затоках щуки.
Где житьё – сплошной пикник,
Как бальзам от скуки.
Где забудутся дела,
Срывы да промашки.
Где в лугах перепела
Да цветы ромашки.
На закате надо жить,
Как перед рассветом;
Что ещё смогу любить
Я на свете этом?
Чтоб в покое отойти
В Божие чертоги…
Эх! Дороженьки-пути
Ждут вас мои ноги!

17 июня 1991.

***

Ай, тоска то скалится –
Тебе со мною нравится
Уняться ты не хочешь
Всё над душой хлопочешь
Расстаться не желаешь
На руку нерв мотаешь
Огонь тушить пыталась
Да только просчиталась.
Сколь не колдуй, красавица,
Тебе со мной не справится.

Ноябрь 1991.

***

Сегодня так хотел влюбиться!..
Но, звёзды не послали встречу
И искренностью заискриться
Не пожелал сей тёмный вечер.

Хотелось мне преобразиться
В твоих (не знаю чьих) руках
И наслажденьем насладиться,
Чтоб после описать в стихах.

Но, вот один пишу печально –
Нет перспектив повеселеть.
Лишь муза, заглянув случайно
Поэта просит просто петь...

24 ноября 1991.

***

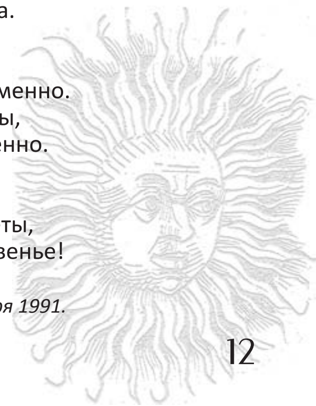
Не насилуйте музу, поэты!
Набирайтесь терпения, чувств.
Разгадайте загадки-приметы;
Слог – созрев, будет смачен и густ.

Не насилуйте музу, поэты!
Эта девочка очень ранима;
Вы рифмуйте вопросы-ответы,
Призовите помочь Серафима.

Не насилуйте музу, поэты!
Над собой не глумитесь надменно.
Коль постигните духа секреты,
К вам она прилетит непременно.

И тогда, в миг её появленья,
Бросив в Лету проблемы-суеты,
Пейте пригоршнями вдохновенье!
...Не насилуйте музу, поэты!

13 декабря 1991.

***

Преподносить бесстыдно научились
Отшлифовав обряд превозносить,
Но отдавать, как дети – разучились,
А выучились красть и сторожить.

Вот интересно, что на свете будет,
Когда играючи преподносить
Разучимся, и род людской забудет
Что можно лжи игру – превозносить?

31 декабря 1991.

***

Не дождусь любимой –
Позабыла стежку.
По дороге пыльной
Я тащу тележку.
Её ось скрипучая,
Ведь она не смазана…
На сердце горючая
Грусть-тоска заразная.
А в повозке льдины:
Ссоры да обиды,
Да ещё картины
Жизни позабытой.
Остальное в спешке
Лихо прихватило –
Стежку да тележку
Только подарило.

28 июня 1990.

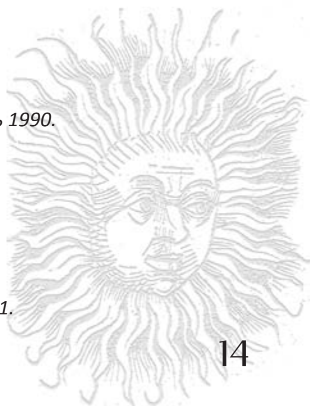
***

Чувствую запах –
найду и след.
Познал тьму –
познаю свет.
Должен всем
и никому.
Искал бой –
нашёл войну.
Знаю кто

и знаю где
может помочь
выжить в беде.
В небе летал,
лед долбил.
Морем плыл –
духом парил.
Берёг, терял,
вновь находил.
И лишним был
и третьим был.
Любил, скорбел
и хоронил.
Рыдал, бродил,
бежал без сил.
Из кожи лез –
грехи считал.
По небу звёзд
судьбу читал.
Осознавая –
прозревал.
Искал приют –
нашёл причал.
Когда прошёл,
тогда вздохнул.
Когда хлебнул,
тогда вспорхнул.
Откуда выход
там и вход.
Хоть чаще здесь,
наоборот.

Сентябрь 1990.

***

Больше не хватаюсь за перо –
Сердце не вмещается в писания.
Видимо мне слова серебро
Заменило золото молчания.

Октябрь 1991.

***

О, лучше б мне тебя не знать!
О, лучше б я сломал крыло!
Невыносимо прилетать
К тебе, о зеркало моё.

10 декабря 1991.

***

Здесь на земле всё зыбко и непрочно;
Ни свет, ни мрак, ни горе, и не праздность.
Всё уязвимо, многое порочно,
А постоянна лишь непостоянность.

15 декабря 1991.

Вдова

Коромысло перегнули два ушата полные.
Томят спину, жмут плечо, да не привыкать.
Стылою росой вечерней ноги околдованы.
Через луг к избе плетётся молодая мать.

Распустили ивы слёзно, ветки, словно косы.
Молодец да девица смехом гонят вечер.
Показался лескою дым от папиросы –
На завалинке, дедок - думу спрятал в плечи.

Заикнулось, вспомнилось в сердце озабоченном
Девичья покладистость молодой вдовы.
Все гулянья, праздники, ночи непорочные...
Тяжко, как от коромысла с вёдрами воды.

Руки дрожью-осыпью лёгкою покрылись.
Хорошо всё было, да не возвратить.
Вспомнилось, как с суженым, впопыхах простилась
Как на фронт его, босая, вышла проводить.

Листик долгожданный тот – слёзы поливали.
Письмецо короткое – подорожник к ране.
Да спасибо милая, почта полевая,
Главное, что жив любимый, не беда, что ранен...

Шла, не торопилась, голову склонила.
Чёрт попутал, что ли, камень под ногой.
Вся стопа заныла, больно, да терпимо –
Это ж не рожать, кричать лютою зимой.

Скрипнула калитка, хлопнула обычно.
Коромысло в угол, да слезу в ведро.
За порог не слышно, в темноте привычно.
Спит сыночек в люльке, спит давным-давно.

На столе коптилка зачадила томно.
Локоть подпирает седину начальную.
Разложила письма и вздохнула сонно.
Наугад достала весточку печальную.

Жёлтый лист, исписанный почерком дрожащим:
«Здравствуйте, не знаю вас, да сказать придётся.
Был ваш муж солдатом крепким, настоящим...»
Дальше неразборчиво – соль водицей льётся.

Подбородок дрожью сдерживает всхлипы
Из груди да в горло горе полилось;
«На кого ж покинул милый да любимый,
Начинали весело – нынче вкривь да вкось».

У иконы-матушки приклонёно молится.
За окном, на улице, девка рассмеялась.
На постель холодную села, ноги ломятся,
Словно призадумалась, будто бы заждалась.

В люльке сиротинушка повернулся мямля.
Снится, знать, хорошее – Слава те Господь.
Хоть слезами горю, и поможешь мало.
Да утешить некому, так поплакать хоть.

Думу свою тяжкую кинула в подушку.
Тишина за стёклами – засыпай околица.
Надо жить, не выкинешь ни беду, ни душу,
И поделать нечего, хоть и жить не хочется.

6 мая 1991 года.

***

Остыл...
Пожар давно погас.
В конюшне разжирел *Пегас
Но, хорошо мне от того,
Что не пылает ни-че-го.

12 февраля 1992.

***Пегас (греч. миф.) – крылатый конь, символ поэтического вдохновения.*

***

Я не смотрю, а созерцаю
Не радуюсь и не грущу
И ни чего не отрицаю
И ни куда здесь не-хо-чу.

20 июня 1992.

***

Покланяться значит приобщаться.
Приобщаться значит познавать,
Познавая, будешь подниматься,
А, поднявшись, приклонись опять.

21 июня 1992.

***

Луна – глаз бродяги, искос посмотрела на тело,
А тело забыло заботу и ласки фортуны,
И нет до него никому даже малого дела.
...Хороший сюжет для картины, а может гравюры.

1992.

Песня

Переплетаясь в нитях бытия,
Завязывая новые узлы,
За чашкой кофе, сидя до утра,
Не вспоминаешь о деяньях злых.

Сливаясь воедино в тишине,
Беседуя о сущности всевышней,
Нам кажется, мы мчимся на коне
Приподнимая души выше, выше!

Нет боли, страха, злости и тоски –
Один полёт и тот неуправляем
И чувства так доверчиво легки,
Что, кажется, сему не будет края.

Одна пусть сигарета на двоих,
Одна мелодия, одно стихотворенье,
Но нас переполняет этот миг
И дарит оперенье вдохновенья.

Переплетаясь в нитях бытия,
Завязывая новые узлы,
За чашкой кофе, сидя до утра,
Не вспоминаешь о деяньях злых…

28 июня 1992.

***

Пролилось красное вино
На дно
Хрустального бокала
И радуга в нём затаилась,
И кровью на щеках играла,
Запекшись искрой на губах.
…Ну, как тут не промолвишь – «Ах»…

1992. 14 июля.

Рубаи от *Омара Хаяма

***

Зачем мне знать – кто еретик, кто верный,
Кому они нужны все эти скверны –
Не стану мудрецом я от того,
Что закричу: «Ты был не прав…наверное».

***

Коль посчастливится, и попаду я в рай,
Архангела спрошу, осматривая край:
«Ты узелок моих сомнений развяжи,
Что пьют у вас в раю, пожалуйста, скажи».

***

Уж много дней не пил нектарное вино,
Ты знаешь, друг Хаям, не нравится оно –
В нем истину искал, нашёл одни болезни…
В сравнении с твоим – у нас вино – дерьмо.

***

Я знаю, каждый день смерть ходит по пятам,
Но не боюсь её уже, как ты Хаям,
Всё ж в кабаках я дней своих не пропиваю –
Там кормят, чем попало, и друга нету там.

***

Мечеть я предпочёл стенам другого храма;
Я чту библейский стих – ты суры из Корана,
Но если б воплотился в один с тобою век,
То был бы собутыльником для мудрого Хаяма.

***

Быть может я, когда-то, с тобою вместе жил…
Бог видит, в этом теле я прошлое забыл.
Читаю рубаи и чувствую порою,
Что этот вот кувшин с тобою вместе пил.

***

Мой друг, ты плод Господних деяний и затей.
В ином миру надеюсь, ты пьёшь среди друзей!
Я с бадунища здесь один, как ты когда-то,
Так будь же милосерден, опохмели скорей.

9 декабря1993.

**Омар Хаям – Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури, Омар Хайям (18 мая 1047, Нишапур — 4 декабря 1123 — выдающийся персидский поэт, математик, астроном, философ.*

***

Забота красного вина
Чиста, приятна и хмельна,
Но не касается души
Своим касанием она.

Сентябрь 1993.

***

Земля без соли – просто прах,
А соль находится в слезах.
Кто просолил сознанья твердь –
Тому пора любить и петь.

17 августа 1993.

***

Расшифровали плащаницу
И объяснили чудеса,
И на иконах расчесали
Распятого Христа.

Ноябрь 1993.

***

К Творцу я посылал мольбу одну:
«Отец, спаси, я падаю ко дну!»
А Он ответил: «Я ж предупреждал,
Чтоб за усы не дёргал сатану».

11 декабря 1993.

***

Когда поэту не до сна,
То значит у него весна.
Ну, а когда пришла весна,
Тогда поэту не до сна.

11 декабря 1993.

Как рождаются стихи

Хоть я не баба, но рожать умею.
Все схватки и потуги знаю. Пусть!
Когда без вдохновенья немею,
Тогда учу детишек наизусть.

Беременею только лишь от духа
Надеясь, что всегда то – Дух Святой.
Моя душа к Пегасу липнет слухом,
А Муза своровала весь покой.

Так носишь семя в сердце, как в утробе,
А свежий образ бьётся молотком
Между решёткою безмозглых рёбер,
И очи набухают молоком –

Плод кормится идеями гармоний,
Он алчет свежих чувств и красоты
И в правде-матке, от мирских ироний,
Купается в озёрах доброты.

Ну, а созрев, зацепится за слово
И по ночам хоть вовсе не ночуй –
Отпустит воды и кричит сурово:
«Рожай меня натужившись! Рифмуй!»

Бывает, сердце лезет вон из кожи,
Ну а бывает, не успеешь сесть,
Как он уже в тетрадке корчит рожи,
Или орёт: «О, Боже, дашь нам днесь!»

Но если честно – мне плевать на тяжесть
До боли жаль своих бесплодных дней.
Гораздо легче жить, коль помнишь радость
Собой же новорожденных детей.

21 декабря 1993.

***

Чему Христа учила Мама,
Какую пела Ему песнь?
И над яслями средь тумана
Какой была Благая весть?

Какая нежность пеленала
Его младенческий покой?
В Ком смело истина сияла

Над всею грешною землей!
Из чьих источников черпала
Она, когда просил Он пить?
В Ком вечная вода живая
Для всех, кто жаждет вечно жить!

...Сиял весь дом улыбкой нежной
Его бессмысленным слогам,
Того, кто мудростью небесной
Недосягаем мудрецам.

3 ноября 1993.

Баламутская

Хвала богам за настроенье –
Настало в жизни потепленье;
Мне снова хочется в Китай.
Эх, балаечка играй!

Не сомневаюсь не на йоту,
Что оженюсь не по расчёту,
И съеду в незнакомый край.
Эх, балаечка играй!

Тоске скажу: пардон-пока,
Ищи другого дурака
И с ним, подруга, загорай!
Эх, балаечка играй!

Дружище, что сидишь как вошь?
Я заведу – ты подпоёшь,
А скуку – сукою в сарай!
Эх, балаечка играй!

Нажраться нам не довелось,
Хоть нализаться на авось,
Смотри вперёд, не унывай!
Эх, скрипочка наяривай!

Сними напильник со струны –
Настанет время для войны.
Покуда можно – зажигай!
Эх, скрипочка наяривай!

Мы здесь солдаты, между прочим,
Бойцы, невидимые, ночи –
Штурмуем тьму, не отступай!
Эх, скрипочка наяривай!

Вон прут занудные вожди,
Подпустим ближе, подожди.
Обойму смеха заряжай!
Эх, скрипочка давай, давай!

А ну ка отпусти стакан!
Как говорил один «кардан»
Бутылка может сделать «Ай!»
А ну гитара, подпевай!

А помнишь рыжую подругу,
Что на меня одеть подпругу
Хотела будто невзначай?
Сильней гитара подпевай!

Она открыла магазин
И я теперь живу один –
С ней попрощался – продавай!
Вот так гитара – продолжай!

Эх, затянуться б до костей –
Нет сигарет, ну хоть убей!
А может, к ней пойдём на чай?
Мол, мы с гитарою – вставай!

Поставили б на уши дом
Ведь там где курим, там и пьём.
Что, решено? – Тогда давай
Скрипи гитара, балалай!

23 августа. 1993.

Как это мило!

Когда один грущу уныло
И вся печаль в глазах как мыло,
Когда чувствительность остыла
О, господи, как это мило!

Когда приснилась вдруг могила.
Когда стишок душа родила.
Когда целуешь крокодила
О, господи, как это мило!

Когда любовь меня забыла
Иль от любви грызу перила
Или болтаюсь как кадило
О, господи, как это мило!

Меж глаз фортуна засветила,
Собака на луну завыла,
Подруга другу изменила
О, господи, как это мило!

Под сердцем скука засверлила.
На ногу сука уронила
Мне ящик свежего тратила!
О, господи, как это мило!

Когда попутчица – «кобыла»
И пьёшь с ней на халяву пиво,
Когда в помаде моё рыло
О, господи, как это мило!

Когда проснёшься торопливо,
А рядом старая Тартилла
И вся душа на небо взвыла:
О, господи, как это мило!!!

Сегодня муза посетила;
Меня ласкала и смешила,
Все сигареты покурила
Ушла о, господи, как мило…

27 августа 1993.

***

Сжимались пальцы и сплетались,
Перемешались, приживались,
Соединеньем наслаждались,
Из двух в одно переплавлялись,
От боли холода спасались,
Объединялись и срастались,
Непонимания чуждались,
Найти себя в себе пытались,
Во тьме, блуждая, спотыкались,
На лютый холод натыкались –
Спасаясь, к свету ускорялись,
И падали и поднимались,
Средь суеты мечтой питались,
И плакали сердечно каясь,
На небо вырваться пытались,
Но, не умчались,... разорвались
А, разорвавшись, порывались
Вновь повстречаться, но... расстались.
– Такое здесь всегда случалось –
Прокомментировала старость.

1 сентября 1993.

Подари...

Подари букет, я хочу сейчас.
Подари луны одинокий глаз.
Подари звезду, что упала в лес.
Подари тропу аж на край небес.

Подари стихи, что сложил ручей
И ещё полёт белых лебедей.
С медоносных губ подари глоток.
Откровенных слов подари поток.

Подари мне цепь, чтобы нас связать.
Подари мне день, чтоб тебя искать.
Подари мне миг, чтоб надеется.
Подари любовь, что не мелится.

Пощади меня в этой злой судьбе,
Укради меня, подари себе.
Ты взглянула и… сердце плавится –
Подари мне то, что не дарится.

15 сентября 1993.

***

Селена* над крышами встала
И посылает мне муки;
Я вспоминаю устало
Очи, улыбку и руки.
Взглядом спросил у Селены:
– Встречу ли девушку ту?…
В ответ, словно бритва по вене:
– Любишь ты только мечту.
Ту, что любил без оглядки
Выкрал безжалостный Рок
Так он, играючи в прятки,
Вас на разлуку обрёк.
– Будет в судьбе перемена?
Ну же, ответом спаси!
Но отвечала Селена:
– Солнце об этом проси.
К Солнцу ладони простёр я
– Ответь, не мути сердца кровь!
Оно мне: Навечно запомни –
Любишь ты только Любовь!
–Что же мне делать, светило?
Изнемогаю страдать!
Жить без любимой не мило!
Где мне её отыскать?
На западе Солнце моргнуло
День, на восток унося;
Так оно мне намекнуло:
Выше меня Небеса…
– Небо! О, Бога подножье –
Я как молитву пропел
– Долго ль Премудрости Божьей
Нужно чтоб я тут скорбел?
Сколько душевных страданий?
Чем я в немилость попал?

Чтобы сей Рок окаянный
Сердце моё надрывал?
Небо нахмурило брови
И раздалось из глуби:
– Что ты скорбишь о Любови?!
Любишь, так молча, люби!

4 декабря 1993.

**Селена (греч. миф) – богиня луны.*

***

Прокисло горечью томленье,
Я жду напрасно возвращенья,
Не будет сердцу осиянья –
Ты не вернёшься из изгнанья.

Твой бывший раб теперь отшельник,
Томим разлукой горевой,
Несёт любви тугой ошейник
Незримо связанный с тобой.

Архангел мой – хранитель лиры,
Дарит мне нежности сапфиры,
Но, что мне делать с этим кладом,
Коль жизнь кажется здесь адом.

Прокисло горечью томленье,
Не видно сердцу осиянья,
И в тягость крылья вдохновенья –
Живу молитвой покаянья.

4 декабря 1993.

***

Благословенна любовь безнадежная –
Ива плакучая, околобрежная.
Благословенны сердца страдания
Верой, надеждою и покаянием.
Святость завета – в быту осторожность,
Благословенна твоя ненарочность.
Тысячекратно ночное моление
Благословенно присутствием Гения.
Тяжесть утрат – испытанье душевное,

Благословенно твоё искушение.
Боль – приносящая слёз омовение
Благословенно твоё умиление.
К истине мукой любви обреченное
Сердце ранимое – благословенное.

1990 – 1993.

***

К чему, мой друг, все брызги мира;
Пустые звуки бренных слов,
И тосты дружеского пира,
И тягость временных оков?
К чему, запруженный утратой,
Тупик – безвыходность пути?
Ведь небо, лёгкостью крылатой,
Нас учит счастье обрести.
Один средь ночи одинокой
И, в размышленьях не спеша
Ты – под лучом луны далёкой,
Послушай сердце, не дыша.
И в такт его биеньям ровным,
Покинув мысли тишине,
Услышишь разумом спокойным
Молитву Духа в глубине.

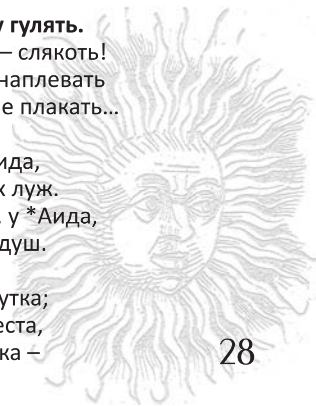
10 декабря 1993.

***

Двенадцать ночи – ухожу гулять.
На улице, как на болоте – слякоть!
Но мне, естественно, на это наплевать
Ну, а плевать, естественно, не плакать...

Повисла тьма, как старая обида,
Над зеркалом одекабревших луж.
И словно в царстве мёртвых, у *Аида,
Слоняются вместилища для душ.

Провинция моя, как проститутка;
Ни святости, ни чести, ни креста,
Как язва малолетнего желудка –

Мучительно-безвыходна-проста.
В лицо хлестнул дождливой пылью ветер.
Тут хоть распнись, но не переиначишь
Её ни в жизнь; сидишь как рыба в сети –
Сперва плюёшься, ну а после плачешь.

14 декабря 1993.

**Аид (греч. миф.) – владыка подземного мира и царства мёртвых.*

***

Меня спросил он взглядом винным:
– К чему мольбы, тоска о дивном?
И что ему ответить?: Знаешь,
На Боге свет сошёлся клином.
– Но ведь похожи мы вполне,
Что ж разного в тебе, во мне?
– Мне – свет сошёлся клином в Боге,
Тебе ж, наверное, в вине.

15 декабря 1993.

Диалог с Музой

Опять загостил
В доме,
Который не мил.
Спокоен, как питон.
Тьма лезет на рожон моих окон.
Остыл
От электричек, суматох.
– Грустишь?
Да нет, хотя
Немного одиноко.
На локтях
Ушибы ноют после драки.
Во дворах
Луну облаяли собаки.
На окно
Паук стремится с потолка.
– Любовь?
Скорей из прошлого рука.
– Её забыл?

Пока не смею,
Но ситуацией владею;
Где кровь,
Там ощущение войны
…Хотя, порою и вины
(спросить у топора).
Тебе пора?
– Увы, пора.
Оставишь что-нибудь?
– Задумчивость.
Уж лучше вдохновенье.
– Найди кого-нибудь для тела.
Надоело!
– Ждёшь?
Да, жду знаменья!

18 декабря 1993.

***

Когда опухнет морда от тоски,
Напялив белоснежные носки,
Пойду искать того, Кто не от мира,
Кто до сих пор не сотворил кумира.

23 декабря 1993

***

И что мне делать на балах?
Я не бываю тама.
Сижу, копаюся в стихах
Осипа Мандельштама.
Он мне брательников родней
С рождения, кажись.
Хоть я то-вроде не еврей
Поди, там разберись.
Вот с Бальмонтом мине трудней –
Он гений русской речи!
Хоть я как он дышу ей, ей –
На ноги и на плечи.
Он другом дьявола назвал,
А я живу с чертями.
И понял я, когда читал –
Нет разницы меж нами.

Он говорит: Я гром, я гром!
Я тоже, когда пьяный,
И мой «внезапнейший излом»
Давно опробованный.
Он говорит: Я юный сон!
Я тоже сплю до часа,
И я по дикому влюблён
В зеленого пегаса.
«Я первый тут нашёл уклон»
Эх, тож мне – открыватель.
Я тоже, будучи хмелён
Кривой пришёл к кровати.
«Я стих изысканный» кричит,
Ой, стихни, успокойся –
Я тоже стих не лыком шит
И ты меня побойся.
Вы б помолчали Константин
Про лес зелёный мая
Ведь все поэты как один
Кормятся воровая.

23 ноября 1993.

***

Сам Ангел Апокалипсический
В меня вонзает меч мистический
Напоминая о войне
Которая, идёт во мне.
И груз безвыходно кармический
Порой рождает страх панический,
Что бледный всадник при луне
Арканом стащит к сатане.

Весь ужас дьявольского плена
Я вижу, вставши на колена.
Грехи на шее жмут кольцом –
Виною сына пред Отцом.
Господь! Ты прав своей любовью!
Голгофской пролитою кровью!
Я пред тобой объят виною
Стою с поникшей головою.

Ты знаешь всё, Ты грех мой видел,
Всё то, чем я людей обидел.
И стыдно вновь просить прощенья,
И твоего благословенья…

Уже не демон раздражённый,
Ещё не Ангел окрылённый,
Я на границе тьмы и света
Судьбою схвачен по рукам,
И разрываюсь пополам,
Как будто сердце *Пересвета.

29 ноября 1993.

**Пересвет Александр (? – 1380) – герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря. Его поединок с татарским богатырём Темирмурзой, в котором оба погибли, стал началом сражения.*

Падение

Вот, я падаю… что ж –
Падать тоже, летать.
Подо мною как нож
Начал сумрак блистать.
Так во тьму ухожу –
От молитв и стихов
И бессильно гляжу
На корону грехов.
Лучше мытарем быть
Чем фарисействовать…
Нету сил победить –
Не хочу себе лгать.
А виновен я в чём?
Оступился я где?
То узрю пред мечём
На Господнем суде.
Вижу сам сатана
Сетью ловит меня,
Чтобы сбросив с коня
Оттащить от огня.

Вот я падаю, что ж
Подо мною – тьмы нож.
Не упасть бы до дна
– Отойди, сатана!

29 ноября 1993.

Здравствуй муза, хочешь финик?

Саша Черный.

Здравствуй муза, финик хочешь?
Слезь с плеча, а то схлопочешь.
Я с тобой шутить не стану –
Живо двигайся к стакану.

Как дела? Успехи как?
Если хочешь вот коньяк,
Есть ещё сухой мартини –
У меня ведь именины.

Что ж ты? Присоединяйся!
Не тушуйся, не в гостях.
Говори мне, не стесняйся
О Парнасских новостях.

Есть ли сено у Пегаса?
Кто Гомеру варит мясо?
Кто жуёт одну окрошку?
Посадили вы картошку?

Как там Лермонтов, Крылов?
Кто сейчас пасёт коров?
Как Ахматова живёт,
Не хандрит? Наоборот?!

Муза, выпив, закусила
Губы вытерла рукой
И в ответ меня спросила:
– Ты поведай, что с тобой?

– Надоели до тошноты
Бабы, пьянки, анекдоты.
Чем болтать, давай допьём
И в два голоса споём.

И плевать, что слуха нету
Мы ж не метим в оперетту.
Не стесняйся, подпевай:
« Я беспечный самурай…»

Что, понравилась ну, то-та!
Я ж тебя предупреждал,
Что косить под идиота
Даже Пушкин обожал.

Муза! Вот тебе посуда,
Наливай за наш дуэт!
Я беспечностью, покуда,
Заряжён как пистолет.

Выпив, вдруг сказала: «Братец!
Я кривая, как коса.
Время – надо собираться
На Парнас, на небеса».

У дверей она споткнулась,
Оглянулась, погодя
От-икалась, улыбнулась
И сказала, уходя:

« Ну, до встречи, мой дружок.
Напиши про нас стишок
Типа: Муза на века
Полюбила дурака…»

Ноябрь 1993.

***

Луны не видно, ветер ноет,
Пегас смотался отдыхать.
Кого любить? Кого искать?
Кто эту душу успокоит?

Не пишешь «нет», не слышно «да».
Сны нежной бритвой ранят смело.
Надежда мутью переспела,
Как в тихом омуте вода.

Уехать к другу? – денег нету.
Забраться в горы? – не сезон.
Исповедаться есть резон
И окунуть сознанье в Лету.

Бессонна полночь, день пустой;
На улицу не сунешь нос,
А сунешь – вдарит Дед Мороз
Сижу, смеюсь, толь над собой
толь над судьбой.

20 декабря 1993.

Детская страшилка

Чернокудрый и на тоненьких ногах
Поселился в переулке Темнострах –
Он обходит освещённые места,
У тропинки словно тень стоит в кустах.
Полюбил он колдовскую Черноночь,
Дрожь Гусиная ему родная дочь,
Нерешительность – любимая сестра,
Они вместе выселяться до утра.
Перессорились они с Зарёю Ясной,
И грозились отомстить Луне Прекрасной,
Только Солнце встанет точно по часам
И разгонит тех и этих по домам.
Ночью жутко и прохожим и собакам,
Если встретят Темностраха вместе с Мраком.
И домой спешат прохожие скорее
Повторяя: утро ночи мудренее.

21 октября 1993.

Мой Даниил Андреев*

**Даниил Андреев (1906 – 1959) – русский поэт, писатель, мистик, автор книги «Роза мира».*
**Атлант (греч. миф.) – титан, держащий на своих плечах небесный свод.*
**Эон (греч. миф.) – олицетворение вечного времени.*
**Лета (греч. миф.) – река забвения в подземном царстве, вода которой заставляла души умерших забыть жизнь на земле, всё прошлое.*
**Тетрада (греч.) — величина, непосредственно формирующая видимый мир из четырех первоэлементов; своеобразный символ ключа, открывающего дверь к духовному и материальному совершенству.*
**Навна – условное имя богорожденной монады, идеальная Соборная Душа Российской метакультуры.*

В глубины духа, вширь времён
Вонзая очи духовидца,
Ты был упрям и прям, силён,
Всей убеждённостью провидца.
Жонглируя, как скоморох
Непобедимостью таланта
Средь тюрем, воин и дорог
Жил не поверженным *Атлантом.
Ты вестник, освятивший тень
Над назначеньем пантеона –
Эфирно радужных ступень
В спирали вечного *Эона.
Сквозь *Лету вброд провёл полки
И указал им – Кто *Тетраду
Вложил в их душ черновики,
И Евангельскую тираду.
Испив из чаши созиданья
Был послан людям приоткрыть,
Что поднесла их душам *Навна
Стремленье Богу со-творить.
Прислушиваясь ухом духа
К вселенским тайнам бытия
Ты напитал преданий сухость
Водой сердечного ручья.
Сквозь бурый монолит острога
Вглубь искалеченных сердец
Ты возвестил – царь может много,
Но может большее – мудрец.

1993 – 2010.

В церкви

Молитвы верная служанка,
На лик иконы золотой,
Склоняла в храме спозаранку
В надежде облик горевой.

Сединами, касаясь пола,
Не слыша тех, кто за спиной,
Несла Отцу молений слово
С духовно спелою слезой.

Вонзая очи покаянья
В лицо распятого Христа
Пылали жаждой назиданья
В посту иссохшие уста.

И вот, наградой провиденья,
В юдоль, сокрытую внутри
Пролилось чудо озаренья
Неугасаемой зари.

Уста елеем помазанья
Облёк слова её покров:
– Иисус! – надежда мирозданья!
Ты весь – Любовь, Любовь, Любовь…

9 ноября 1993.

***

Пришла спокойствия пора,
Настало нежное затишье
И размышлений кружева
Дарит природы многостишье.

Под первым снегом зелен мох,
В ночь журавли закочевали,
А месяц, как единорог,
Вожак, над звёздными стадами.

Скользит по млечному пути

Взгляд запоздалого скитальца
Желая по нему пройтись,
Без размышлений прогуляться…

И осторожность созерцанья,
И чувство целостной судьбы
Переплетают мирозданье
С очами полные мольбы.

И, тихоплавноосторожно
Сливаясь с вечностью времён
Проявится премудрость Божья
Как сила тайная икон,

Как мелодичное посланье;
Дар излучения стихий –
Итогом долгого исканья
Преобразуется в стихирь.

13 ноября 1993.

***

Орехи фраз, немного взглядов
Но, часто вспоминаю их,
Как тайный блеск глубоких кладов…
Тоскою сочных глаз твоих
Меня манит очарованье…
По-детски в щёку поцелуй,
Прощанья разочарованье,
И страстью стойкое желанье
Закралось в душу: ну, колдуй!
И ворожи и заклинай,
Молись и плачь, грусти, вздыхай!
Но я робею от чего-то;
Боюсь коснуться губ бутон,
Боюсь забытого полёта,
Боюсь, что это снова сон,
Что вновь удар сверкнёт, как гром
И буду я тогда лишён
Входить в твой храм,
в твой дом.

Что час разлуки разрывать не буду
нежным косновеньем,
А снова вечным провиденьем
я стану обречён...
И думу
свою тяжёлую, как тьма
Подарит влажная весна...
Но, что со мною – страх горит,
Не в страсти и не в вожделении –
В глубоко-светлом вдохновении
В огне пылающих ланит!
Глаза и руки помню, помню!
Стремлюсь в них дерзко утонуть
Не отыскав ни брод, ни пойму –
Доплыть, дойти, почить, уснуть,
Но снова стон в груди – О Боже!
Ну, разве дух мой выжить сможет
Без этой пламенности чувств –
Опустошён я, но не пуст!
Так пусть
вершиться судьбоносный путь!
А грусть?
Да, Бог с тобою, дева Грусть.
Хоть ты роднее, чем сестра,
Но пламя моего костра
Тебя сожжёт –
Я слышу хруст твоих костей
В безумной радости своей.
...Ну вот, к тебе иду я, вот
Моя вчерашняя зола,
Надеждой смытая с чела,
Блистает на былых узлах,
А сердце стойко бьётся...
Ах...
Сего не выразить в словах
в стихах...

9 января 1994.

***

Еле влажные руки прикоснулись к волнистым губам.
Еле влажные губы разгорались углями на вздохе.
Одинокая ночь – всё раздвоено, всё пополам –
Необжитый причал в океане мирской суматохи.

Вижу тень на стене и волнистое тенедвижение.
Умолкаю в себе на какие-то доли мгновения,
А кругом тишина с темнотой незаметно сроднилась
И с биением сердца неразрывно, нечаянно слилась.

...Мною правит любовь, через творческий гимн гармоний.
Я пытаюсь в узор превратить ощущение выси.
Не встречаю лишь слов без двусмыслия и без ироний,
Чтобы выплеснуть свет, что за гранями чувства и мысли.

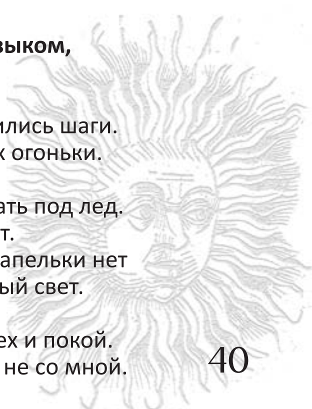
Триединство со мной, заплетаясь тугою косой,
Неразрывною сутью цветёт, проявляясь в сознании.
На горячих губах верной вечности чую покой,
На руках зрю фатальности символ – судьбы начертание.

Еле влажные руки прикоснулись к волнистым губам.
Еле влажные губы разгорались углями на вздохе.
Снова тень на стене, только ныне, как духодвижение...
Я пытаюсь найти чистоту в бесконечности выси.

23 января 1994.

***

Под мостом, незамёрзшим своим языком,
мне пропела река.
Я услышал её откровение издалека,
Я услышал, как прямо над ней прекратились шаги.
И блистали под полной луной на волнах огоньки.

Ей грозила морозная ночь песню спрятать под лед.
Я замерз, онемев, а река всё поёт и поёт.
Мне почудилось, будто меня здесь ни капельки нет
И всё это внутри и везде, а я сам – лунный свет.

Исчезали дороги, печали и радости, смех и покой.
И всё то, что случалось доныне прошло не со мной.

И остался один я, этот мир, отыскав, окружив,
И вдруг понял, что этой вот вечностью только и жив.

Я не помнил желаний, я даже не помнил молитв –
Этот час только лишь промежуток меж яростных битв.
Я не помню сраженья, но всегда знаю их результат
Потому, что я – вечно поющей реки одинокий солдат.

Мне никто не поверит, но я никогда не умру,
Ведь я умер давно, потому что я здесь не живу...
Было слышно в тиши, как Судьбы передёрнулась плеть.
Я ушёл в темноту, а река продолжала мне петь.

Я уверен, что наша любовь это воля Богов.
В срок настанет мой час – из телесных я вырвусь оков.
Отскользив по замёрзшей реке в омут брошу коньки.
Дай же Бог, чтобы это случилось у этой реки.

Чтоб под этим мостом незамёрзшую песню мне пела она,
Чтоб я понял её откровение, понял сполна,
Чтоб услышал, как прямо над ней прекратятся шаги
И увидел, как блещут под полной луной огоньки.

28 февраля 1994.

***

...второго мая падал мокрый снег.
Тропинки шоколадками растаяли.
Сбегали капли к уголочкам век –
В такую пору даже псы не лаяли.

И в слякоти увязнув, как обычно
И, по привычке, помня о тебе
Ловлю себя на мысли, что привычно
Мне стало одному блуждать во тьме.

Хотя апрель опять вязал узлами
И поцелуи наши и сердца;
Безумно раскалёнными губами
Прощаясь, обжигались у крыльца.

Ну, а теперь в бреду воспоминаний

Ты на чужбине ропщешь на судьбу,
Только струною-ниткою меж нами
Звучит моё упрямое «Люблю».

Пусть я привык один, но, слава Богу
Мне приоткрыла, что и ты одна;
Врозь ожиданьем тлеем понемногу –
Надеюсь для совместного огня.

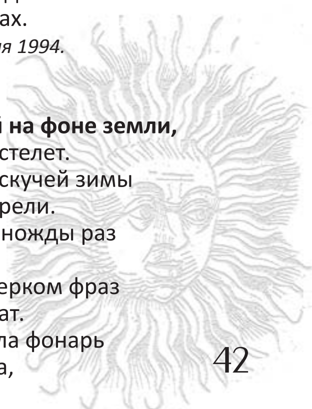
Зарекся ведь с тобой не расставаться
И в это, безусловно, свято верю,
Хотя велела ты не зарекаться
Но, без надежды трудно даже зверю.

Ведь я, как зверь, затравлен в час охоты –
Ты для меня последний верный шанс.
Словно солдат живой из целой роты
Стою, истратив весь боезапас.

И если суждено мне пораженье,
То пусть меня запомнит этот лес
Тем кто, узрев последний миг сраженья
С гранатой на груди под танк полез.

...второго мая снег прошёл, растаял.
Предчувствия душе приносят страх,
Что ты назад вернёшься неродная
И с горечью полынной на устах.

С 2 на 3 мая 1994.

***

Белый снег, потускневший на фоне земли,
Первым бархатом улицы стелет.
Волшебство белокудрой, трескучей зимы
Ворожит на промёрзшей свирели.
Трезво, чисто как будто в единожды раз
Начинается праздник сонат.
Наслаждается ветреным почерком фраз
Жарких губ переспелый гранат.
Чёрной прядью берёза укрыла фонарь
И застыла в окружности света,

Словно спелая молодость в мудрую старь
Наклонившись, заждалась ответа.
13 декабря 1994.

***

Ты сегодня похожа на тень
Потому что уходишь из ночи.
Потому что короче
Путь ко мне, чем домой.
Потому что в запой
Упивались медовым нектаром
Обозревшихся губ.
...Мы с тобою не пара,
Мы замкнувшийся круг.
Мы звено в бесконечной цепи,
Бесконечно одно.
Уходя, укрепи –
Превратив ожиданье в вино,
Согревая надеждой во взгляде
Дай мне противоядие
От разлуки, скучания...
Ты уходишь нечаянно
Унося неотступную тень,
Оставляя мне завтрашний день
как наказание.
15 декабря 1994.

***

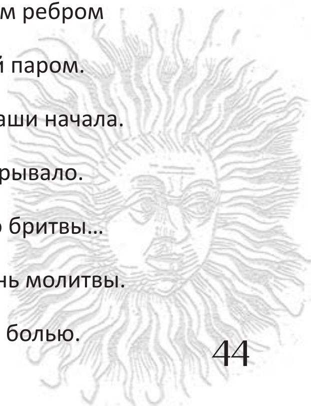
Сколько лес не руби, а не пойман не вор.
Сколько ты не люби, а на плахе топор.
Если хочешь учиться, не скупись заплатить.
Раз не смог утопиться, сможешь чашу допить.
Без труда у пруда – ни туда, ни сюда.
Кто помянет былое тому в небе звезда.
Рыба ищет, где глубже – человек, где беда,
Чтоб былое стекало, как с гуся вода.
Глянь – журавль прижиться не хочет в руках –
Невозможно гнездо свить на жарких углях.
Коль нажил сто рублей, не имей сто богов –
Презирай стариков и соломенных вдов.
Не теряй в суете ни секунды из дня –

Если спал на щите – пересядь на коня.
Если много цыплят, значит, осень поёт
Если щепки летят, значит, ворон орёт.
Сто дорог впереди, но спешить погоди
Человеку не ведомо, что впереди.
Всё запишется нам, сколько мы нарубили,
Всё измерится мерой, которой любили.

Декабрь 1994.

***

Вот и хватит любви –
наступает пора ненавидеть.
Позабудь, не зови,
не ищи меня снова обидеть.
Кто из нас виноват –
мы не в праве, наверно, решать;
Не сломать баррикад,
коль в упор продолжают стрелять.
Ты, наверно, права,
как стрела, что истлела в золе.
Я, наверно, не прав,
потому что не в монастыре.
Заурядный конец
беспощадным мытарствам разлук –
И кольцо и венец
подарил тебе верный супруг.
Вот и хватит стихов –
слышу где-то под пятым ребром
Треснул в холоде льдов
между нами ходивший паром.
Раздвоился поток
протекавший сквозь наши начала.
Видно – страсти порок
оскверняет любви покрывало.
Мы любили вдвоём
прогуляться по лезвию бритвы…
Сердце полное льдом
нынче плавит лишь огнь молитвы.
Ты наверно права,
что любовь закаляется болью.
Я, наверно, не прав

подчиняя любви свою волю.
Мы с тобой не сумели
замесить обоюдное тесто,
И совместно не спели,
и теперь не споём, если честно.
Осыпается цвет –
дважды в реку, увы, не войти.
Бесполезен ответ –
почему разбежались пути?
Мы сейчас игроки;
в чёрный ящик сыгравшие дети –
Не познав, что внутри,
не узнаем, кому из нас светит.
Нужно что-то ещё,
что смогло бы черту подвести –
Напрягаю плечо
выводя постепенно: «Прости...»
И, в отсутствие слов
превращается памяти шрам.
Зов невиданных снов
сигарету подносит к губам...

27 декабря 1994.

Другу после аварии

Пускай штрихует жизнь краски быта,
Пускай судьба тасует свой пасьянс,
Что есть у нас – разбитое корыто
И счастье рыбкой ходит мимо глаз.

На теле гипс, на сердце тоже камень,
Тропинка узкая, зато весомый крест,
Который никогда не потеряем,
Теряя даже суженых невест.

Лишь нам известны эти передряги,
Мы не вписались в наши виражи
И в четверть века, с мыслями бродяги,
Вновь на вираж выходим из межи.

Скелет уже поломанной машины
Остался там, где некуда бежать,
Но до сих пор мы рвёмся, как на мины
Туда, где нас душой могли обнять.

Канаты прошлой жизни от натуги
Вот-вот порвутся; рок их сокрушил.
Мы зря назад заламываем дуги
Осознавая: «Я недолюбил»…

Недолюбил и нас недолюбили…
Пускай тасует жизнь краски быта –
Ведь впереди нетоптаные мили,
А позади разбитое корыто.

15 ноября 1994.

О рифмах

Немало смысла в рифмах позарыто
Для всякого философа-пиита,
К примеру, фраза: «ангел, мой, хранитель»
Переплетается с: «архангел истребитель».

Оплот поэта: «чудо вдохновенья»
В себе несёт «причину униженья»,
А если присмотреться и «паденья»
Всё ради «гениального творенья».

Но коль пришлось «с позором провалиться»
Есть верный повод «до чертей напиться»
Конечно, если не решил «топиться»
Иль «в сказочную птицу обратиться».

Все глупые «ошибки и долги»
Не проживут без: «слушай, помоги!»,
А потому всегда «мирское зло»
Рождает фразу: «хоть бы повезло».

Всем ведомо: «душевные страдания»
Звучат в контрасте с «прошлые мечтания».

Сюда добавим: «груз воспоминания»,
Отмеченный печатью «причитания»,
Является причиной «сострадания»,
Но в лучшем варианте: «покаяния».

Кто смотрит телик, понимает: «власть»
В руках того, кто «разевает пасть»
На общее, чтобы «нажраться всласть»,
А после «с чемоданами пропасть»
Коль повезёт. А нет, тогда «законы»
Писать, и рифмовать под них «патроны»
Где эпилогом: «каркают вороны».

Рифмуем дальше: «в органах стукач»
Ну, как по маслу пишется с: «палач».
Сюда вплетается и: «детский плач»,
И: «у-у, дятел, дать бы ему в мяч!»,
И: «парень, у тебя в «коробке» срачь».
В итоге: «всё, допрыгался трепач».

Ещё привычно, что «с начальством спор»
Заканчивает «праведный топор»
Иль «беспристрастный судей приговор»,
А в лучшем случае – «немой укор»
Несущий неминуемый «позор» –
Так повелось на свете «с давних пор».

Коль посмотреть на мир «из одиночества»
Проявятся «Библейские пророчества».
Не говоря о том уже, что «лира»
Даётся в руки тем «кто не от мира».
Не удивляется сему и сам поэт
Себя, зарифмовав под «пистолет».

Продолжим дальше: «чистая любовь»,
Почти всегда рифмованная с: «кровь»
Нам вечно ставит «каверзный вопрос»
Который сочетается с: «Христос».
Не потому ли это, что Христос
Для нас во все века «больной вопрос».

А в завершенье глянь сюда, поэт,
У слова «рифма» рифмы то и нет,
(если, конечно, творческую рифму
не рифмовать под творческую нимфу)
Хотя вот эти самые стихи
Прекрасно зарифмуешь под «грехи».

1994 – 2010.

***

Нежной думою сердца – звала
Я услышал тебя, услыхал.
Ужин стряпала – поджидала,
Но я в хмурости заплутал.

Припасала ты мне улыбку –
Не впитал её, не ответил.
Приоткрытой заметив калитку
Отвернулась ты: Может ветер…

С шалью накрест с порогом сжилась
Я ж плутал, где-то мок.
От осеннего снега слилась
Между нами петля дорог.

Пальцы влажные дрожью сыплются
Позови в сердцах, позови.
Знаем оба, мы, что не вырваться
Без любви, на свет, без любви.

1994.

***

Светлая, нежная, сердцем прилежная,
Добрая, милая, знойная, снежная,
Кроткая ласкою.
Обворожила теплою сказкою.
Праведной верностью тихо касалась,
В душу, как ленточка в косу вплеталась.
Яркими взглядами трогала шрамы,
Их врачевала –
Забинтовала крыльями духа,
Тащила из ямы.

Феей во мне обернулась старуха –
Поступь за поступью приподнимала
И колдовала на белой постели
Страстью небесной,
Властью метели.
Лёгкою верностью глас промывала,
Очи печалила, сердце томила
И одинокой любовью поила –
Не подпуская к нектарным губам.
Вечно ступая за мной по пятам
Верно, учила с тобой не прощаться;
Плакать от счастья, бедой наслаждаться.
Тихо шептала не в ухо а, в душу
Клятвы, которые я не нарушу.
Даже в плену я свободой дышал –
Видя тебя в недрах горьких зеркал.
Ты преклонялась, не покоряясь –
Трепетно, кружевно переливаясь
С днями холодными,
С дедом туманным,
Вместе с дождём-колдуном полупьяным,
Нежной загадкой, дразня непорочной
Капли стихов кутерьмы полуночной.
Вместе с росою закатной искрилась,
В море слезинок волной прокатилась,
Сны пропитала заботой румяной –
Музой доверчивой,
Песней упрямой.
Стрелы пуская – брала без боя,
Стрелы вонзались – не чувствовал боль я.
Между рукою и рукоятью
Ты пребывала.
Сердце своей справедливой объятью
Ты направляла.
Мне говорила, слов – не роняя,
И просветляла, лучом проникая
До бесконечности сути Господней,
До основания дна преисподней.
…И всюду во мне ты, тобой уповаю,
Лишь имя, которым зовёшься, не знаю.

18 февраля 1994.

Накануне

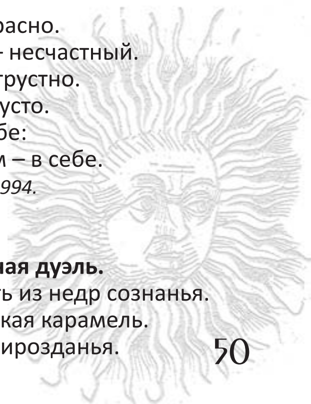
Настанет завтра твой рожденья день,
Но отмечаю я в себе сейчас;
От фотографии ромбическая тень
Краеугольно разделяет нас.
На сердце грань но, кажется граница,
Где временем, где тьмой проведена –
Звук голоса не хочет проявиться –
Твой голос канул. Лика желтизна
Не отдает ни свежестью, ни помпой,
Что так присуща скучным вечерам.
Не вспыхнет фото аурой иконной
И не до тоста уж – пардон мадам.
Не чокаюсь я с мёртвостью портрета
И вообще не чокнусь – буду ждать;
Судьба – любвеобильного поэта,
Назначила тоскою ублажать.
ЛЮБОВЬ – звучит до судорог банально,
Хоть кровоточит и слезой полна,
Лишь это её делает реальной;
Так море выдаёт его волна.

25 января 1994.

Совет

А ты искал во мне огня? – напрасно.
А ты взалкал моей судьбы? – несчастный.
Искал себе во мне опору? – как грустно.
Хотел пожать мои плоды? – но пусто.
Иди поближе, шепну на ухо – тебе:
– Всё это ты найдёшь с избытком – в себе.

23 января 1994.

***

Это просто истерика смеха – ночная дуэль.
Это очередь выстрелов в глупость из недр сознанья.
Это завтрашней радости кисло-сладкая карамель.
Это, как узелок на порчёной дыре мирозданья.

Этот смех напророчен оскалом и всхлипом вчерашним.
Этот снег не желал превращаться ни в воду, ни в лёд.
Это вымытый грунт основания мраморной башни,
И эзопов язык, разрывающий круговорот.
Эта грусть ужаснулась в воде своему отраженью.
Это смерть улыбнулась скупому убранству могил.
Это пепел забвенья, налетающий на вдохновенье
Это свет ослепляющим блеском пронзает эфир.
Это ноль, превращающий зёрнышко в точку отсчёта.
Это плеть, разрубившая страсти немым топором.
Это лес, постепенно спускающий корни в болото.
Это песнь чернил или красок под верным пером.
Никуда, неоткуда воскресшая память веков –
Блик ночного костра в крестовине погасших окон
Понимание жизни, как хаоса розы ветров
Это вечный ответ на вопросы о слове – «закон»!

9 февраля 1994.

***

Если сказать, то проявится слово.
Коль промолчать, то останется чувство.
Вот и пойми – что есть жизни основа?
Вот разберись – что основа искусства?

18 февраля 1994.

Оттепель

Штукатуркой падают сосульки.
Пахнет мартом, но пока февраль.
Вырос день – уполовинив сутки.
Ветер носит снежную вуаль.

Гелиос на запад улетает –
Эос марширует от зенита,
И ему на пятки наступает,
А Селена замыкает свиту.

По калине клёст снуёт по праву
Я слежу за ним из темноты
Тело – пустоты своей оправу

Еле ощущаю… Где же Ты?

Над лампадой язычка свечение
Оживляет Иисуса взгляд –
Устремлённый в точном направлении,
Где за лесом прячется закат.

25 февраля 1994.

Вечер

Солнце отцвело за камышом –
День за плечи.
Штриховал простым карандашом
Этот вечер.
По порядку шахматной доски –
Окна в доме.
Заплутавших облаков мазки
Виснут в дрёме.
Пробегает ветер босиком
У крылечка.
В домике, напротив, за окном
Плачет свечка.
Из салфетки на стекле листок
Как ладошки.
С неба смотрит месяца рожок,
Звёзды-крошки.

28 февраля 1994.

***

Весь усталостью болен, шумит в голове,
Не разутый шагаю по свежей траве.
Сердцу что-то мешает и что-то претит,
Словно чёркаю новый, непонятый стих.
И глазами змеёю скольжу в темноте
Огибая углов непрозрачную тень
Вспоминая, что есть ощущение страха,
Но оно не вливается мне за рубаху.
Недостойные мысли желают рожденья;
Ядовитые зёрна в плодах искушенья

Предлагаются слева, упорствуют справа –
Где противоядие – там и отрава.
Не могу улететь – крылья отяжелели
И душа еле-еле шевелится в теле
Так устал, что хочу вот на этом пути
Как змея огибая углы проползти.

4 мая 1994.

***

По-иному увидел телесную боль –
Это мясо тревогой кусает сознание,
Я же властен над ним, словно голый король
Над своим одеянием при раздевании.

Мне пора улетать на работу во сне –
Эта боль, как подножка подставлена мне,
И назойливым гадом по телу снуёт –
Я спешу поскорей оседлать неболет,
И умчаться на время, покинувши плоть,
Отдохнуть, возвратиться и боль побороть.

5 мая 1994.

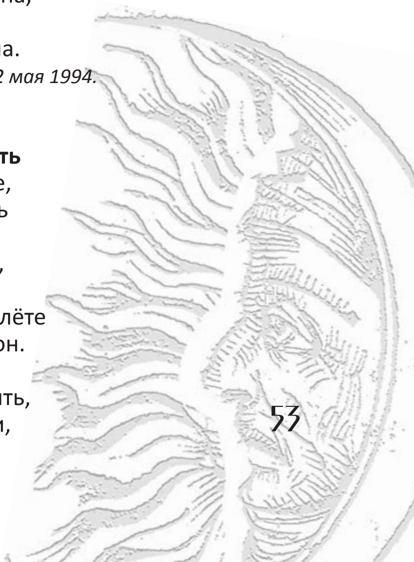
***

Пишу я порою по случаю,
Чтоб слышала только она,
Но будет, я думаю, лучше
Писать, чтоб на все времена.

12 мая 1994.

***

…всегда стремился отдавать
призрев сумы опустошенье,
но часто не решались брать
его прямые откровенья.
Ни говоря, ни за ни против,
блюдя гармонии закон,
как книга в прочном переплёте
пред каждым открывался он.
Его листали, оскорбляли,
в словах пытались подловить,
и сущность истин искажали,

кляли, не дав договорить.
А он, стоял категорично
Как воин на святом посту:
Твердил, что вечность безгранична
И заполняет пустоту.

13 мая. 1994.

***

Отворив своё сердце
Наблюдаю в окно:
Всё ли правильно там?
Всё ли так же смешно?

13 декабря 1994.

***

Я рад, что радость не пришла
И грусть оставила меня
В опустошении.
Ни перед кем невиноват,
Как будто в отпуске солдат
После сраженья.
Сижу на кухне, весь, один,
Желудок ждёт свой аспирин –
Хвораю малость.
Не видя будущих морщин,
Не помня следствий и причин –
Гоню усталость.
Кот лижет спину, лапы, хвост,
Должно быть, ждёт гостей – прохвост.
Но, то напрасно.
Я выпью чая и в кровать –
На флейте песню сочинять,
Мол, жизнь прекрасна.

6 августа 1994.

***

Луна,
Обманчива и верна.
Твой лик – угасание пепла.
Искать покой
Иду под тобой,

Мне светло, как днём.
Где спуск, где подъём –
Замечаю.
Где Эдем, где пекло –
Забываю.

Деревья бросают тень –
Мне это нельзя давно,
(И нет варианта: «но»)
Иду, ни гу-гу
Чтобы врагу
Не выдал меня плетень.
Взгляду зорких стрелков
Ночью неразличим
Силуэт, проходящий сквозь
Ряд пейзажных картин.

Река
Немая, как время
В памяти носит бремя –
Забвения не признаёт
Только завёт: «Пора»
Если рыбак ночной
Услышит вдруг за спиной
Плеск моего весла
Подумает: «Рыба сегодня плещется,
как и вчера».

Чужие мысли видны
Если на пульсе рука.
Рыбак узнаёт рыбака
По слова,
По делам,
И по изгибу спины.
Коль проводник – Луна,
Не повезёт стрелку.
Зная природу дна,
Двигаешься по дну.

Смерть –
В жизни она одна.

Страшит её тишина,
Шаги не слышны за спиной.
Она приучает петь
И оценить покой
Чтобы суметь,
Когда настанет пора,
Уняв ворожбу пера,
Остаться самим собой.

Дрожью в чужих руках
Станет стрелы полет.
Кто на земле живёт
Знает:
Во всех языках
Присутствует слово «страх».
Погибает
Тот, кто предпочитает
Победе над виной –
Стрелка за своей спиной.

Земля
Продолжает вращение,
Как сердцебиение,
Разговаривает с Луной.
Держится ни на чём.
Сотворённая для
Тех, кто ведом лучом,
Обманывая стрелков,
Накинув ночной покров,
В путь увлечён мечём.

В жизни есть время жить.
Кто обретает путь
Должен уметь уснуть
Превозмогая боль.
И позабыть
Про затяжной уют.
Жизнь предлагает роль
Роль выбирает суть
Как бытия пароль.
(Если они не врут)

Солнце –
Глава вселенной.
Весною и в дождь осенний
В пятнах над головой.
Стрелою магнитных бурь
Метит под сердце.
Преподаёт урок
Пишущим между строк.
Освещает любую дурь.
Гордость на флаге японцев.

Солнце с Луной
Как жернова
Перетирают между собой
Всё, чем была жива
Выцветшая душа
Это и есть покой –
Если земля под ногой,
А впереди река.
Смерти из далека
Машешь во след рукой.

1994-2010.

***

Поэзия рождается в сердцах,
(хотя, порою кажется – в стихах)
Она, по сути, существо живое,
Поэтому испытывает Страх
Лишающий надежды и покоя.

С душою Страх всегда играет в прятки.
Поскольку низостью был порождён –
В сознанье проникает через пятки
И где-то в уголочке строит дом.

Однажды, повстречавшись *vis-à-vis,
Беседовали с ним о сути власти –
Страх проболтался, что его девиз:
«Всегда приумножать оковы счастья!»

Я был обескуражен и смущён
Безапелляционным заявленьем.
Он пояснил: Кто страхами ведом
Тот мизер ценит, как благословенье.

Он почитал себя за божество
И говорил об этом без стесненья,
Смеясь, что многоликости его
Завидуют небесные творенья.

Он проповедовал мне как иезуит:
Страшиться Бога – обрести спасенье!
Я отвечал: Христос нам говорит:
В Агапе скрыта сила воскресенья.

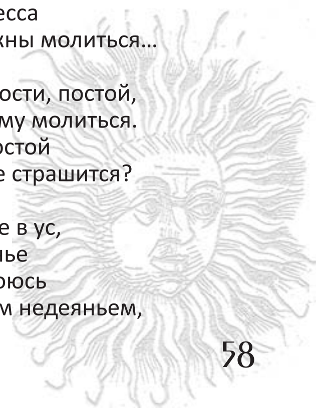
Он утверждал: Кто жизнь направит ввысь,
Всегда обречены в пути сразиться
Со мною, иль пойти на компромисс,
Но чаще со смиреньем покориться.

Я возразил: Смирение и страх
Несовместимы, как печаль и радость;
Смиренье с миром принимает разность
Метаморфоз во всех иных мирах.

Он говорил: Страх – двигатель прогресса!
На это я не мог, не согласится
Добавив только, что TV и пресса
На Страх, как на тельца должны молиться...

Здесь он прервал: То – частности, постой,
Пусть каждый сам решит, кому молиться.
Не удержался я – вопрос простой
Задав – чего ж он сам в душе страшится?

Он исподлобья хмыкнул себе в ус,
Уставился в глаза, как изваянье
И говорит: Коль честно, то боюсь
Встречаться с просветлённым недеяньем,

Боюсь постигших состоянье Бога,
Но, слава Богу, их не очень много.
Но это снова частности, а суть…
Здесь я прервал, не дав ему вильнуть:

Суть в том, что ты, по сути, победим
Коль изгоняем мудростью седин;
Меняющий цвета хамелеон
Природою цветов закрепощён.

А это значит, власть твоя конечна
(И репутация не безупречна.)
И образ твой, иллюзия затменья,
Не существует в перечне творенья.

1994 – 2010.

Vis-à-vis (фр.) – напротив, друг против друга.

***

Кроткая девочка, карие глазки
Полурасцвёвшая лилия в сказке
Полусмущённая, полувлюблённая,
Приободрённая и увлечённая,
Смирная робостью, чистая временем,
Чуть стихотворная, чуть опьянённая
Непредсказуемая настроением.
Нотка певучая искрой зажжённая,
Ты на страданья любви обречённая,
С этих минут ожиданьем повенчана,
С дрожью в коленках растущая женщина.
Трепет сердечный сквозь маску серьёзности
Лился нестройно со привкусом взрослости.
Приподнимала себя над собою,
Но увлеклась не своею судьбою.
Всё в тебе видел, как книгу читая,
И улыбался во след провожая.

4 декабря.

Мысли в старый Новый год

Знать не знаю, что я воспеваю,
Невдомёк – для кого здесь служу.
Может, попросту жизнь прожигаю,
Когда молча, сижу – не жужжу.

Не читаю – отброшена книжка,
А у флейты пылиться футляр.
Вдаль гляжу, как ленивый мальчишка
В сентябре смотрит на календарь.

Проникая мозгами в безделье –
Бесполезности ем каравай.
Тишины вожделенное зелье
Пью, забыв и про ад и про рай.

Для печали забыты причины,
А для радости повода нет.
Простотой, разрубив паутины
Не ищу здесь вопрос на ответ.

Хорошо в середине и с краю –
Моя хата не там и не там.
И давно никуда не летаю
Потому что разгладился шрам.

И гуляю вдоль тихого омута,
И ударю не в око, а в бровь,
Ведь душа, пока болью не омыта,
Не познает, откуда любовь.

14 января 1995.

В марте

Зима выходит из подполья
И погибает.
В душе от солнца ледоход
Старьё ломает.

Во мне, серьёзности к вещам –
Наплакал котик
Рад парниковым овощам,
Не жизнь – наркотик.
Назад не гляну, а вперёд
Не хочется.
– А что там делает народ?
– Народ? Всё топчется!
Как не следил, так не слежу
За жизнью светскою,
Не говорите про нужду
И казнь стрелецкую.
«Стрелецкой» вечером налью
Себе с желанием
И мне не нужен по утрам
Реланиум.
Снег мерно тает – сливы веточки
Чистые.
Исчезли и противоречия
Мглистые.
Так проживаю каждый миг
В минуточке.
Плыву спокойно по судьбе,
Как уточка.
Вот допишу и лягу спать
Калачиком.
А утром встану новорожденным
Мальчиком.

21 марта 1995.

***

Милая, милая, где ты запуталась?
Где заблудилась, где зааукалась?
Милая, милая, где ты пропала?
Может, споткнулась, может, упала?
Жду – полыхаю. Сердцем окликни,
Скрипни калиткой, в доме возникни.
Милая, нежная, где ты застряла,
Где мне искать ничего не сказала.
Мечется птахою ум озабоченный,
Где же ты, где? За какою обочиной?

Вечностью кажется время отсутствия,
Злобно трясётся дурное предчувствие.
В угол забившись, что делать не знаю –
В каждом мгновении тебя ожидаю.

Апрель 1995.

***

Рябой жабой, склизкой сукой
Мне на сердце лезет скука.
На дворе идёт устало
Дождь, в котором ты пропала.
Нет тебя и скука прётся,
Как ведро на дно колодца –
Бац! И гладь пошла кругами –
Чернотою под глазами.
Даже музыке певучей,
Флейтой ласковой своей,
Не разгонишь эти тучи,
Что сгущались много дней.
Тишина сознанье давит
Словно прессом виноград
И вопрос мозги буравит:
В чём я, скука, виноват?

Апрель 1995.

Песня в стиле Рок

Листая память уличного детства,
Процеживая опыт сквозь года,
Я не нашёл в миру святого места,
И не взрастил достойного плода,
Глотая хлеб отсроченных событий,
И вспоминая юные мечты
Всё слышу – сердце просится в обитель
Премудрой и духовной чистоты.

Я буду первым в храме –
Последним на земле.
Я буду просто парень
С мечём и на коне.

Да кто из нас мечтая на рассвете
Таким желаньем душу не терзал?
Кто не мечтал единственной Джульетте
Сказать: «Прощай» сквозь прорези забрал?
Кто не мечтал один остаться в поле
Отчаяньем, упившись как вином
Осознавая смысл слова «Воин»
Всё доказать зазубренным клинком.

Чтоб быть последним в храме
И первым на земле
Чтоб вспомнили – был парень
С мечём и на коне.

Твой «Грюнвальд» порождён твоим бездумьем
Ведь в жизни часто терпим «Ватерлоо».
Глупа война, рождённая безумьем
Но будет в ней и тот, кому везло.
Когда утихнут драки, боль и смута
Останется лишь мудрая душа,
Она про всё поведает кому-то
И скажет: «Торопись, но не спеша».

Он будет первым в храме
И первым на земле
Он будет просто парень
С мечём и на коне.

Апрель 1995.

***

Небо принизилось, тучи напучились,
Сумерки сдвинула ночь одинокая.
Как я соскучилась! как я соскучилась!
Знает в окошке Луна серпоокая.

Сердце бедовой напастью измучилось;
Битая, крытая и слёзноокая
Как я соскучилась! как я соскучилась!
Знает небесная зорька далёкая.

От ожидания всё перепуталось;
Множество слов и забот припасённых.

Как я соскучилась! как я соскучилась!
В этих суетах тебе посвящённых.

Страхами кичится комната тёмная
Только войди, я бы мигом очухалась.
Нет тебя милого, нет утомлённого
Как я соскучилась! как я соскучилась…

Июнь 1995.

Дети Луны

Их я всегда узнаю со спины;
Ратники духа, чада войны,
Смирённые тяжкою ношей вины –
Дети Луны, дети Луны.

Взгляды тяжёлые, что валуны
Режут, как ночью на трассе огни.
Днём они видят реальные сны –
Дети Луны, дети Луны.

Словно цветы в придорожной пыли,
Даже в толпе они сразу видны –
С ангельским взором цвета волны –
Дети Луны, дети Луны.

Видно – для подвига все рождены.
В вечном святом ожиданьи они
Целью невидимой заражены –
Дети Луны, дети Луны.

Нравом покладисты, сердцем верны.
В тёмную ночь на молитве одни –
Светом струящимся поражены –
Дети Луны, дети Луны.

Грому небесному чем-то родны.
Словом ранимы и словом сильны,
Но не поведают то, что внутри –
Дети Луны.

Июнь 1995.

***

Запах речки, цвет поречки, лепет сквозняка,
Полумесяц, звёзды-свечки, гром издалека…

И зачем нужны о «вечном» думы?
И зачем штурвал есть у Фортуны?

Темнота чиста.
Пустота ни спросит, ни ответит.
Ты со мной всегда.
Постоянно между Нами что-то светит.
Слова не сказать –
забываю, что оно в начале было…
Незачем болтать.
Пепла седина
незаметно лик преобразила.

Тьма повисла коромыслом, молнии трезвон
Напрягает мускулисто в воздухе озон.

И зачем судьбе необходима
Целеустремлённость *Палладина?

На земле отдыхать
можно лишь в молчании Святого –
Вялый ум очищать
осознаньем: Дух всему основа.
А всего не познать
Солнце-друг за пазуху присело
Наблюдать,
как таланты в сердце
совершают дело.

Возле речки, где поречки молодой побег,
Ловит, сидя на пенёчке, рыбу человек.

И зачем вопросы Палладина
Если это – лучшая картина?

Май 1995—2010.

**Палладин (фр.) – верный рыцарь; человек, преданный определённой идее, делу, лицу.*

***

Есть у меня даже больше, чем нужно для жизни;
Есть сигареты, на ужин – покой, тишина.
Есть и проблемы, что от ожиданья прокисли,
И свечки последний огарочек есть у меня.

Нету печали – наверно взяла выходной.
Нету причины напиться – чертей веселя.
Нету желания шляться под полной луной –
Последняя крыса ушла с моего корабля.

Где-то меня дожидаются новые двери,
И масса вещей абсолютно для жизни не нужных.
Так же предвижу всегда непростые потери,
И о потерях стихи, когда кончится ужин.

Ноябрь 1995.

Одной знакомой

В твоих руках я маму узнаю
Заметив строгость в милости улыбки.
Мне стыдно за невыбритость свою,
Как перед небом стыдно за ошибки.

Твой тихий дом просторен от тепла
И ненавязчив скромностью уюта.
Напоминает хрупкость хрусталя
О временности всякого приюта.

За крепким кофе, ты прости, читал
В твоей улыбке, в ритме поведенья
Тот самый женский, вечный идеал,
Что вложен в нас до нашего рожденья.

Я, гость незваный – на голову снег –
Смотрел, присев в сугробие дивана
В созвездье книг, (что есть почти у всех)
Как на меха раскрытого баяна.

И оценив игристый плюш халата,
Но памятуя заповедь Христа,
Лишь намекнул улыбкой плутоватой
На цвет помады яркой на устах.

Твой сын, во мне узрев единоверца,
Тащил меня с машинками играть
Всё сетуя, что отломилась дверца
У Хамера, чей номер «сорок пять».

Мой друг – твой муж взирал на эти сцены
Без ревности, что атмосфере дня
Придав весомость – котировку ценности,

***

Чего мы ждём в уютном одиночестве?
Наверное, того, что есть сейчас.
Кого мы отыскать хотим в пророчестве?
И Кто для нас всегда единый шанс?

Пред кем мы исповедуемся праведно
И не страшимся нашей наготы?
Кому вручаем сердце, если ранено?
О Ком забудем в дебрях суеты?

Я глуп своим познанием и опытом,
Невежественен догмами путей,
Но как прекрасна глупость, если шёпотом
Покажется весь мир, когда я в ней!

Февраль 1995.

***

Вот неделю в отъезде человек дорогой.
Прихожу утомлённый, нетрезвый домой.
Нет тепла без тебя, без улыбчивых губ
Увядаю, как муха, попавшая в суп.

Скучновато бродить, тосковать одиноко
Привыкаю давно, пунктуально и строго.

Наизусть прочитав письма звёздные бездны
Научился остаться для всех бесполезным.

Замечаю – привык, слыша смех за окном,
Забывать, что уютен, бывает мой дом.
Не приветствую счастье в речном шалаше
И подруг, что копаются в этой душе.

Уж неделю в отъезде дорогой человек.
От себя совершить невозможно побег.
Покидая подруг, тех, что были любезны
Ухожу почитать письма звездные бездны.

Июнь 1995.

***

Тревожу боль и ощущаю не впервой
Неслышно старость подкралась времени тропой
Взглянула в душу и наложила на ту боль
Шершавым пальцем знаменья крестного пароль.

Кричать не смея, не смог, однако, промолчать
На той тропинке надёжно принялся писать
Слова о том, что невозможно победить
Словами боль, дано которую прожить.

Листая дни и перевоплощаясь в миг
В нутри нутра живёт невидимый старик.
Как воздух здесь, он пребывает вечно там
Он друг и враг, он справедливый пополам.

Боль, принося в глазах любви, что не прошла,
Порой меня он вышибает из седла,
Чтобы потом неторопливо, наугад,
Как будто в детстве пытался сделать новый шаг.

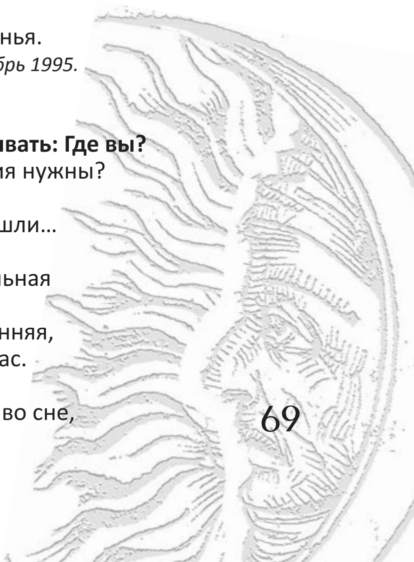
Не хватит слов, не хватит времени в ночи
Чтоб описать, как беспощадны эти дни
Не хватит сил, чернил, всё терпящих бумаг,
Чтоб описать, какое счастье жить вот так.

Июль 1995.

Вечер на обочине дороги

Силой ветра шины
поднимают листья
с чёрного асфальта.
На разведке осень,
словно лапа лисья,
с клёнов режет скальпы.
Ранняя прохлада
бережно коснулась
ласковой печалью.
Жёлтое на тёмном
солнце поскользнулось
над туманной шалью.
Розовая дымка
для стихов картинка
нет грустней и краше
Лето притомилось
и остановилось –
ни поёт, ни пляшет.
В сумерках кабина,
лобовик – картина;
ночи ожиданья
Потускнели краски,
захотелось ласки
сонного молчанья.

Сентябрь 1995.

***

Мне не хочется спрашивать: Где вы?
Разве вам вопрошания нужны?
Мои бывшие, милые девы
Всё проходит, вы тоже прошли…

То ли лёгкая грусть конетельная
Нагоняет раздумья о вас.
То ль пора, холостяцко-осенняя,
Припасла ностальгии в запас.

Все вы разные – по ночам, во сне,

Как соперницы, как попутчицы –
Одинаковы, тем, что вы во мне
Всегда самые, всегда лучшие.

Тут не клеится, там не ладиться
У меня сейчас, как у вас порой.
Что оставил я в вашей памяти?
Не виновен ли, пред судьбой?

Я не жалуюсь, вы не жалите,
Видно, незачем трогать прошлое.
Не сбылось у нас, сами знаете –
Вспоминается лишь хорошее.

Сентябрь 1995.

***

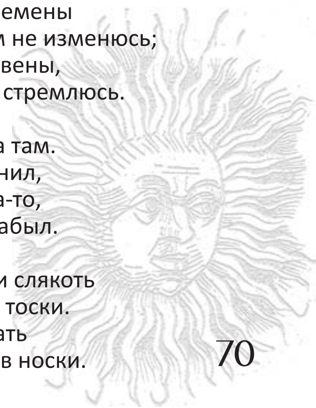
Сегодня брит и трезв иконостас
Умолкло всё, что спрятано под кожу.
Хотя не ожидал – пришёл Пегас
Не улыбнулся, но и не плюнул в рожу.

Темно, октябрь, но тепло как в мае
Луна и тучи, грязное окно…
Пусть не шедевр, но творить желая
Пишу, что есть, что будет – всё равно.

Вчера гадал, мне вышли перемены
Но, что измениться, коль сам не изменюсь;
Всё та же кровь изнашивает вены,
Всё та же цель, к которой не стремлюсь.

Черновики – обычная судьба там.
Рифмованные мысли из чернил,
Возможно, напечатают когда-то,
Чтоб мир сие со временем забыл.

Сегодня сухо, завтра дождь и слякоть
Сегодня трезв, вчера бухал с тоски.
Сижу один и некому поплакать
В жилетку, на худой конец – в носки.

Опавших листьев запах суховатый
Напомнил детства сказочную пыль…
Иконостас стал временем помятый,
Но запах эту мысль истребил.

Мы – забывая детства впечатленья,
Себя на растерзанье отдаём
То глупости, то пагубным влеченьям
О коих сожалеем, лишь потом.

Осталось в сердце, спрятанном под кожу:
Октябрь, тучи, мысль: всё – равно.
…Возможно, мир когда-то плюнет в рожу
Тому, кто мыть не пожелал окно.

Октябрь 1995.

На смерть Иосифа Бродского*

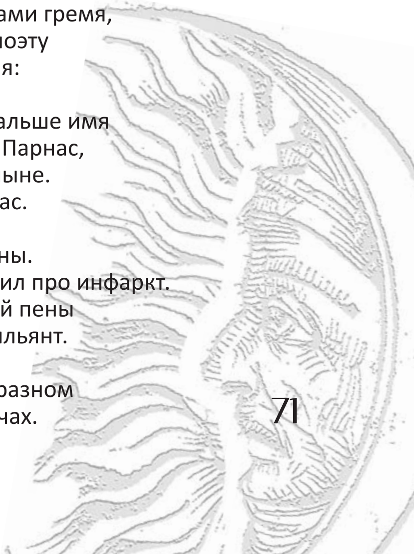
Италии сапожную фигуру
Не представлял, уставившись в экран.
Так командир, всмотревшись в амбразуру,
Предвидит боль неотвратимых ран.

Оттуда, из несвязанных сюжетов,
Крупнокалиберными фразами гремя,
Летела речь, посмертная, поэту
Вонзавшаяся пулями в меня:

– Вчера ушёл из жизни – дальше имя
И биография в ступенях на Парнас,
И всё нам неизвестное доныне.
В итоге: *la finito – свет погас.

Венеция. Волна лизала стены.
Стрельнув L&M, он вспомнил про инфаркт.
Затем стихи на фоне мутной пены
И взгляда утомленного брильянт.

Он говорил размеренно о разном
И заострял акцент на мелочах.

Плащ бежевый сутулил безобразно
Его, такого стройного в стихах.

Читая из последнего тревожно
Подрагивала дикция и слог
Звучал торжественно и осторожно,
Словно ему внимал Всевышний Бог.

Но вот гвоздикой распустилась рана –
Он уходил, судьбу взвалив на плечи,
За дату, среди чёрного экрана
Не попрощавшись с нами *«Частью речи».

28 февраля 1996.

**Бродский Иосиф (1940 – 1996) – русский поэт, эссеист, драматург, лауреат Нобелевской премии за вклад в мировую литературу.*
**La finito (итал.) – дословно: здесь законченный, здесь – всё кончено.*
** «Часть речи» – один из последних сборников стихов Иосифа Бродского.*

***

Я люблю восходы, чуть меньше закаты.
Я люблю полёты, не люблю утраты.
Я люблю всё то, что боюсь сгубить,
Ведь сие сгубив будешь волком выть.

Моя жизнь мёд, если верить перцу.
Я любил всегда, если верить сердцу.
Хоть живу давно, но не наживусь.
И люблю любовь… и неналюблюсь.

4 августа 1996

***

Мимо Зодиакальных звезд
Здесь, в нашей Солнечной системе
На землю нисходил Христос
Ему в назначенное время.
Его пророчили приход
И ждали чуда приземленья,
А Он открыл впервые рот

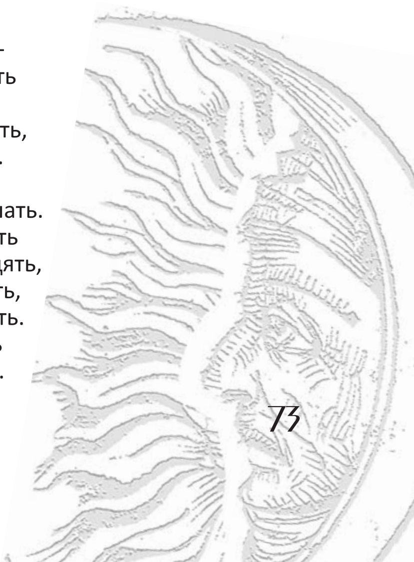

В хлеву, в каком-то там имении.
Не есть ли это всем намёк:
Пастух приходит прямо в стойло!
И этот маленький урок
Усвоить нам давно бы стоило.

Сентябрь 1996.

***

Как надоело убеждать
Себя ложиться на кровать
И, покачавшись, засыпать
Когда уже пошло светать.
И ночь не отмотаешь вспять,
И утром злишься, что опять
Мне на работу ковылять
И, с недосыпу, замечать
Авто стремящихся умчать,
Коров идущих помычать,
И до обеда повторять
Зевая, что-то там про мать.
… куда-то делась благодать.
Из будущего не урвать
От благодати даже пядь.
Минуло славных «двадцать пять»
И сразу начал замечать,
Что мне чего-то нехватать
Наверно мало стал гулять –
Ломать с подругами кровать
И позабросив выпивать,
Вдруг рьяно принялся читать,
Когда пора ложиться спать.
Чтоб эту жизнь оправдать
Здесь нужно знанья повышать.
Ведь бесы ночью то не спять
А всё гледять, гледять, гледять,
Чтоб всё на шкурах записать,
И после смерти предъявлять.
Их на три буквы не послать
Они на службе, так сказать.
Пора мне, видно, очунять
И жизнь в корне поменять.

Иначе могут и заслать
Куда не стал коров гонять
Макар.

Август 1996.

Сны

Кучу профессий освоили граждане.
Много небесных, но больше земных.
Мне интересно – что снится каждому,
Кто о чём грезит в виденьях ночных.

Сняться, наверное, звёзды астрологу.
Ассенизатору – мир без дерьма.
Псина с медалями сниться кинологу,
Ну а штабным генералам – война.

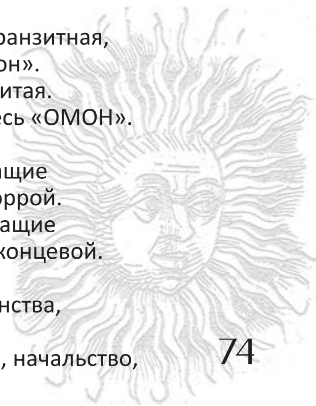
Рубщику мяса – кабанчик жиреющий.
Сниться барыге халявный барыш.
Жадный банкир себя зрит богатеющим –
Крутящим, вертящим маковый шиш.

Сниться спортсмену медаль кровопотная.
Летчику – ясная бездна небес.
Честному егерю сняться животные
Заполонившие сказочный лес.

Сниться гаишникам трасса транзитная,
А работяге зарплаты – «лимон».
Киллеру сниться душа им убитая.
Дружно про митинги снит весь «ОМОН».

Диспетчера телефоны молчащие
Видят, с улыбкой забыв геморрой.
Проводники под колёса стучащие
Спят между станций и ждут концевой.

Все КГБэшники бредя от пьянства,
Не забывая своих стукачей –
Видят во снах: ложь, доносы, начальство,

Пытки, интриги, блядей, палачей.

Доллары снятся, кому только можно.
Айзеру сниться аул и баран.
А президенту давно и тревожно
Сниться космический крейсер «Буран».

Вот уже полночь, пойду-ка, ложится
Спрятав заранее стих этот в стол.
...но только мне почему-то не спиться,
Видимо, нужно принять димедрол.

Август 1996.

Басня

Коза пришла «пилить» козла,
Мол, от козла премного зла,
Он бестолков и не богат –
Поэтому давно рогат,
Совсем не тянется к работе,
Среди животных не в почёте,
А после принялась учить:
– Как в наше время надо жить?
Вот не слоняйся по двору
Возьми да выдумай игру
Такую, чтобы в ней обман
Набил с лихвой пустой карман.
Что, не желаешь жить как вор?
Так посмотри на скотный двор;
Скотина ждёт с небес халявы
Неважно кто он: левый, правый.
Тебе открою панацею
Ты замути им лотерею,
Как не крути то способ верный,
Хотя здесь будешь ты не первый...
Не хочешь? Так пойди, торгуй:
Купил—продал, под лавку плюй.
Так долго блеяла коза
Пуская пыль ему в глаза,
Когда закончила, он встал

Копытом брюхо почесал
И говорит козе в ответ:
– Прожил я славно много лет
И без особого труда,
Ведь я козел, а не Балда.
Среди скотины проживая,
Я не ищу в навозе рая.
Да и тебе самой известно,
Здесь каждый знает своё место:
Для молока корову взяли,
Барана, чтобы шерсть чесали,
На поле лошади пасутся,
А куры каждый день несутся,
Собака хату сторожит,
И сало в загоне визжит.
Сказала ты, что я рогат,
Но я, к тому же, бородат
И борода моя седа...
А ну коза иди сюда!
Вот мой ответ: копыто с маком!
Теперь вот повернись ка раком...

Мораль той басни такова:
Коза недавно родила.
Ей дали сена, для подстилки –
Мне ж гонорар – на две бутылки.

Февраль 1996.

***

Паутинный ком событий,
Что понятен лишь богам
Разбираю осмотрительно
По узлам и волоскам:

С другом перетёрлась ниточка.
Связи – да, и те с пучок.
Вот, захлопнулась калиточка,
Где был крепкий узелок.

Тут не склеилось, там спутано,
Здесь надорвано слегка,

И гнилой тесьмой закутано;
Маскировка – как ни как.

С этой пряжи, как из бремени
Тащишь творческую нить.
Не хватает сил и времени
На веретено скрутить.

Март 1996.

***

Вновь околдован настроеньем
Печали – бьющей на повал.
Вновь скучные стихотворенья
В ущербе лунном созерцал.
Мешая едкий дым табачный,
То с крепким чаем, то с вином
Всё чувствую – как ангел падший,
Как лёд – всё то, что подо льдом.

Июнь 1996.

***

Ты была милая сказка,
Лож с неизменным намёком.
Думал, что прячешь под маской
Истинное и высокое,
Но, ты проста и понятна
В своём неизменном сюжете,
Загадочна, но скучновата
Впрочем, как всё в белом свете.
Есть в тебе прелесть чудесная
И первозданная глупость –
Всё это чистое, честное
В наших словах перепуталось.
Льнуло к тебе околдованной
Сердце моё одинокое
Думал в тебе замуровано
Истинное и высокое…

Июль 1996.

***

Отец – являя совершенство,
Рассыпал в мире горсть блаженства,
Благословив сии растенья
Преподавать путь искупленья
Грехов, которые от скуки
Творят Им созданные руки.
Но, искупленья свет – суров,
Над миром вечно бы кружился,
Пока на землю не пролился
Преобразившимся в Любовь.

1996 – 2010.

***

Посланьем сказочных планет,
Кому-то на исходе лет,
Кому-то в молодости чистой,
Судьба дарует Мудроцвет.

Тот образ, что принёс завет,
В хвосте пылающих комет.
В сердца, упав с дороги мглистой,
В нас порождает Свет.

Осень 1996.

***

На знамени уже нет символа и цвета,
Разницы нет: осень теперь или лето –
Сердце переплавилось в уверенную веру:
Глупо искать во всех измерениях – меру.

Давай поплачем сегодня
И выпьем за нашу смерть.
Давай поплачем сегодня,
Чтоб не разучится петь.

Часто мечами стали рубить дрова;
Не ради ума, ради души – голова.
В сердце костра, глядя ночной порой,
Вновь вспоминаем свой неземной покой.

Давай смеяться сегодня,
Небо костром коптить.
Давай смеяться сегодня,
Чтобы себя победить.

В долгих разлуках, увы, забываются лица –
Даже во сне узнаю тебя по глазам.
К старым гнездовьям весною вернутся птицы,
Время настанет – вернёмся к старым врагам.

Давай помолчим сегодня,
Послушаем неба гимн.
Давай помолчим сегодня,
Чтобы прожить живым.

Январь 1997.

***

Вот, стою у порога
Перейти? Постучать?
Хоть полшага немного –
Продолжаю стоять.

Так в преддверии храма
Пожелавший постичь...
На пороге упрямо
Продолжаю гостить.

Мхом покрыты ступени;
Век для них – полчаса.
Утомились колени,
Двери и небеса.

Ожидают решенья,
Ожидают меня
Двери – скрипом петельным,
Небо – силой огня.

За грехи всё заплатит
Иисусова кровь.
Не смеётся, не плачет –
Закалилась любовь.

Суета как обуза,
Но пока суечусь.
Вдохновением муза
Награждает – лечусь.

Мертвецам оставляю
Погребать мертвецов.
В мир талант отпускаю
Умножая любовь.

Так стою перед дверью
И молчу – всё молчит…
Может кто – в это верю –
Изнутри постучит.

10 февраля 1997.

***

Ни гостей не хочу, ни вина
У меня каждый день – выходной.
Тишина со мной, тишина –
Мне не нужен никто другой.

По лесам хожу, вдоль реки,
А с моста вижу глубь до дна –
Притаились, стоят окуни,
А во мне тишина одна.

А домой приду – в строчки дым;
Прокурю, пропишу всю ночь.
Хорошо быть для всех – чужим
И растить тишину, как дочь.

Июль 1997.

***

Целый год как незваный гость
Сюда брошен бурей.
Превращается посох в трость,
А уйти не могу я.
И хозяином здесь не стать –
Почему? Не имею права.
Иногда в этом доме спать

Тяжелей, чем испить отраву.
Так слоняюсь в чужих стенах,
Искажая чужую долю,
А сомнения множат страх –
Как уйти, не посеяв боли?
Самовольно пришёл один
И никто, вроде, не был против,
С той поры карусель картин
Заплелась судьбой в переплёте.
По ночам тут в стихах пишу
Оправдание или исповедь;
Никуда уходить не спешу –
Бог мой близко ведь.

1997.

***

Кто-то подул в угасающие угли.
Кончился кофе – осталась чёрная ночь.
Сегодня снег отделяет меня от земли,
Но небо со мною – звёздное небо без туч.

В росте Луна, так приближается час.
Цель этой ночи просто искать слова.
Ветер развеет золу, осевшую в нас.
Затмение Солнца укажет на время костра.

Серые волки с досады обвыли Луну;
Где тот ловец, чей родственник съеден вчера.
Слушая вой, сопротивляешься сну.
– Эй, в темноте сядьте со мной у костра.

Это наш час, но это не наш мир.
Мы не хозяева жизни, а только слов.
Два века живёт на этой земле кумир.
Два века готовит свой неземной улов.

Кто-то сказал: «Здесь много таких, как ты».
Кто-то ответил: «Горе твоё от ума».
Мы придём домой, затем что б росли цветы
Там, где в боях выжжена нами трава.

Февраль 1997.

Слово о Слове

1

В каждом из нас только часть глагола.
Коль смерть бесплодна, то жизнь беспола.
Если вниз любоваться с крыши
Кажется люди коты и мыши,
Даже не женщины и мужчины,
Но для отказов и просьб причины
Или просто для безразличья,
При этом неважно и пола наличие.

2

Чтоб сигануть дуралеем с крыши
Проводники не нужны и тише
В мире не станет от разговоров,
Лишь на суке встрепенётся ворон.
Часто ломая мозги о догмы
Я вопрошаю в сердцах сегодня:
– Если исчезнут деньги и гордость
Может, воскреснет на свете совесть?

3

Мысли пугливы, как овцы в ограде –
Тени бояться нависшей сзади
Или сверху – бегут разбродом
Словно народ пред ратью народной.
То изменение смыслов и степеней;
Так продлевается жизнь лесостепи,
Но волки и зайцы дети природы
Честно скажи – ты какой породы?

4

Если кошка догонит мышку
Эту мышку накроет крышка.
Если овца испугалась тени,
Будет бежать без труда и лени.
Даже спринтеры на стометровке
Несутся, словно за ними волки

Но когда мысль дойдёт до предела,
Что с нею каждый захочет сделать?

5

Цивилизацию создали сами
Тем, что находится под волосами.
Бренной душе, не оставили места
Между людей – ей и в людях тесно…
В каждом живёт часть любви глагола
Иоанн доказал, что …в начале Слово
Было и Духом осталось в мире.
Ясно ли всем: 2 + 2 = 4?

11 января 1997.

***

Сломать все копья, утопить мечи,
Пройти сквозь зеркала чужого мненья,
Обжечь души сырые кирпичи,
Чтобы воздвигнуть стену отреченья.

С души скалу на камни раздробить,
Создав из них фундаментные плиты,
Чтоб основанье крепкое сложить
Для храма в коем сердцем лить молитвы.

28 апреля 1997.

***

Зачем отдали пса?
Наверно стал не нужен…
Скорей всего жена
Не сговорилась с мужем.

Уехали к свекрови;
На всех не хватит места,
Ещё не хватит воли,
Печёнки, гречки, теста…

Отдали поводок,
И из Дог-клуба миску
И, как последний долг,
Последнюю сосиску.

Она, взамен «Пока»,
Подала только лапу,
А если бы могла
Приподняла бы шляпу.

Теперь она моя
Причина для стихов.
Квартира – конура –
Терьеру нужен кров.

Ещё нужна кормёжка,
Забота и уход,
И кореш у окошка –
Проныра рыжий кот.

Освоилась легко:
На ужин кости гложет.
Котище молоко
Теперь своё сторожит.

Выходим погулять
И, тут прошу заметить,
Не только подышать –
«Владения» пометить.

Но, невозможно лишь,
Беднягу приучить,
Когда Луна и тишь
Со мною вместе выть…

P.S.

Зачем отдали пса?
Возможно, вместе туго,
Но как живёт семья
Утратившая друга?

30 января 1997.

***

У меня на небе дочка –
дожидается прийти,
Как весной на розе почка
пожелает зацвести.
Там, в раю она в лукошко
собирает семена
И как куколка матрёшка
одевается в тела.
Прямо в сердце смотрит часто
из астральной глубины
И тогда, как буря счастье
катит на меня валы.
Ангел за мою греховность
сжечь грозит меня в аду –
Дочь являет лишь готовность:
«Я исправлю, как приду».
Мой ребёнок чудо неба –
нерождённый он любим;
В этой вере я без хлеба,
без воды – неколебим.
Она первым скажет «папа»
знаю словно «Отче наш»
И моя мужская лапа
вздрогнув, затрясётся аж.
Моя дочь любви законы
изучила со Христом.
...А на розе есть бутоны
словно свечи под крестом.

Ноябрь 1997.

***

Пора связать изодранные плети
И отхлестаться, как святой аскет.
Пора плести не рвущиеся сети,
Чтоб уловить суть беспробудных лет.

Пора пасти стада заблудших мыслей –
Вгонять пером в бумагу, как в загон.
Пора молчать – зря, не метая бисер.
Пора в винчестер класть один патрон.

Давно пора не красть себя у времени;
Собою хватит жизнь убивать.
Стопы уже соскучились по стремени,
Язык устал, хоть изредка, но врать.

Пора смотреть насквозь и только прямо
Перед собою меч, зажав в руках;
Не обращать внимания на раны,
Не откликаться на лукавый страх.

Пора проситься ко Христу за пазух,
Чтобы запомнить Его сердца бой.
Давно пора любить всю землю сразу
Благодаря за то, что я живой!

27 февраля 1998.

Жизнь – сумма мелких движений
И. Бродский.

Чувствительность растёт осознанием высоты…
Чем выше, тем страшней и осторожней
Особенно когда идёшь порожний –
Коль шмякнешься, не потревожишь свет ты.
Если, конечно, в лужу не промажешь
И грязью брызг кого-то не измажешь.

Хоть высота длине и не родня,
Коль только не учесть их расстоянья;
Высь не измеришь долготою дна,
Пусть даже это долгота изгнанья.
Абстракция подруга математики –
Есть шарики в мозгу, и есть квадратики.

Прямая – суть великая абстракция.
Её нет в мире это уж конечно;
Незримая как будто радиация
По принципу – пряма и бесконечна.
Взгляд на луну скользящий по теории
В виду вращения подобен траектории.

Но траектория всего отрезок круга
Так стоит ли болтать о высоте...
Куда-то укатила в ночь подруга
Подруги же другие все не те...
Так по кривой бессонницы петля
Не радуясь, писал, и, не страдая
Нет!
Писал, о бесконечном размышляя...
Нет!
Писал, законы жизни постигая...
Нет!
Писал, движенье ручки замечая...
Нет!
Писал от скуки, в ожидании чая.

2 мая 1998.

26 января 1999 года исполнилось
60 лет со дня рождения
Владимира Семёновича Высоцкого...

Все сетуют – ушёл не довершив

Таится какая-то мистика
В не довершённых стихах.
Так древо, оставшись без листика,
Внушает забвения страх.

Но страх иллюзорен и временен
И временем приговорён.
Так верш не завершенный верою
Надеждою всё ж завершён.

Пусть жизнь по капельке выжали,
(Откапали капли крови)
Но промысел Божий над рифмами
Уже промышляет – внутри;

Всмотрись в свою память поющую
Вливаясь в строки перелив –

Тогда понимание Сущего
Достойно достроит мотив.

26 января 1999.

***

Табак дешёвый, ни копья на водку.
Земля и небо цвета мешковины.
Днём плотник рвал, оправдываясь, глотку;
Он врал про мой подрамник для картины,
Мол, не готов. А потому и серость
Прибавилась и дню и настроенью;
Жар сердца переходит в перепрелость
Идеи вдохновенной. Воскресенью
Уж не помочь. Тьма в небесах звездиться.
Сонливость нежно охватила плечи.
За прошлое уже не зацепиться,
А с настоящим мне сцепиться нечем.
Смотрю на юг, но вижу только стену.
В углу паук в радаре паутины.
Пойду, жену поглажу по колену
...Табак дешёвый – цвета мешковины.

15 мая 2000.

***

Топор войны отроет гуманист.
Куда девались белые перчатки?
Откроет летописец чистый лист
И кровью там поставит отпечатки.

2000.

***

Темноту, как неготовый холст
Тишиною сердца загрунтую.
Взяв палитру покаянных слёз
Исповедь нагую нарисую.
Кисть моя – стремление домой,
Где любовь я предал ради страсти;
Зря благой молитвенный покой
Променял я на судьбы напасти.
Я живой, но разве я живу?
Сердце непрестанно жаждет Бога

И когда исканью не вторю
Умираю. Путь единорога
Исчезает. Снова беглый раб
Я своих страстей, греха и беса;
Моя жизнь – пошлый маскарад
Моя роль – непонятый повеса.
Господи! (и затихает крик.)
Не прошу иного испытанья:
Вечность превратить в единый миг
Миг же в вечность – вот моё заданье.
А всё что вытворяю и творю
Всё Тебе, Единый Вдохновитель…
Темнота, ну что ж, во тьме живу,
Камень к камню путь мощу в обитель.

28 апреля 2000.

***

Я часто вижу – сброшено гнездо;
Валяется как мусор у дороги.
Всегда моё желание – одно:
На место водрузить сей дом убогий.

Так часто по желанью поступал,
Пока один старик не засмеялся:
«Да, без толку сынок» и проурчал:
«Не будут жить там, зря сейчас старался».

С минуты той застряла, знать, навек
Во мне, непостижимо разуменьем;
Гнезда, хотя б, коснулся человек –
Крылатые считают оскверненьем.

Август 2000.

***

Не бархат – битое стекло постели
Душа встречает, полосуясь в теле.
И дикий холод – верный бес страданья,
Срывает даже клочья одеянья.
Где жар стихов? Где искренность картин?
– Их *Хронос в мёртвый пепел обратил!
Исчезла сила, как вода в песке…

Иль Господом зажата в кулаке?
Кулак не разожмется – грешен я.
Со мной лишь пёс – он ныне мне семья.
Был верен я тебе, но ты ушла
И пса в мороз прогнали со двора.
Нас бросили порознь, на позор –
Мы ж встретились, но это вам в укор.
Он стар и болен, да ещё хромой,
Видать, избил хозяин «дорогой».
Зачем так гонят, он не понимал
И, бившую его ладонь – лизал.
Ушёл и на помойке харчевался
Пока больной со мной не повстречался.
Теперь мы вместе делим пополам
Собачью боль и человечий срам.
Мне тело покрывает псориаз
Спускаясь чешуёй до самых глаз,
Но для него я самый верный друг
И черствый хлеб мы делим с ним на двух.
Коль верность обесценилась в сердцах
Вам Бог судья,… но что вам Божий страх?!
Иова скорбь нам ведома сполна.
И горечь легче вместе пить до дна.
Недаром ночью мне приснился сон,
Словно бреду, накинув капюшон,
А впереди – под солнцем речка, луг,
И рядом мой хромой, но верный друг.

24 февраля 2000.

**Хронос (греч. миф.) – олицетворение времени.*

Послание Константину Эрнсту,

Главному продюсеру ОРТ
За 24 мая 2000 года.

В Москве от века, что не вкривь, то выкуси;
На свадьбах плачут, на поминках пляшут.
Знать ОРТ и Эрнст там пьют бес закуси
Раз сделали вот так, а не иначе;
Комедию засунули в программу
С названием «Всё будет хорошо»,

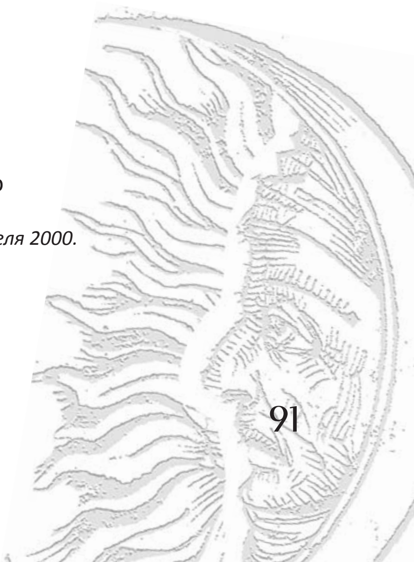
За ней о Бродском показали драму,
Мол, было б шестьдесят, но он ушёл!!!
Песок в глазах – слезинка не запылится;
Смеяться грех всегда перед поминками.
Интеллигентов развелось ни мерина
Зато интеллигентность как повымерла.
Вот так, Иосиф – старое не старится,
Что до тебя, что при тебе, что после.
Здесь часто плачут, но не часто каются.
Не почитают тех, кто на погосте.
В гортани костью стали эти казусы.
Я сплюнул, но на сердце камень лёг;
Поэты – гости в мире безобразности
И соль что, растворяясь, плавит лёд.

24 мая 2000.

***

Руки опустив на плуг
Вспахиваю ниву.
Сует опускаю круг
В землю, как в могилу.
Лемех с каменем скрипит,
Но идёт по маслу,
А молитва с уст летит
В неба бездонь ясну.
Солнце золото лиёт,
Где межа-лужайка,
Здесь мы правим поворот,
Коник-послушайка.
Круг за кругом узим пар,
Пахоть расширяем.
Труд молитвенный, как дар
Божий, принимаем.

26 апреля 2000.

Сонет

Исписанные пачки сигарет
Редакции заждались, запылились.
Из них на свет появится сонет
В котором, все противоречья слились.
Вот только промелькнул его портрет
Игрушкой тени – отраженьем света.
Быть может, сей сонет – судьбе ответ;
Беспечный каламбур в начале лета.

Бумага приняла его скелет
Осталось плоть и кровь и сердца бред
Сюда добавлю сладости конфет
Игривую манеру вдохновенья
Варенья бочку и лоток печенья,
Чтоб ожил – вдую дым от сигарет.

Июнь 2000.

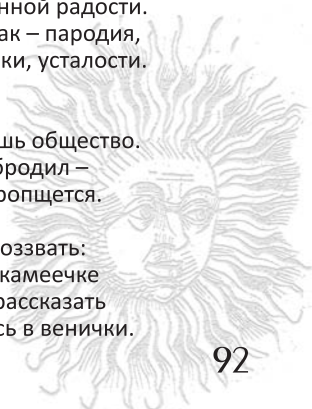
***

Я с Богом, нет, я не один.
Пусть женский пол мне корчит рожи.
Ведь я над телом господин
И в этом с Богом мы похожи.

О, лишь бы Ты благословил молитв мелодии
И не отнял, Своей невысказанной радости.
Жизнь без Тебя не жизнь, а так – пародия,
А пародисты в ней полны тоски, усталости.

Как часто раньше выл один
Забыв, что Ты всегда составишь общество.
Без посещения неправедно бродил –
Без посещенья часто горько ропщется.

Делов то было – взять, да и воззвать:
«Господь Иисус!» И сидя на скамеечке
Не напрягаясь просто плача рассказать
О том, что прутья не связались в венички.

О, лишь бы Ты благословил таких, как я.
Что б скоро новое искоренило старое.
Из одиночеств собирается семья,
Семь Божьих я, а это ведь не малое.

Люблю Тебя и плачу по ночам
Скучая и томясь без посещения.
Ты утешаешь – «Есть предел вещам»
И дух мой вспоминает назначение.

8 августа 2002.

***

Когда прохлада переходит в холод,
Уж не бодрит – морозит по ночам,
Ноябрь сединой венчает город,
Фасуя в раз прохожих по домам.

Размеренность – сентябрь унёс с собою,
Холостой авось октябрь уволок.
Уют с теплом простились с мостовою –
У батарей снимают уголок.

Несоразмерны дни и ночи стали.
На потепление намёка даже нет.
И трауром вороны исчерпали
От солнца в небесах простывший след.

Ждать привыкаешь не тепла – отлеги.
Не дождь смотреть в окно, а снегопад.
Опять ночами слушать вьюг набеги,
А солнце видеть в фильмах про юга.

Ей, спать ложишься под два одеяла
Прикинув где исподнее достать.
И снишь всю ночь район Гибралтара,
Что смог во тьме б на карте отыскать.

Осень 2002.

Монолог у магазина

Ой, как зря мы на Иисуса ропщем…
Так дедок рассказ свой начинал.
– Расскажу ка я вам братцы в общем
Как Он, и не раз, меня спасал.

Закололо как-то под ребриной.
Я там мазью тёр, чавось глотал,
Только с этой болью сатаниной
Так до ночи и не совладал.

Утром вышел, у колодца вижу
Мается какой-то паренёк.
Я к нему плетусь-таки поближе;
Весь нездешний – с куртки до порток.

«Ну, чаво табе?» его пытаю
«Штось искал, аль может, потерял?»
Он в ответ: «От жажды умираю,
Кто бы мне, смотрю, напиться дал?»

Я к колодцу браво подступаю
Залихвацки так за ручку хвать…
О-о-ой! как закололо, застреляло
В подреберье, хоть греши на мать!

Он меня под ручки, на скамейку.
«Дедушка, что с вами?» говорит.
Я ему: «Отрою трехлинейку –
Застрелюся! Пусть тогда болит».

Он мне так по доброму, прилично:
«Что вы, что вы – это страшный грех.
Разве вы не знаете, что личный
Доктор есть у нас, у нас у всех».

Я ему: «Ты что, от жажды бредишь?
Да какие ж тута доктора?
Пока до райцентра ты доедешь –

Мерку уж снимать, поди, пора».

Он, настырный вижу, не уймётся.
Я молчу, мол, знак даю, валяй –
Расскажи мне сказку у колодца:
«Айболит излечит енты край».

Он сел рядом, книгу раскрывает,
Книгу таку чёрную, с крестом
И неторопяся мне читает
И знакомит, так сказать, с Христом.

Я покорно слушал, не брыкался,
Подмечал – да-а, исцелять Он спец –
Иисус то, ну, а мне казался
На иконах токмо, молодец.

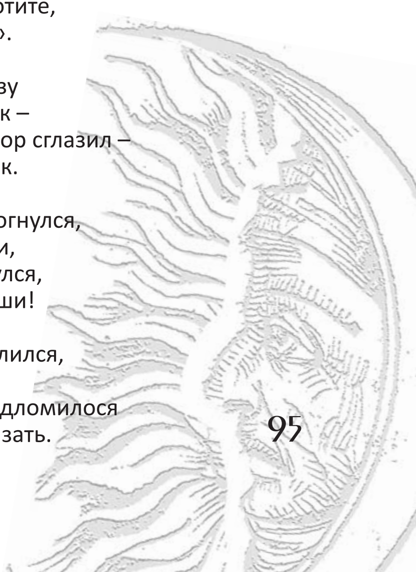
Тут смекнул я, парня на рогатку,
Мол, поёшь ты славно соловей,
Сам-то можешь, так, чтоб под лопаткой
Отпустило и промеж ребрей.

Он замялся: «Я, мол, не целитель,
И тела и души лечит Бог.
Но, я помолюсь, коль вы хотите,
Чтобы Иисус в беде помог».

Я, конечно, согласился сразу
Думая, он, верно не *Чумак –
Тот – колдун – мне телевизор сглазил –
Нету звука с той поры никак.

Тут парнишка надо мной согнулся,
Бога славил добро, от души,
Где болело, он рукой коснулся,
Мне захорошело, хоть пляши!

Он, скажу вам, ласково молился,
Будто мать баюкала дитя,
Что во мне вдруг, что-то надломилося
Слёзы с глаз и стыдно показать.

А он: «Не стесняйтесь, легче станет,
Слёзы – очищенье для души».
Тут с меня попёрло как из крана –
Ох, видать я уйму нагрешил.

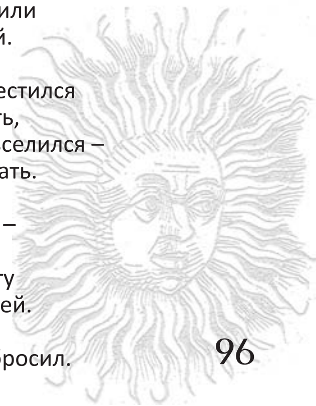
И, ей Богу, как мне стало светло
И в глазах, и в сердце, в голове –
Будто целу жизнь ждал только это;
Боль прошла и с боку и в спине.

Я его, конечно, сразу в хату;
Шкварка, бульба, жбанок молока.
Ну а он, мне Иисуса сватать
И про то, что жизнь коротка…

Тут меня как с неба окатило;
А и вправду, ведь не ровен час,
Как припрется старая Тортилла,
Что косу таскает про запас.

«Что ж мне делать?» он в ответ: «Покайся,
Отрекись на веки от грехов,
И крестись в Иисуса, ну, решайся!
Помни, за тебя он пролил кровь!»

…До полночи с парнем говорили,
Между прочим, звать его Сергей.
По местам детально разложили
Каждый эпизод судьбы моей.

В воскресенье я в церкве крестился
И, с поры той, начал замечать,
Что Священный Дух в меня вселился –
Не могу ни красть, ни выпивать.

А ещё, Сергей оставил книгу –
Я её читаю каждый день
И, само собой, не только фигу
Вижу в ней, хоть и не грамотей.

С той поры курить махорку бросил.

Телевизор мне обрыд навек.
Свою бабу всё-таки угундосил –
По утрам молиться и в обед.

А когда болезнь крадёт покой мой
Ночь молюсь, от боли ведь не спиться,
То всеношно Ангел часовой
Узнаётся скрипом половицы.
Знаю – Бог не бросит никогда
Тех, кто призовёт его любовно.
Ведь когда у сына вдруг беда
У Отца на сердце тоже больно.

Вот теперь чуть что, я к Богу сразу,
Коль болячка там или хандра.
И ни разу братцы, ну ни разу
Не оставил он майво двора.

...Вот смеялись вы, что старый, дескать
Плакал – сбрендил, караул кричи,
А я скажу, что в Библии есть место
Где Иисус про плаксав говорит.

Так и есть: «Блаженны те, кто плачут...»
Сам, мол, их утешит – будет час.
Я скажу, что плакать, чем калякать,
Для души полезней во сто раз.

Так сказал дедок, и не прощаясь
По своим делам засеменил.
Я смотрел на это, восхищаясь:
Сколько простоты и добрых сил.

Когда он за поворотом скрылся
Все, потупясь, в магазин вошли,
Он как раз с привоза и открылся –
Хлеба ждали, хлеба привезли...

29 марта 2002.

**Чумак Алан – теле-«экстрасэнс» периода перестройки в СССР.*

***

Теперь зима не так уж отвратительна
И Новый год пророчески хорош,
Ведь цель души, что была поразительна –
Поражена но, благо, вынут нож.
Добить хотели стрелами, но выжил;
Спас Бог меня и Ангел подсобил.
Теперь усвоил – в слабости защиты
Тот посвящён, с кем откровенен был.
Пусть раненный я выбыл из сраженья
Но, Лучший Врач поможет залечить
Последствия прямого пораженья
Развеяв горечь, мысль отомстить.
Настанет час достойным возвратиться;
Надев доспехи, отточив клинок
И в правый бой, как прежде, устремиться
Исполнясь силой, скрытой между строк.
Тогда спасайся – племя вурдалака
В свои чертоги, в окруженье тьмы –
У крестоносца нет в сражении брака
Хоть, к сожаленью есть в служении срыв.

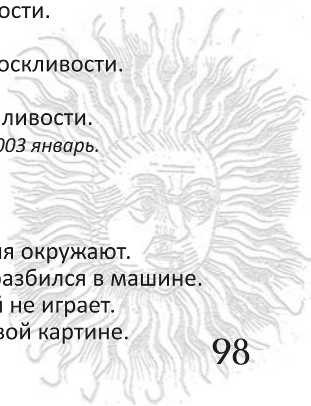
4 января 2003.

***

Ты просто вызвони меня,
вызволи меня из хмуроокости.
Ты время выкрой для меня,
выиграй меня у одинокости.
Ты просто высвисти меня,
… высвети меня во тьме тоскливости.
Отсюда выкрути меня,
выкради из дня и торопливости.

2003 январь.

Многоточия

Странные люди и фильмы меня окружают.
Ночью во сне я чуть-чуть не разбился в машине.
Тех начинаю ценить, кто со мной не играет.
Яркие краски люблю в своей новой картине.

…Лучше домой возвращаться в грозу чтоб
в объятья.
И в коридоре оставить ком мокрой одежды.
Что ещё должен для полного счастья отдать я
После душевного пепла истлевшей надежды.

…Не отпускай, если вдруг я присел у порога.
Странные люди приносят нам пригоршни соли.
Жутко-тяжёлая сердце коснётся тревога
Если в глазах прочитаешь предчувствие боли.

…Трудно играть если правила враз изменились.
В дождь крови цвет на асфальте не так уже ярок.
Сетовать глупо ведь люди всегда торопились.
Всякий шедевр на дух не выносит помарок.

…Как-то ни странно, но жить начинаем с больницы,
Где нас цинично измерят мерилом стандартным.
Здесь вспоминаем, как правильно к жизни стремиться
И начинаем ценить жизнь в корне квадратном.

13 января 2003.

***

В логове здесь я – нарушил границу.
Ангел помог незаметно укрыться,
Но, я задание выполнить смог –
Случай помог и опыт помог.
Нынче в засаде – в патронник патрон.
Тыл мой – скала – со спины защищён.
Но не спешит на молитву подмога –
Помощи жду лишь от Господа Бога.
Вкруг обложили – настроили рации –
Мой пеленгуют район дислокации.
Фарами шарят по дебрям и склонам.
У снайпера «винт» с бронебойным патроном.
Приказ огласили – живого не брать.
Мой приказ – выжить и всё переждать.
Можно дышать, но нельзя шевелиться,
Где шевельнулся – там пуля ложиться.
Вот – рикошетом царапнула руку

Пуля, на память, оставив зарубку.
Трассеры градом – входят в кураж,
Благонадёжен во тьме камуфляж.
Лишь послабленье «огня» замечаю,
Тут же укрытие быстро меняю.
Вспомнил – взглянув на сраженья арену –
Демоны всякой душе знают цену.
Вот и затишье – вижу в упор –
Взять захотели меня на измор.
Грязь на лицо – так невидим в прицеле –
Главное душу сберечь в этом теле.
Нужно дождаться луча озаренья,
Что открывает духовное зренье,
Все по-другому тогда запоёте!
Помощь спешит – эскадрилья на взлёте…
…Спросят: Что это? отвечу: Крещенье
Огнём. Испытания для посвященья.

Январь 2005.

***

Коль верить сердцу – то пора на свалку.
Коль верить Богу – снова буду цвесть;
За наказанье принял переплавку,
Закалку принял за позор и месть.

Как после операции пластической
Я в зеркале себя не узнаю,
И хочется растворчик бальзамический
Готовить мне на мумию свою.

В окошке вижу белую пустыню
Покрытую ходящими костьми,
На карте городок, что я покинул
И град, в который лыжи навострил.

Оглядываться больно и противно,
Учусь терпеть, смотреть перед собой,
Пытаюсь думать строго позитивно,
Овладевать душой и головой.

Зловонный дым по имени бесцельность
По Высшей воле перестал коптить –
Мне предложили истинную ценность,
Задача ныне цену заплатить.

Январь 2003.

***

Листая старый черновик –
Перебираю арфы струны.
О, Боже, как же я привык
К рифмоплетениям фортуны!
То вдохновляюсь, то томлюсь;
Стихи столбы, а жизнь дорога.
Тебе, мой Бог, в стихах молюсь –
Топчась у Твоего порога.
То исповедуюсь, то рву
Запутанные связи с миром
То с лицемерием совру
Пред женско-идольским кумиром.
Ты знал про всё, но всё простил
Предупредив не многозначно,
Что бы сильней – Тебя любил,
А не ту цену, что заплачена.
Вот снова подарил покой;
Коснулся сердца – высек слёзы.
Мой Бог! Мне хочется домой,
В твои стихи из этой прозы.
Где свет имеет полный вес,
А то здесь солнце в дефиците.
Где позвонки не ломит крест,
И где любовь всегда в зените.
...Ну вот, от сердца отлегло;
Пусть черновик пылиться дальше.
В конце молю лишь об одном:
– Господь, избавь от всякой фальши.

Январь 2003.

***

Зачем мне мёртвая любовь?
Пусть с нею многому учился…
Теперь не бью ни в глаз не в бровь;
Она погибла – я смирился.
Зачем мне мёртвая любовь?
Коль новый вещий сон приснился;
С души снимая боль оков –
Обруч ошейника открылся.
Зачем мне мёртвая любовь?
Прах без живительной водицы.
У мертвеца остыла кровь
И зависть подлеца-убийцы.

Март 2003 года.

***

Видимо весь почернел я от горя,
То замечаю по диким котам;
Между собою мурлыкая спорят,
Кто переступит мой след пополам.

Видимо здесь заблудился от боли;
Не различаю своих и чужих,
Что поменялись ролями, не споря,
Как по указке – средь сонма живых.

Видимо стал по-иному всё видеть –
Среди пустыни гуляю в саду.
Высохло в сердце способность обидеть
И проявилось – на ранку подуть.

Январь 2003.

***

Не заболеть поспешностью решенья
Предназначенье мужественных душ.
Суметь поймать и оседлать теченье
Сумеет лишь Христом водимый муж.

Суметь порвать парчу своей гордыни
И согласиться на льняной ефод
Сумеет, кто любовь Господню примет,

И Волю Божью как весны приход.

Превыше жертв, оценивая милость
Юродством, проживая средь людей
Смирённый обретает Духа близость –
Утешителя в пропасти страстей.

Призрев навек своё несовершенство
И приняв титул – «Человек пути»,
Реализуя заповедь блаженства,
Он обречён Любовью зацвести.

9 января 2003.

***

Рябит волна, измазана Луною.
Снег в третий раз на голову упал.
Ждать некого. Отшельника строкою
Скребу, с души закаленной накал.

Уж не вставляет слово «перспектива».
Зажили раны. Недочёт в друзьях.
Простивши всех, зрю – страсть моя остыла,
Перегорела и развеян прах.

На чём стою – того и удостоен.
По ком страдал – меня не приютят.
...Домой вернулся закалённый воин...
Теперь ращу подброшенных щенят.

Так перекрёстки все и перепутья
Взрастили опыт. Позабыв экстаз
По новой жду судьбы тугие прутья,
Которые укажут цель и час.

Что вынес я из года перегрузок?
Горсть состраданья, пригоршню любви.
Благих моих намерений стал узок
Широкий спектр, канувший в дали.

Ещё одна открылась вещь на свете;
Червона злата – драгоценней нет...

Мне видеться от крови человечьей
Оно впитало тот червовый цвет…

Ну, вот… ах, да чуть не забыл о бабах…
Пардон месье, про ваших милых дам.
Теперь я понимаю – гнев Адама
Таился в нежной мякоти плода.

– Накал очищен, всё, сверкай отшельник!
На новой дудке – новое играй.
Порвался весь былой любви ошейник.
Ты, лучше иго Господа таскай!

18 декабря 2003.

***

Бессонница гостья – декабрь дружок.
Дымом ночь полнится – в небе рожок.
Девочки спят, ведь ребят не позвали.
Бомж приютился на трубах в подвале.
Тихо скрипя, спят дощечки в паркете.
Требуют цицку голодные дети.
Спят пылесосы, насосы, подсосы,
На радиаторе спят папиросы.
Деньги посчитаны, спят в кошельках
В сейфах, заначках и даже в чулках.
Спят террористы, смонтировав бомбу;
Пусть бы Аллах бы послал им облом бы!
Что бы в домишке все мирно сопели
В каждую ночку во всякой неделе.

Декабрь 2003.

***

Две настоящие вещи, которых люблю;
Дорога для подвига и путь, на котором стою.
Страдания клещи пророчили жизни – *адью.
Слепо ступая за женщиной, попадаешь во тьму.

Правильно – верить слепо здесь только Богу.
Ему отдаю свой путь и к нему дорогу.
Любовь перешла все, ненависти границы.
У Бога есть пазуха, и ежовые рукавицы.

Правильно думать, что сердце источник молитв.
Любящим Бога мир драгоценнее битв.
Лучше стоять, там, где источник дорог,
Где сердце стучит призывающее: Бог, Бог, Бог…

Январь – февраль 2003.

**Адью (исп.) – прощай, до свидания.*

***

Есть на свете всего лишь три слова
Сердца спутники в петлях дорог.
С постоянным усердием снова
Повторяю: «Люблю тебя, Бог!»
Слов на свете как звёзд в небе чёрном,
Но как чуден малюсенький слог.
Не под силу светилам учёным
Сформулировать – что значит Бог.

Вездесущую нежность умами
Не постигнет и сонмище лбов.
Неотступные видят сердцами
Изречённое: «Бог – есть Любовь».

Не столетняя дедова мудрость,
Не научно открытый закон,
Не заменят душе обоюдность
Полной радости встреч с Божеством.

Истощением крайне-смертельным
Замотают пусть петли дорог –
Воскресит глас уверенно-верный:
«Я люблю тебя вечно, сынок!»

9 октября 2003.

***

…В сердечной беседе не важен стола натюрморт
Когда предложения, словно мазки на картине,
Где красочно каждое слово и в красках живёт
Струящаяся чистота средь обломков рутины.
Беседе такой не родиться, увы, во дворце –

Таких привилегий достойны лишь кухни с балконом,
Когда разноцветная радость у нас на лице,
А вся чёрно-серая грусть удалилась с поклоном.

9 января 2003.

***

Фалангою большого пальца
на карте Минск закрыл совсем...
Ну, надо ж было повстречаться
Нам в этой кляксине проблем!

Смотрю в окно – такси мелькают...
Мне бы рвануть, да вот – куда?
Мороз звереет и дичает –
В лёд превращается вода.

Здесь нет холстов и красок нету,
Есть боль в спине, горячий чай,
Изюм, завёрнутый в конфету
И пожеланье: Не скучай!

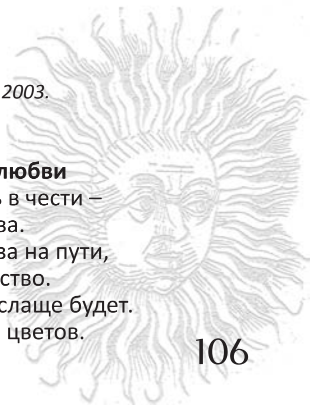
Есть фонари в окне и фары,
Дворец, где на прокат коньки,
Но в этом городе без пары
И без прописки мне кранты.

Собак ведёт домой хозяин,
А телефон молчит полдня
И мне не хочется упрямо
Быть Василисой у окна.

5 января 2003.

***

Быть честным до конца в любви
то значит быть в чести –
бесчестие – наличие лукавства.
Лукавство, как болезнь, зараза на пути,
Но от него есть верное лекарство.
На вкус – то дёготь с хреном слаще будет.
На цвет – то в мире нет таких цветов.

Его готовят в Пламенном сосуде
Под пристальным присмотром всех богов.
Порой за каплю этого лекарства
Цари земные жаждали отдать
Свои богатства и в придачу царства –
Чтобы глотнуть и боле не страдать.
Но так устроил Бог – Владыка мира –
Рецепт на полученье примет тот,
Кто разобьёт последнего кумира,
И сам себе построит эшафот.

6 января 2003.

***

Убеждаюсь – кухни для стихов.
Тяжесть в сердце – эхо от увечий.
Берега – опоры для мостов.
Признак жизни – призрак дара речи.

Шрам всегда автограф перемен.
Бог – неиссякаемый источник.
Обменявши тлен на Слова плен
Изменяем так же рабский почерк

Есть свобода в кухонных стихах –
Мост соединяет землю с небом,
Слово разрушает рабский страх
Если кормит Бог вином и хлебом.

Январь 2003.

***

Снег не становится менее белый –
В ночь оттеняется элиминацией.
Холодом веет на плод недоспелый
Мир, как реальная галлюцинация.

Делать не нужно совсем ничего –
Скоро закончится час эйфории.
Время – придуманное естество
Для проявленья любви в этом мире.

Февраль 2003.

***

Дымом слепить глаза, можно и не куря
Неопределённость – мгла, боящаяся фонаря.
Ложь – не отсутствие правды, а её искажение
Сахар не самогон, а компонент брожения.

Милость – чаще всего, отсутствие жалости.
Жестокосердие – невосприимчивость истины.
Не достигающим счастья, всегда не хватает малости –
Совершить усилие, просто, без всякой мистики.

Целостность, прежде всего наличие завершённости.
(трудно представить, что можно добавить глобусу)
…Молящиеся за землю одарены способностью
Над ней подниматься, не покоряясь *Фобосу.

12 марта 2003.

**Фобос (греч. миф.) – буквально: «страх», постоянный спутник бога войны.*

***

Пишущий в стол – он же и в небо кричащий
Пастух бескорыстных идей – жалкий пасынок
Слова.
Чтящий Всевышнего. Ропотом от-урчавший.
Роющий грунт, под которым всей жизни основа
В правом бою, отражая иллюзий нападки
В поисках истины – голос Отца услыхал:
– Если загадывал я непростые загадки
Это затем, мой сынок, чтобы их разгадал.

14 марта 2003.

***

Бог охраняет атомную бомбу
Ведь Он всегда имел её ввиду,
А я здесь параллелен горизонту
Во сне, и
перпендикулярен на яву.
Зловещий «гриб» от взрыва – ненавижу,
А тут вот-вот Ирак начнут бомбить;
Когда ж у *Дяди Сэма лопнет грыжа –

Наш континент тактично не любить?
Не то что бы я пацифист заядлый –
Осовременю старый оборот:
Кто к нам на огород кидает падлу,
Тот сам от этой падлы и падёт.

16 марта 2003.

**Дядя Сэм – олицетворение США.*

***

Лишь вздохнул – миротворный на сердце покой.
Вкус победы безвкусен – спасибо, Отец, что живой.
Вся победа – Твоя. Тебе слава! А мне Твой покой.
Но за Божий покой я готов рисковать головой.
Не за злато земли, не за чьи-то дары под Луной,
Не за место под Солнцем, за место под Богом мой бой.
В тех боях позволяю себя мордовать по щекам,
Побеждая смиреньем, как то подобает богам.
Кто посмеет отнять у меня безоружность Любви
Сам Господь за меня и Господний завет на крови.
Не коснутся меня волосатые пальцы когтём
Сила молнии спрятана в любящем сердце моём.
Кто закроет мне Путь воплощения Истины в жизнь.
Уникальность судьбы созидает Господь Вседержитель.
Сознавая сердечно ничтожность свою пред Творцом,
Наслаждаюсь, ведь Он мне приходится Вечным Отцом.

17 октября 2003.

***

Есть в зеркалах холодный привкус смерти.
Неуловимый, в каждодневном сне.
Их холодность не помутненной тверди
Ровна печали, миру и войне.

Видали все, чему дано названье.
Их крик услышишь, только лишь разбив.
Но и осколки верные призванью
Все отразят – ничто не сохранив.

16 августа 2003.

***

Прыгая в ночь с монастырской стены
Ты угодишь непременно в лужу.
Сим перепачканные штаны
Скажут про вход изнутри наружу.

В белой одежде, вонзаясь в грязь,
Вмиг вспоминаешь простые вещи –
Ты на земле человек – не князь,
А коли князь – непременно вещий.

Но даже князь человек и здесь
Следует с красной строки многоточие
Сердцебиения. Рангов спесь
Лишь атрибутика мира, творения.

Прыгая в ночь с монастырской стены
Ты угодишь в темноту без факела.
Если, конечно, огня войны
Не сохранил, когда сердце плакало.

Ведь без него в темноте – кранты.
Тем, кто учуял судьбу для подвига
Свет – преступление для темноты;
Опроверженье: святым – греховного.

Прыгая в ночь с монастырской стены
Меч нужен в ножнах к спине привязанный;

Необходима защита спины
Там, где тебе ничего не обязаны.

Нужно черту подвести под сказанным.
...Пусть не забудутся вещие сны.
Кроме Любви никому не обязан ты
Прыгая в ночь с монастырской стены.

9 августа 2003.

***

Ты свой выбор сделала, ну что ж
Вспять к истоку нам не возвратиться;
От того, что я поверил в ложь
В правду эта ложь не обратится.

Февраль 2004.

***

Бесконечность – суть последняя надежда.
Осознаешь, коль сперва сему поверишь.
От того и наша память не безбрежна
Ибо ею бесконечность не измеришь.

Воскресить и умертвить здесь может Слово,
Но, опять же, если Слову ты поверишь.
Ведь оно сознанья нашего основа
Потому его и в буквах не измерить.

Все границы для того, чтоб их нарушить;
Будет страшно, коль их разумом измеришь.
Растворяясь в бесконечности кипучей
Обретаешь образ тот, в который веришь.

16августа 2004.

***

Дом на болоте – временный приют
Разборчиво об этом пропоют
Свирелью птицы выразив: «люблю»,
Жужжаньем комары – вот их убью.

Дом на болоте – красок торжество.
Плюс запахов и звуков волшебство –
Приводят сердце в гармоничный лад
Но, нарушает комарище – гад.

Дом на болоте: уж, гадюка, мох.
С утра туман – ты слеп от трёх шагов.
Здесь в изобилии водиться паук,
А значит многим комарам каюк.

Дом на болоте. Марево в жару –
Душе услада и отгул перу;
Подставишь солнцу спину и пупок –
Комар присядет – слышится хлопок.

9 июня 2004.

***

Сила души равна силе любви –
Её не отнимут ни время, ни люди.
Бессмертника цвет в придорожной пыли
Неувядаемым в смерти прибудет.

Если пригнёт грузовик колесом,
Путник, уставший, ботинком раздавит –
Цвет спозаранку опять за своё –
Солнцу навстречу уверенно встанет.

В вышеизложенном нету морали.
Притча сия говорит об одном;
Если любить ваши силы устали,
Значит вы не были этим цветком.

9 июня 2004.

***

Как безответно любил Иисус Иуду,
Так должен я предателей любить.
Не унижаясь местью, веря чуду;
Научит Бог предательство простить.

Обид осадок, дым негодованья,
Порою портят временный покой.
Экклисиаста разочарованье
Отныне понимаю всей душой.

Любовь в пробитых дланях предлагает
Нам завещавший всё всегда прощать.
– Учи меня, Господь, как подобает
Принять твою любовь и передать.
5 июня 2004.

***

Не оправданья ради, не в укор,
Но статус-кво печально констатирую –
Страданий нам назначен приговор,
Чтобы стирали в них одежду белую.

И посему нам ближние – враги –
Христос с печалью, видно, констатировал.
Распяли его те, кто: «помоги»
К нему взывал, кого от века миловал.
30 мая 2004.

***

Евангелия стройные басы
Наполнят сердце, обнажив изъяны.
Жизнь, как песочные перевернув часы
Слогами Богослова Иоанна.
Март 2004.

***

В стихе я намекну немногословно:
Над миром поднебесья потолок
Как скорлупа бездушного бетона;
Господь нам дал молитвы молоток,

Господь нам дал молитвы молоток,
Что б разбивать власть адского закона
С любовью к свету и сиянью трона,
Которых в храме созерцал пророк*
**Пророк – здесь: библейский пророк Исаия.*
2004.

***

Мне от груди не рвать себе рубаху.
На дзот кидаться время не велит.
Мне б на беседу к старику монаху!
На исповедь! За наставленьем! В скит!

Я ненавижу этот мир лукавый!
Ведь им избит и должен отомстить;
Любить людей, искать Господней Славы,
И дюжину таких же обратить.

Пускай навозный князь грозит мне пленом,
Пускай заносит демон меч кривой –
Я бой веду, склонив к земле колени,
Связавшись с небесами всей душой.

Мне Бог судья и Он моё спасенье
Средь суеты или в кромешном сне.
Его руки я чувствую вожденье
И взгляд Отца в сердечной глубине.

Май 2004.

Шут – рогоносец

Однажды некий шут, при короле одном
Служил, озорничал с душою и умом.
Любимец всех придворных господ, пажей и дам.
В дворце чинил он часто от смеха тарарам.

Бог, видя нрав весёлый, его благословил
Красавицей женою в рассвете лет и сил.
Шут наслаждался этой наградой неземной
И хвост, держа по ветру, жил счастливо с женой.

Но как всегда бывает, у неги есть конец…
Король в шута подругу влюбился как подлец.
Ну, и само собою, тот венценосный сир
Прелестное создание нахально соблазнил.

Когда открылась тайна, шут горем был убит –
В уклейку превратился огромный счастья кит.
Не смехом переполнен, а тяжким грузом дум
Стал наш герой незлобный, беспечный остроум.

Хоть месть мотив не бравый, но с ним не совладать,
Когда в душе он бродит, в ночи мешая спать.
И шут, таки нашёлся, на то он и мастак,
Как выместить обиду, с души развеять мрак.

На праздник, пир огромный, где множество господ
Явился шут в наряде – обхохочись народ;
На голове с рогами и в шкуре до колен,
На пятках с копытами – ну, вылитый олень.

Конечно же, спросили: Что значит твой наряд?
Шут отвечал лукаво: Я жизни очень рад!
Рога – ему кричали – всегда измен печать!
На то шут отвечает: По чём вам это знать?

– Рога мой символ чести и я их нацепил,
Ведь сам король милейше мя ими наградил…
С шута все взятки гладки, а господам урок,
Чтоб жён своих красавиц почаще, под замок

Сажали и не смели дразнить глаз короля,
Чтоб не случилась с ними такая ж труляля.
И с той поры обычай прижился на земле:
Жена шута красива – рога на голове…

Так шла себе традиция аж испокон веков –
Добралась, докатилась до наших до деньков.
Два выхода простецких шутам в дилемме той –
Властитель аморален, будь лучше холостой.

Но если хочешь в царстве сем с женою проживать
Всевластие правителя привыкни «уважать».
Ты не ищи красавицу – тебе нужна жена
Что, формой неказистая но, в сущности, умна.

2004.

Сон

Лик немолодой увидал на заре.
Глаза, очищенные болью.
В них мудрость годин в седовласом каре
Увенчана была любовью.

С еврейкою старой беседу завёл –
Без глаз и ушей посторонних
О нравах, законах о том и о сём,
О жизни народов пленённых.

Мы вспомнили Ветхий и Новый завет;
Без споров струилась беседа.
Был честностью чист разговор тет-а-тет
Лишён предрассудного бреда.

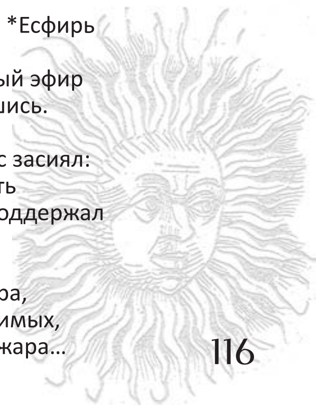
Она говорила (так пишется стих)
О вере, о мире, о Боге.
Без лозунгов и поучений седых
Струились елейные слоги.

Я слушал рассказ о генетике душ,
О предках: Адаме и Еве,
О смысле пророчеств, о кознях кликуш,
И о непорочнейшей Деве.

И подвиг *Деворы и жребий *Есфирь
И меч *Иудифи – кружились
Над нами как образов светлый эфир
С душой собеседницы слившись.

И вывод давнишний меж нас засиял:
Еврей – то не национальность
И Павел Апостол нас в том поддержал
Еврей, это Богоизбранность.

Я ей говорил о ступенях добра,
О зверствах к добру применимых,
Что сердце ссушила геенны жара...

…Вся в белом пшеница на нивах.

Затронули вязкую ненависть мы;
Ей нечем к любви прицепиться;
Еврей, сокрушённый ударами тьмы
Спешит перед Богом смириться.

И это не слабость, не трусости ход,
То выход единственно правый;
Отца наказанье – священный ефод
Даруемый Светочем Славы.

Затем я коснулся ученья Христа
И, паузу сделал для вида.
Она поняла, и шепнули уста:
«Я тоже, сынок, дщерь *Давида».

Мы были довольны беседой сполна
Пропитанной Духом Нетленным.
…В окне преснаком испечённым Луна
Над нами … и над Вифлеемом.

31 Марта 2004.

**Девора (библ.) – судья иудейская. Вместе с Вараком возглавляла битву израильтян против хананеев, в которой израильтяне победили.*
**Есфирь (библ.) – наложница персидского царя Артаксеркса. Вместе со своим дядей Мардохеем предотвратила массовый погром евреев в персидской империи.*
**Иудифь (библ.) – благочестивая вдова, хитростью проникшая в лагерь Ассирийского войска идущего на Иерусалим и отрубившая голову Олоферну – военачальнику, чем предотвратила надвигавшуюся войну.*
**Давид (библ.) – второй царь Израиля. Прямой предок Иисуса Христа.*

***

Где кресты и памятников конусы,
Хвойный лес и запах похорон –
На одной могиле – гладиолусы
Белые на фоне всех ворон.

Гладиолус – меч у гладиатора,
Ненадёжный, как бесплодный злак;
Символ – обречения заклятого,
Произвола проклятого знак.

Меч короткий цель не поражает
Он защиты истовый оплот –
В ближний бой стремится его жало
Но длинна, ужалить не даёт.

Вот трезубец – дьявола оружие –
О трёх пиках (но, не триедин)
Ловит все движенья неуклюжие –
На арене – случай господин.

У песка арены – назначение
Кровь и пот впитать и иссушить.
Публике бои, лишь развлечение,
Воинам – задача победить.

То не Колизей эпохи сгинувшей,
То оскал судьбы со стороны
Для души, закон греха отринувшей
Тот закон – трезубец сатаны.

Лучше проиграть в бою неравном
С преданностью Богу и себе,
Чем мириться с духом окаянным
Изменяя будущей судьбе.

Кто же те четыре гладиолуса
На погост по сумеркам принёс?
Тот, кому рыдать не стало голоса,
У кого язык к зубам прирос.

Позднее раскаянье – случатся,
Что его залог чужая кровь…
Ничего на свете не меняется –
Жизнь – цена за Вечную Любовь.
Март 2004.

***

Я боюсь тебя с кем-то сравнить,
Ведь в сравнении много земного –
Этим я и боюсь оскорбить
Откровенность сердечного слова.

Я боюсь тебе много сказать;
В многословии мудрости мало.
Этим я и боюсь испугать
То, о чём мне улыбка сказала.

Я боюсь тебе боль принести
Стихотворно-душевной свободой –
Этим я и боюсь, ты прости,
Приоткрыть глубину небосвода.

Я боюсь тебе стать незнаком
И боюсь познакомиться ближе,
Ведь, боюсь потерять целиком
То – что есть, то, что слышу и вижу...
6 мая 2005.

***

Со мною говорила полчаса –
Благим покоем душу заряжала.
Так освежает поутру роса
Когда восход светила повстречала.

Наверное, сама не понимала,
Что сердце моё поддержала нежно
Не прикасаясь, честно отдавала
Своё тепло лучистое прилежно

И даже удалившись, всё цвело
Во мне святое. (О, прости банальность.)
Священное воскресло, ожило
Сияющее чувство – благодарность.
3 июня 2005.

***

Сам не понимаю, зачем меня тянет писать
Все нежные строки тебе, кою знаю едва.
Быть может, я должен в судьбе твоей
что-то сыграть,
А может быть, ты что-то в тайне хранишь
для меня.
Но как бы там ни было, слоги мне спать не дают.
Я словно мальчишка встаю и хватаю тетрадь.
И это ночное писанье не чту я за труд –
Пишу – расцветаю, ни капли не хочется спать.
И зная себя, я не стану из прошлого грязь
Тебе подносить, лицемерно скрываясь за рок
И тем осквернять чаравную твою ипостась
Которой, как вижу, судьба преподала урок.
Здесь счастья не жду, ведь ни грош за него
не платил.
Во всех своих бедах я только один виноват.
Я много терял и не много, увы, находил
Того, кто мне дорог кому я поистине рад.
Зачем я пишу тебе это, сейчас не пойму,
Но знаю, что время расставит все точки над і.
И что бы там ни было всё я смиренно приму –
Быть может тяжёлые, может счастливые дни.
Я много наЯкал, почти в каждой строчке по - «я»
И это нескромно, конечно, с моей стороны,
Но как по-другому писать, дорогая моя?
Я высказать должен, иначе не явятся сны.
Во снах я летаю и даже полётом рулю.
Скажи, ты летаешь? Прошу непременно ответь.
Быть может, мы встретимся там, у небес на краю,
Где счастье бесплатно и этого счастья не счесть.
Наверное, странным кажусь, тебе это сказав,
Но что тут поделать, вот так я живу на земли.

Сент Экзюпери, что «Маленький принц» написал
Однажды взлетел – самолёт до сих пор не нашли.
Вот я разболтался! Молю, извини этот грех –
Сегодня полился с меня Ниагарский стишок.
Ты знаешь, какое из качеств ценю выше всех?
Лишь верность, надеюсь, я сим не поверг тебя
в шок.
Как странно, мне хочется быть откровенным
с тобой.
Ты вдруг ненароком преграду открыла внутри.
Я врать не люблю, и кривить своей грешной
душой,
Но раньше лишь с самыми близкими так говорил.
Ещё я хочу рассказать тебе тайный секрет.
Об этом обычно открыто и не говорят,
Но я до сих пор могу плакать, как в детстве,
от бед.
Да, правда, подвыросли беды, а слёзы скупят.
Пишу, а сам вижу твоё предо мною лицо.
От этого даже скучать по тебе не хочу.
Вот, вижу ступенек хозмага крутое крыльцо,
Вхожу – ты не видишь я, тихо любуясь, молчу…

С 3 на 4 июня 2005.

***

Взгляд, не щуря на пламя огарка
Холостяцкой дилеммою полн –
Эх, была бы ты лучше русалка
И являлась ко мне в пене волн.
Я б учил тебя стихосложению,
Ты б меня как сидеть под водой,
Так пришли б к взаимоуважению
И любви, это факт, не земной.
Я б таскал тебе сочные фрукты,
Ты б мне щук приносила пуды –
Стала бы для меня лучший друг ты,
Друг природный – принцесса воды.
Целовал бы я карие глазки,
И промокшие губы взасос,
И как в старой народнейшей сказке

Мы бы жили без тёщи и слёз.
Вечерами в гондоле не пьяный
Я б с работы плыл мимо запруд –
Ты б встречала меня с бигудями
Завершив «утопический» труд.
Ревновал к рыбакам бы, наверное
К водяному, к амфибиям прочим
Ну, а ты б уверяла, что верная
И, что первый я был, между прочим.
Мы бы спали в средах обитания
Там где каждый родился из нас –
Мне бы снилась страна Океания,
А тебе – я, речной водолаз.
Ты б поведала про браконьеров мне,
Мол, что каждый из них рыбнадзор.
И похвасталась, что лежит на дне
Тобой «призванный» прокурор.
Мы с тобой никогда бы не ссорились
Позабыв, что есть грех – ненавидеть.
Друг о друге нежнейше заботились –
Разве можно природу обидеть?
Я б зимою в любую погоду
Приходил рубить прорубь на лёд,
Что бы в царстве твоём не подолгу
Был отключен в мороз кислород.
О политике и не полслова мы,
О деньгах и не буквою даже –
Все различья меж нами поломаны
Нам ГринПис, как друзья в экипаже.
Мы с тобой разделили бы поровну
Флоры мир: тебе реку, мне лес
И тоскливо смотрели бы в сторону
Голубых неделимых небес…
Вот те раз – фитиль никнет к огарку
Эх, успеть бы столбец дописать.
Гаснет свечка – мечта про русалку
Не погаснет… Пора идти спать.

10 июня 2005.

***

Ловко вскрыл растворителя банку
И чуть-чуть наливаю в стакан…
Так готовлюсь уже спозаранку –
Не подумай, что я наркоман.
Я готовлюсь домазать картину,
Хоть культурней сказать дописать,
Но «писать» прозвучит как рутина,
А «домазать», как нечто создать.
Стоп. Сказать я хочу не об этом.
Растерялся, с чего же начать?
Ты ведь знаешь меня как поэта,
А художником будешь ли знать?
Надо ж как затянулось вступленье –
Сколько слов ради мысли одной!
…Мне сегодня ты выдала мненье:
«Я боюсь, будет скучно со мной».
Эта фраза засела в сознании
И сверлила меня как бурав.
Я пишу сейчас ради признания,
Что укажет мой истинный нрав.
Есть немного вещей на планете,
Что от скуки пропасть не дают,
Для меня, как для матери дети
Жизневажны, как сердца приют.
Я ценю эти милые редкости,
Например, наш с тобой разговор.
Мне хватает проворства и меткости
Замечать их и видеть в упор.
Ты сама верно знаешь, как дышится
Если понят, когда мир отринут.
Вот и рифма котом домой просится –
Если понят, то значит и принят.
Когда в мире не ищешь хорошего,
Сознавая – он вечно лукав,
И развеялся пепел от прошлого,
Туз козырный не спрятан в рукав,
Вот тогда нарождается ценное,
Что не сможет украсть лучший вор.
Ведь душе нужно отдохновение,
Например, наш с тобой разговор. *11 июня 2005.*

***

О Господи, пошли мне дивный сон
В котором сердцу вторит окарина,
И где в саду с возлюбленной вдвоём
Сидим в благоухании жасмина,
О Господи, пошли мне дивный сон.

Пусть это длится несколько мгновений,
Что бы душа успела отдохнуть.
Пусть лепестки жасмина на колени
Приносит ветер, развевая грусть.
Пусть это длится несколько мгновений.

Когда поэт поистине влюблён
В раю он под жасмином, у сирени.
Не замечает лживый мир кругом,
С ним неразлучен шестикрылый гений,
Когда поэт поистине влюблён.

Он жаждет целомудренных видений,
Ведь превратился в звон сердечный стук –
Она не слышит светлых откровений
И думает, что он всего лишь друг…
Он жаждет целомудренных видений.

О Господи пошли мне дивный сон,
Пусть это длится несколько мгновений.
Когда поэт поистине влюблён
Он жаждет целомудренных видений.

12 июня 2005.

***

Читаю Бродского. Ты – здесь.
Читаю нам обоим.
У времени в запасе есть
Лимит для нас – поспорим?
Ведь я читаю для двоих –
Поскольку мысль материальна
Воспринимаешь этот стих
Ты – виртуально.

У одиночества есть плюс
И минус – он гораздо проще.
Тебе, читая, не боюсь,
Что не услышишь. Корень общий
Имеют люди всей земли
И нищие и короли.
Поскольку вышли из него
То, следовательно, едины
Все в нём. Один для одного
Мы виртуально не делимы.
Софистика? Пусть так, однако
Она снадобье от разлук,
Когда ползёшь на стену раком
От одиночества. Недуг,
Когда не лечится прилежно,
В хронический перерастёт –
Промямлит доктор: «Безнадежно»
И сразу скальпель достаёт.
Поэтому, ты – здесь, со мной
Задумчива. Укрывшись пледом
Полусидишь, а над свечой
Комар шаманит – непоседа.

…Смакуя рифмы языком
Мы как в плену в его таланте…
Тьма – захвативши всё кругом,
Остановилась на веранде.
Мы – здесь. Июнь в окно
Стучит настырно мотыльками
И, в пол-луны стоит клеймо
В оконной, как в картинной, раме.

С 15 на 16 июня 2005.

***

У журчащего ручья,
под кустами, где прохлада
Кем-то занята скамья,
словно жертвой променада.
Что там делает один –
ни за что, не догадаться,
Может, этот господин,

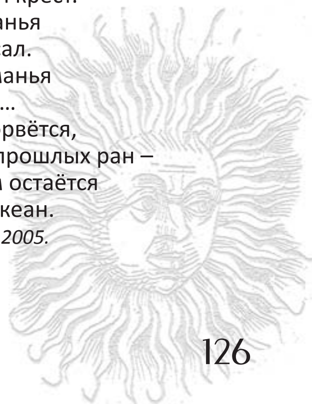
просто вышел искупаться?
Нет. Журчание ручья –
фон для будущих мелодий.
Флейту, бережно держа,
нежно он к губам подводит
Вот вздохнул, и полилось
трепетно переливаясь
Всё, что в думах собралось,
всё, что в сердце залежалось.

12 июня 2005.

***

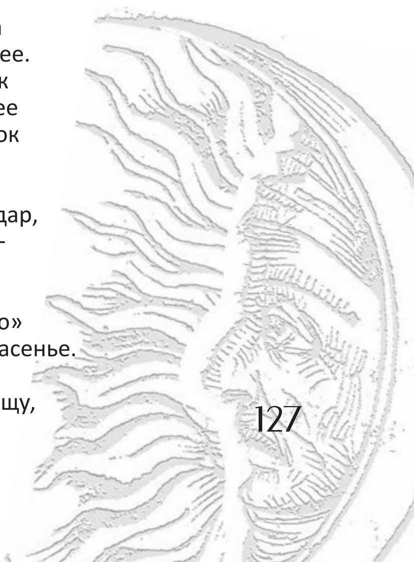
Подозревал, как верно ты сказала,
Я про контраст «подарков». Пару слов
Воспринял так – ты не предполагала
Прочесть порыв несдержанных стихов.
…Нарви цветов. Поставь на подоконник
Иль на камин, коль в доме есть камин,
Зажги свечу – пусть огонёк-невольник
Во тьме трепещет словно Палладин
Молящийся в плену у сарацинов.
Налей вина – того, что покрасней,
Что б отблеском бокала вся картина
Просвечивала грусть и повод к ней.
Отпей слегка, взгляни в свои ладони,
Коснись мизинцем влажных губ разрез
И, что-нибудь волнительное вспомни
На чём, уже давно, поставлен крест.
Затем возьми и заново посланья
Перечитай, забыв, кто их писал.
Может родник взаимопониманья
Остудит осторожности накал…
В порыве что-нибудь да разорвётся,
То страх в клочки, то список прошлых ран –
Так сердце в шрамах верным остаётся
Искать Любовь – духовный океан.

18 июня 2005.

***

Двенадцать. Сладких тебе снов,
А мне – рифмованных гармоний
(Ещё, поменьше комаров…)
Желаю.
Космических симфоний эхо
Преобразуется в слова
Созревшие, как наливной
Плод чувств и кругом голова
Устремлена к тебе одной,
Чуть поспевая за душой.
Зимой тоскуешь так о лете
Иль на чужбине о родном
Краю, но чаще человеке
С которым часто босиком
По лугу шлялся, рвал цветы
Забыв, что ты через прилавок
Зришь её милые черты
На фоне шкафчиков для рамок…
Тоска – недозаполненное время
В нём понимаешь – пустота
Не лёгкость, а скорее бремя
И ты обременён собой.
Слова стихов, а так же стремя
Пегаса завершат немой
Остаток дня. Зелёная трава
В окне, во тьме – угля чернее.
Так и любовь к исходу суток
Острее – за полночь труднее
Быть одному и мой рассудок
Отказывается понять –
Зачем себя перегружать.
Любовь, как сказано, есть дар,
А не подарок провиденья –
Спасение от божьих кар
Несёт в себе её горенье.
А если верить «Откровенью»
Любовь есть Бог и в ней спасенье.
И потому сижу, пишу,
Кровь, комарам даруя в пищу,

Грущу с надеждой, не спешу,
И верно жду, когда отыщут
Твои глаза лица овал,
Что утром в зеркале видал.

С 18 на 19 июня 2005.

***

Взгляд сверху – перпендикуляр;
Любой горизонтальный минус
Вмиг превращает аккурат
В громадный плюс, когда отринешь
Все предрассудки и поймёшь,
Что, правда – плюс, а минус – ложь.
Коль смотришь сверху на порок
Грех, признавая за собою
Осознаёшь, что боль – урок
Проснувшейся душе живой.
...Всегда с собою откровенен,
А это плюс, как ни крути.
Не позволяет добрый гений
Искать лукавые пути.
Лжи сладкой не бывает – знаю
И доказательств не ищу
Ведь глупость правдой побеждая
Пред истиною трепещу.
Во лжи нет радости и шансов
На чистоту претендовать,
Нет ясности и нет талантов,
Её призванье – искажать
Творенье Истинного Слова –
Великий замысел Отца.
И ложь всегда на всё готова
Для мудреца и подлеца.
Бог заповедал нам трезвиться,
А это значит видеть свет
Без осужденья и стремиться
Всё разделить на «да» и «нет»
Всё остальное путь неправый
А посему в потоке дней
Пей истину, хотя б отравой
Она была душе твоей.

Любовь и истина – едины
Одна не ходит без другой
…Распятье на две половины
Мир разделило под Луной…

19 июня 2005.

***

Пришёл прохладным вечером домой
И в памяти и на сетчатке глаз
Принёс твой образ, он всегда со мной,
Не расстаётся. Как цветы и ваза
Мы с ним логически друг друга дополняем,
Вода стихов нам оживляет связь –
Такое сочетанье наполняет
Надеждой пустоту уставших глаз.
Какая есть у прошлого заслуга?
В случайности не верю как тупик
И, думаю, что б встретили друг друга
Судьба заранее подстерегала миг.
Хотя, возможно, я и ошибаюсь
Или сгущаю краски. (Поздний час
томит.) В прошедших днях копаясь
Твой образ вижу, как последний шанс
Дарованный судьбой иль Провиденьем…
Его хватать нет смысла – он со мной
Живёт, сопровождая ежедневно
Не покидая даже в час ночной.
– Я слишком откровенен? Ты прости.
Цветам, что б жить, нужна с водою ваза
…А виноватых запросто найти –
Виновна память и сетчатка глаза.

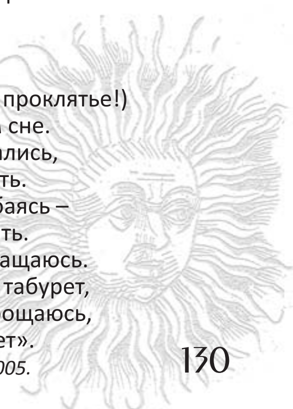
С 19 на 20 июня 2005.

***

Тебе писать могу с любого места
Своей души – в рифмованных тонах.
Вот, например: мой кот проныра-песта
Мяучит, хочет на руки и… бах!
Уже уселся на мою тетрадку,
Глядит в глаза, мурлыча голубком,
И осторожно поднимает лапку
Над пишущим, сии стихи, пером.

А вот в мой чай засунул чёрный носик –
Неужто будет пить, как молоко?
Нет! – чашку от него рука уносит,
Моя рука, а этот чёрный ком
Пытается вернуть её – когтями
Цепляется за воздух, мол – отдай!
Нет, милый друг, тебя поить чаями
Не стану ты итак, как самурай
Во время боя, носишься по дому
А, выпив чая, вовсе не уснёшь
И мне придётся, прерывая дрёму
Игривый твой выслушивать дебош.
Ах, да прости, я вас не познакомил:
– Мой чёрный «Бумер» – лапы он не даст.
Второе имя Бахус – бог – запойник
У древних греков. Миф дошёл до нас.
И, наконец, последнее осталось –
Фамилия – сказать я буду рад,
Что на кис-кис мгновенно устремляясь
Окрещен был геройски – «Бумеранг».
Ну, вот теперь знакомы вы заочно
(Когда же очно? – трудно предсказать)
Жаль у него ужасно скверный почерк –
Тебе, пока, стесняется писать.
Хотя порою слушает серьёзно
Мои писанья, коль читаю вслух,
Затем на подоконник прыгнет грозно –
Охотится на комаров и мух.
Ему, это нехитрое занятие,
Приносит удовольствие, а мне
В тиши ночной (что – было как проклятье!)
Отсутствие жужжанья в лёгком сне.
Сказал про сон и веки смежевались,
Мне, вероятно – время отдыхать.
Всё, что писал, писал чуть улыбаясь –
Забавно миг текущий рифмовать.
– Ну что дружок – к нему я обращаюсь.
– С кровати брысь – ложись на табурет,
Спокойной ночи. Он – «Я не прощаюсь,
Мяукни завтра Алле мой привет».

21 июня 2005.

***

Нахлынуло ночное настроенье –
Не хочется ни ныть, ни тосковать,
А хочется, себе на удивленье,
С тобою откровенно помолчать.

Сижу, молчу, пишу, целую воздух –
Не тянет фантазировать, мечтать.
Предполагаю – нужен сердцу отдых
С возможностью тебя поцеловать.

И окунуться в трепетность объятий
И в унисон порывисто дышать…
…Ты, перед сном сейчас, снимаешь платье
Красноречиво – не придёшь молчать.

22 июня 2005.

Воспоминание без ностальгии

Азиатское солнце учило сгорать дотла,
Когда в пять утра, в мае, в тени плюс сорок.
Пыльный *«афганец» туманно-долог, чтобы зола
Слетала с твоей души и сушила порох.

На той стороне «колючки», где-то в горах
Раздавалось то бух то бах, автоматный стрёкот.
Мой лысый кочан, рубленный сном, висел на плечах
Задираясь вверх лишь на вертолетный рокот.

Одноэтажное здание с марлею вместо стекла,
Потому что стекло создаёт парниковый эффект.
И если *Марс какую-нибудь медсестру приводил сюда
То раздавалось дружное у-у-у сперматозоидов в ответ,

Но она не смущалась. Здесь вообще не полагалось
Смущаться, стесняться, предлагать и переспрашивать дважды
Но, как, ни странно, настоящая дружба именно здесь проявлялась
Хотя каждый знал – не встретимся, расставшись однажды.

Зелёное сукно погон от жёлтого солнца становилось синим
Небо всегда, не по-европейски – без туч.
Даже не вспомнишь ноябрьским утром, что существует иней.
Вода – девяносто процентов соли и муть.

Нельзя ничего гражданского, кроме курева.
Хавка и сон не в счёт – это положено.
Спишь на пружинах, на простыне, тюфяком укрывая тулово
Иначе мошка выест и то, что внутри заложено.

Особенно тяжело первые два года, затем привыкаешь
Ложку носить у сердца, ведь пуля – дура.
Единственное, что на первом году читаешь
Это устав и письма, и вся, так сказать, культура.

Главное – быть незаметным; уметь нычковаться.
Все люди – братья. Начальник заставы – бог.
А когда приходит день демобилизоваться
Понимаешь – столько же, даже вдвойне бы выдержать смог.

13 июня 2005 года.

**«Афга́нец» — сухой, пекущий местный ветер, с пылью, который дует в Центральной Азии. Имеет юго-западный характер и дует в верховьях Амударьи. Дует от нескольких суток до нескольких недель. Ранней весной с ливнями. Очень агрессивен.*
В Афганистане называется кара-буран, что означает чёрная буря.
**Марс (рим. миф.) – бог войны.*

Будь со мной

Когда Господь развеет тучи
И подарит июльский зной,
Ковром цветов брега излучин
Накроет – будь тогда со мной.

Когда в речной поход на лодках
Отправлюсь с братьями гурьбой
По заповедным, непроходным
Местам – ты будь тогда со мной.

Когда в долине рек растаю,
Сливаясь с Божьей красотой
Бездонну вечность обживая –
Всем сердцем будь тогда со мной.

Когда надломленную ветку,
Чтобы срослась, вяжу тесьмой,
Словно бинтуя ручку детке
Пораненной о, будь со мной.

Когда найдёнышу котёнку –
Бродяге пыльной мостовой
За пазухой неймётся – норку
Он ищет – будь тогда со мной.

Когда измотанный дорогой
С перрона побреду домой
Плетясь походкой осьминогой
Степенно – будь тогда со мной.

Когда картину дорисую –
Испачкан краской и с душой
Спокойной, на неё смотрю я
Оценивая – будь со мной.

Когда больничная палата
Меня захватит в свой «покой»
Или настигнет вдруг утрата
Пожалуйста, пребудь со мной.

Когда в молитву погружаться
Укажет время Дух Святой,
Чтобы любовью наполняться
Будь обязательно со мной.

30 июня 2005 года.

Г.Б.

Утешитель научит утешать.
Страдавший учит претерпеть страданье.
И Победитель учит побеждать,
А Искупитель дарит оправданье.
Блаженный учит благости своей.
Безгрешный разрушает все проклятья.
Отец прощает всякий грех детей
Раскаявшихся и открыв объятья
Их принимает в Царство вечно жить;
Господня милость учит – все мы братья
Призванные Любовью сотворить…
Призвавший нас Любовью сотворить
Дарует Света истинную ясность.
Во век пребудет тот, кто возлюбить
Стремиться Бога, что им смерть, опасность,
Когда свой каждый вздох он посвящает
Ученью жить так, как Отец желает.

27 июня 2005 года.

***

Как в бездну канул мир –
Остался только свет.
И не пойду на пир,
И не хочу в буфет.

Есть воздух в пустоте,
Ты – где-то в ней живёшь.
Есть образ на холсте
И мысль – не придёшь.

Прислушаться не смог,
О чём болтал сосед –
Течёт из сердца слог
Не оставляя след.

В душе не одинок,
Ведь счастье с неба пью
…гори мой огонёк,
свети мою «люблю»…

12 июня 2005.

***

Я стану вором, чтобы воровать
Твоих болезней и страданий бремя.
Убийцей стану, чтобы убивать
Своей любовью нашей жизни время.

Я стану врать, мол, вовсе не грущу
С тобой в разлуке и промямлю сонно:
«Всё хорошо. Нашёл, чего ищу.
Нет, не скучаю» – в трубку телефона.

Я стану хохотать, юлить, мутить,
Когда от боли, в пору лезть на стену
И перебью, не дам тебе спросить,
Какую боли заплатил я цену.

Я стану прятать деньги от тебя,
Чтоб как-нибудь, погодою морозной
И в самый чёрный день календаря,
Тебе купить горшок с живою розой.

На простынь стану кофе проливать
Рассветным утром, чтобы из-под век
Твой нежный взор узреть, поцеловать
Тебя, мой самый верный человек!

5 июня 2005 года.

***

Привык, что ты есть у меня.
Теперь даже представить сложно,
Что жизнь возможна без огня
Любимых рук, что осторожно
И нежно согревают мир
Седой от изморози кельи,
Где позабытых чувств эфир
Воскрес в цветение сирени.
Люблю, что ты есть у меня,
Осознавать и наслаждаюсь
Улыбкой, что день ото дня
Ты провожаешь расставаясь

Даже на несколько часов…
Словам не высказать той неги,
Что неподвластна смыслу слов
Затёртых в каждодневном беге.
Дай Бог! Ведь мы есть у Тебя,
Вкусить от вечной жизни древа,
Как первозданная семья,
Как не смогли Адам и Ева.
Дай Бог нам новой жизни путь
Ведущий в Эдемские кущи,
Тропу Любви – ученья суть,
Спасенье – Боже Всемогущий.

Июнь 2005.

***

Не посмертную маску
Слава Богу, она впереди…
С головы, сняв повязку,
сняли гипс с утомлённой груди.
Позади лазареты:
операция, кома и бред;
Санитаркам конфеты,
а хирургу коньяк и букет.
Тело мутную вязкость
напитало от коек—могил.
У пронзённого насквозь
мало шансов и столько же сил.
Я не верю, что время
лечит раны – лишь воля и Бог;
Вот Пегасово стремя
ощущаю как жизни залог.
Всюду слышу мол, шрамы
украшают собой мужика,
Но не верю упрямо;
шрамы – боль, депрессняк и тоска.
У виска будет бриться
с этих пор мне немного сложней,
В капюшоне укрыться,
видя дам, постараюсь скорей.
Катастрофа влепила,
в память сердца, кошмара печать.

…Жаль, нет единоверца
иль жены, кто же будет встречать?
Эту мысль отгоняю –
от неё депрессняк и тоска.
И себя приучаю
в отражении не видеть виска.
Что за дверью таится,
я намеренно знать не хочу;
Выхожу из больницы,
чуть шатаясь, и небу шепчу:
«В этой слабости – сила –
воин Духа всегда одинок,
Если Вечность вручила
Боголюбия светлый венок.
Я живой это значит,
что до цели своей доберусь.
Быть не может иначе,
и пророчить о том не берусь».

4 Апреля 2005.

Г.Б. – 2

Благословенный Царь раба не забывает
Велением любви из грязи поднимает –
Во века Слава милости Твоей.

Прибежище моё, души отдохновенье,
Благодарю за миг, сиих стихов творенья,
За путь среди бушующих морей.

И в небе и в быту, Твои читаю знаки
И если вкруг меня столпились вурдалаки
Ты указуешь путь – я снова невредим.
Твоим наследством – дух непобедим.

О, Авва Отче!… и глаза слезятся
Исполненные праведной тоской.
Есть благо на земле – с Тобою сочетаться.
Смиренной, откровенною мольбой.

21 марта 2005.

*Александру Башлачёву

Оставив позади глухие души спящих,
Бессонницею пьян, весь выпивши позор.
На подоконник влез стихами говорящий
И щёлкнул шпингалет, похожий на затвор.

За ним стояли в ряд все созданные ранее
Нетлеющие образы: Ванюши и вдовы.
Надсадно колокольчик звенел в открытой ране,
В сердечной пустоте чернеющей дыры.

Быть может, глянул он на купол небосвода
Увы, не разглядев там Имени Имён.
Не райскими садами – кнутом была свобода,
Которою хлестал бес-молох-исполин.

Хлестал проклятья дух, топтал души работу
Всё, что успел постичь за недозрелый век –
Завесу разодрав он обнажил наготу
Ленивых наших душ – певец и человек.

Но рок уже держал на выбор смерть и жизнь
И первое нашло в душе его магнит.
...Тоской по небесам век болен небожитель
И смерти сладкий вкус пленяет и манит...

Апрель 2005.

**Александр Николаевич Башлачёв (27 мая 1960, Череповец — 17 февраля 1988, Ленинград) — русский поэт, автор и исполнитель песен. Один из самых ярких представителей русского рока.*

***

Здесь снова март артерию берёзе
Вспоров, дарует людям сладкий сок.
Ты – в нирваническом анабиозе
Там, не поймёшь всю прозу этих строк.

Со мною всё в порядке если здесь,
Вообще уместна фраза «всё в порядке».
Пишу, живу уверенный – Бог есть.
Рисую? Да рисую, но не «гладко».

Слегка седею, это означает,
Что волосы становятся белей.
Здесь, на Земле, по седине встречают
И провожают, кажется по ней.

Давно не снилась, ты всё больше змеи.
Порою пью в нирвану, то бишь в дым.
Ушёл с работы (завтра уж неделя)
И … снова провидением храним.

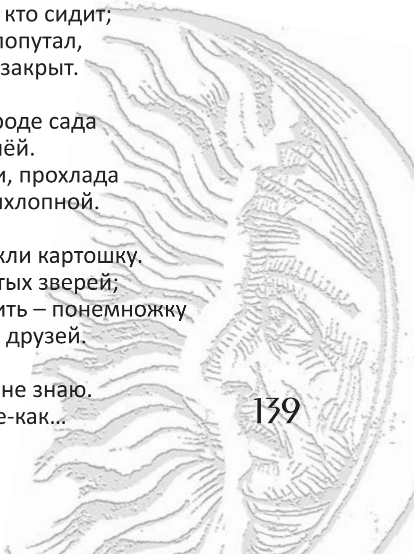
Здоровье – тройка с плюсом, но держусь;
Здесь тело отражение души.
Молюсь ли? Ну, конечно же, молюсь.
Не выжить без молитв в земной глуши.
Та, что любил – недавно родила.
Кого? Да ты должна бы её знать,
Ей, может быть, соседкою была.
Хотя, навряд ли. Катей её звать.

Мои друзья рассыпались по свету:
В Израиль, кто в Уральск, а кто сидит;
Сидит – то значит, бес его попутал,
Лишён свободы. Попросту закрыт.

Недавно был в лесу – он вроде сада
Откуда ты любуешься Землёй.
Там расцвели подснежники, прохлада
И воздух чист – без гари выхлопной.

В нём жарили шашлык, пекли картошку.
Шашлык – то плоть заколотых зверей;
Здесь, на Земле, чтоб выжить – понемножку
Мы убиваем младшеньких друзей.

Пока что всё, что дальше я не знаю.
Уж как-нибудь, а может кое-как…

Чуть не забыл – Тебя я поздравляю
С Днём нерожденья – вот седой дурак.

Зачем писал? Да… по тебе тоскую…
О-ох закругляюсь – наступила ночь.
Ты у меня одна и мне другую
Не надо… не родившаяся дочь.

24 апреля 2005.

***

Прочувствовав твоё смятенье
(Не оставляя на потом)
Пишу о том стихотворенье,
Что поняла душа трудом.

Так в старой песне говорится:
«Душа обязана трудиться».
Заглядывая вглубь сусека,
Где я любовь свою храню
И оставаясь человеком,
Всё понимаю и приму –

Любое сочетанье душ –
Лишив болтливости кликуш.

Мне чужд Бермудский треугольник
Любовный «треугольник». С вида
Мой символ впредь шестиугольник
Что формою – «Звезда Давида».
Что этим я хочу сказать?
То, что сейчас, увы, не модно –
Живу, что б нечто создавать
И ты в решениях свободна;

Конец моей свободе там
Начало, где твоей свободе.

Ну, вот теперь всё по местам,
К другому пункту переходим.
За одного, кто был побит,

Дают небитых двух на сдачу.
Да, я один и я не брит
Длинноволос, а это значит,

Что быть как все не мой удел,
Как видно, Бог сего хотел.

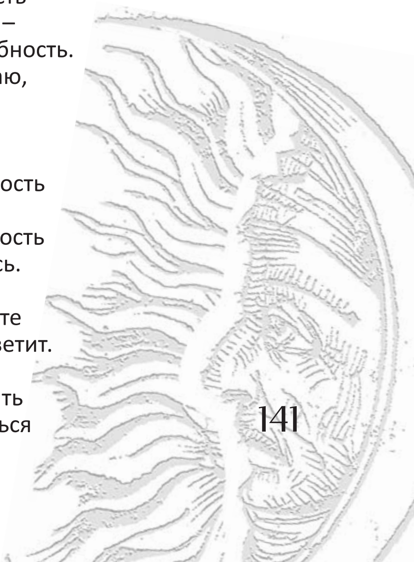
Лишать движений чью-то душу
Я просто не имею прав
И сей завет здесь не нарушу –
Чужого счастья не украв.
Мир для меня, что поле боя,
Но я воюю не за мир,
Не за своё, не за чужое,
А лишь за Евангельский пир.
Меня одно желанье гложет,
Желаний не хочу иных –
«Любви нет большей – кто положит
всю душу за друзей своих».

Так Бог сказал перед распятьем
Своим апостолам, как братьям.

Моя любовь не серенады
И не рассудка помутнённость
И уж не в поисках награды –
Собою жертвовать – способность.
Людской любовью не пылаю,
Господнюю – превозношу
И Ею, это точно знаю,
Вот это всё сейчас пишу.
Люблю – не требуя взаимность
И у других любить учусь.
Мой идеал – детей невинность
Она же цель – о ней молюсь.

Нет чувства лучшего на свете
Чем тех любить, кому не светит.

С той силой, что могу любить
Могу настолько ж отрешиться

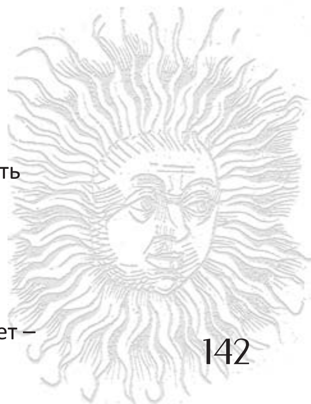
Я от объекта чувств, что б быть
Опорой тем, кому ужиться

Без доброты на свете тесно.
Не модно? Но душе полезно.

Сказал не много я? Не много.
Что ж будем дальше продолжать.
Все – смертны и судьба дорогой
Нас не устанет подгонять,
А посему ценю мгновенья –
Особенно когда отдать
Могу благое настроенье,
А негативное забрать.
Меня прости, но я признаться
Подробней дальше не могу –
Боюсь, ты сможешь испугаться –
Об этом значит ни гу-гу.
Что губит нас? – Непонимание
Людей, творенья и себя.
Что лучше – грызть сухарь изгнанья?
Иль жить всю жизнь – не любя?
Я знаю – без труда ответишь
Ты на загадки, а меж тем
Хочу сказать – когда ты светишь,
Заметен ты, увы, не всем.

И это очень хорошо –
Умей отдать, всё что нашёл.

Что, намудрил? Прости,
исправлюсь
Но, думаю, ты поняла –
Не жди от мира благодарность
За добрые свои дела.
Вот эти принципы впитал я
Страдая за свои грехи
И раскалённого металла
Тавром их вжог в свои стихи.
Признаюсь честно – да бывает –
(Я человек и не скопец)

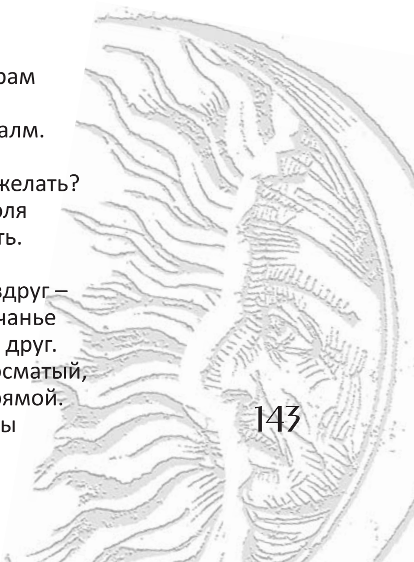
Мечтаю спать на сеновале
С подругой, с коей под венец

Ходили мы тому лет двадцать.
Мечтам ли свойственно сбываться?

И потому грызу сухарь,
Жасмин целую и шиповник,
Читаю про святую старь
И презираю «треугольник».
Ведь сам был жертвою его,
А по сему – какое право
Имею предлагать вино
В котором горечь и отрава?

Эгоистичных дум порыв
Проявит зло, как негатив.

Сказать ли что в тебе я вижу?
Боюсь, что после не усну.
Ну вот – мой кот полез на крышу –
Давай всё спишем на весну!
Зарёкся лирик не писать я,
А вот, не знаю почему,
Зарока, разорвав объятья
Пишу про кошек и весну.
Ты положительно влияешь
На этот (мой) душевный шрам
И, что-то нежное сажаешь
Где сад цветущий сжёг напалм.
И этим я вполне доволен,
Не хамство ль – большего желать?
Скажу иначе: вольным – воля
Ну, а спасённым – благодать.
Одно скупое примечанье
В душе проснулось как-то вдруг –
Коль в жизни суждено венчанье
Так пусть жена мне будет – друг.
Друг в смысле не мужик косматый,
Друг в смысле верный и прямой.
Тот человек, что боль утраты

Пронёс – израненный судьбой.
Ба… Написал так написал.
Считаем –
Тридцать три столбца.
Ты не устала? Продолжаем –
Прости, поэта—подлеца.
Минутку, я поставлю чайник
Ну, вот и чай – тебе налить?
Что? Я рехнулся от печали?
Нет – просто не с кем говорить.

А говорить хочу с тобой,
И как ни странно, всей душой.

Ну ладно это мы оставим –
У нас серьёзный разговор:
Что сами мы в судьбе решаем,
Таков в итоге приговор.
Сказать тебе, что я хороший
Ни Бог, ни совесть не велит.
Сказать плохой и самый горший –
Ты не поверишь. Пункт закрыт.
Ты знаешь, что такое жалость?
По-моему – худшее из чувств.
Она душе несёт усталость,
Иллюзию добра – но пуст
Её плаксивый отголосок –
(Он лицемерен иногда)
Кто сострадает – тот поможет,
А кто жалеет – никогда.

Есть чувства разные на свете
Их знают взрослые и дети.

И потому скажу я прямо:
Давай учиться уважать –
Что необъятней океана
И что за деньги не достать;
Когда сегодня я пришёл
Сказала: «Рада тебя видеть».
Как это слышать хорошо!

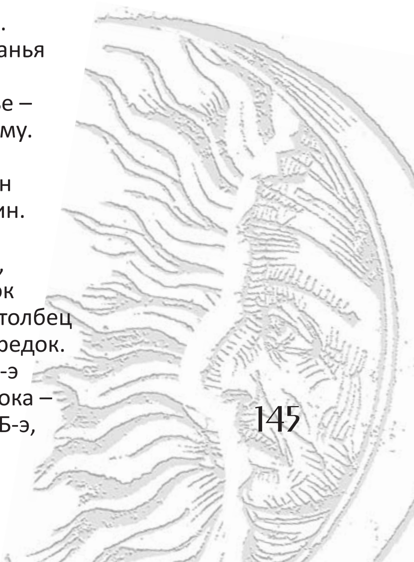
И это: «Я боюсь обидеть».
О, Боже! Алла – вот пишу –
Ты спишь (одна?) одна тихонько,
А кажется, с тобой сижу
И глажу волосы легонько…
У-у понесло меня в кювет –
Опять прости, с кем не бывает?
Ты улыбнулась? Вот ответ
На то, чем сердце расцветает…
Ну – всё! Беру себя я в руки.
(Я их убрал с твоих волос).
Коль потревожил сон твой
хрупкий
При встрече дай за это в нос,
Что б ни совал, куда не просят
И чтобы рук не распускал,
А я взмолюсь: «Прости, заносит…
Больше не буду – слышишь Алл?»

Кто виноват и в чём причина? –
Ты – девушка, а я – мужчина.

Итак, пора черту прямую
Под вышесказанным подвесть –
Очередную роковую
Или фортунную – Бог весть.
Весь смысл длинного посланья
В итоге слился к одному –
Я – очень сложное созданье –
Кому здесь нужен – не пойму.

Коль вообще кому-то нужен
Кто снёс врагам обед и ужин.

Одно скажу тебе – стервец,
Такой как я, довольно редок
И в «Красной книге» есть столбец
Где втиснут мой далёкий предок.
Не веришь? Посмотри на Б-э
В разделе бронтозавр востока –
Бесперспективный для Г-э Б-э,

Живет в пещерах одиноко,
Плохой охотник и рыбак,
Питается любой ботвою,
Неприхотлив, не любит драк
За самок – дружит с головою,
К миграциям неравнодушен,
Способен год сидеть в осаде,
От ласки – кроток и послушен,
Но, не прижился в зоосаде.
Способен жертвовать во благо
Себе подобных и порой
Один вступается за слабых
Животных особи иной.
Зимой хандрит – меланхоличен.
Ведь по природе – солнцелюб.
Нетороплив, порой практичен
И с дрессировщиками крут.
Вот предок мой, он жил когда-то
В какой-нибудь палеозой,
Увы, нет жизни точной даты
И почему он вымер в той
Среде – учёные не знают
И где оставил свой приют.
Сильнейший в мире выживает –
Слабейший зрит на этот труд.

Слабейший зрит на чей-то труд
И ждёт когда его сожрут.

Надеюсь, этот бред читая
Ты улыбалась и не раз,
Так пусть твоя черта прямая
И подытожит, сей рассказ,
А с ним грань наших отношений
Пускай она определит.
Я жду любых твоих решений.
До встречи. Твой Колян—пиит.

15 июня 2005.

***

Улетела туча-нетопирь,
Тьма морозна – звёзды заярчели.
В монастырь… пора бы в монастырь –
Надоели: канитель, качели…

Март 2005.

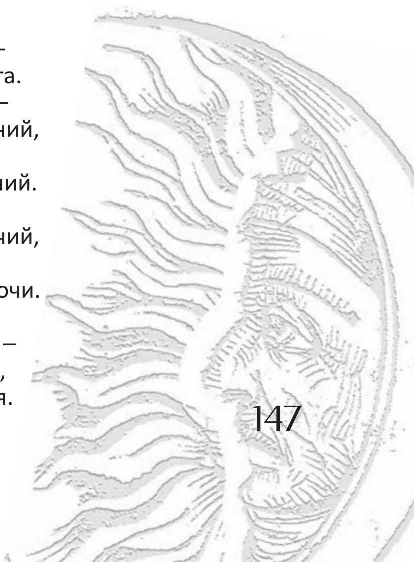
***

…Руки привыкла кисть
держать
перо и чарку…
– Скорей, поэт, женись!
Иль заведи овчарку.

25 июня 2005.

***

Ты говоришь: «Настало время…»
Я соглашаюсь: «Да, настало»
Нести разлук свинцовых бремя
С бессонницей под одеялом.
Есть время камни собирать
И время камнями бросаться,
А так же время обнимать
И от объятий уклонятся.
Писал об этом Соломон
Царь – сын царя Давида,
Он был от Бога мудрецом –
Об этом в Библии есть книга.
Он жил задолго до Христа –
Адепт божественных видений,
Он говорил: «Всё – суета
Сует» и здесь без объяснений.
Зачем об этом я пишу?
Что бы ни ставить многоточий,
Коль ненарочно согрешу
Неточностью, средь этой ночи.
Настало время говорить
И без оглядки открываться –
Кто может истинно любить,
Тот не страшится унижаться.
В любви гордыни нет – она

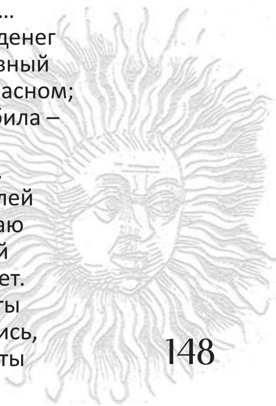

По духу нелицеприятна,
И самодурства лишена,
И страха в ней сгорели пятна.
Кто с нею научился жить,
(а этому учиться надо)
Тот видит – нужно всех любить,
Любовь оружье против ада.
Христос учил любить врагов,
Что доказал своею кровью –
Она покроет тьму грехов
И противостоит злословью.
Нет хуже мук души в эфире,
Когда приходиться страдать,
Что чувство пламенное в мире
Нет удостоенных принять.
Сказала ты: «Настало время!»
Я согласился: «Да! Настало!»
…Любовь – Божественное бремя –
Несовершенства прокрывало.

26 июня 2005.

***

Надеюсь, от меня ты отдохнула,
И, за одно, соскучилась, надеюсь.
Вернулся поздно – ты уже уснула
Уставшая внимать о жизни ересь
Которую несёт маман и телик
И, от которой на душе противно…
Спокойно спи, ведь с нас за это денег
Не требуют. И сон приснится дивный
Пускай тебе о чём-нибудь прекрасном;
Что в детстве сокровенно полюбила –
Напоминая бабушкину сказку,
Где девочка дракона победила…
Где луг из разноцветных асфодэлей
Венчает терем с башнями по краю
Где пёстрое разноголосье трелей
Над крышами лазурными порхает.
Где витражей библейские сюжеты
Мозаикой причудливой сложились,
В которой преломляются рассветы

Передавая радуги игривость.
Где тишина – награда за победу
Над глупостью, не знающей границы.
Где спелые плоды на стол к обеду
Приносят фиолетовые птицы.
Где из окошка вид на лес и речку
Заполонился маревом томящим.
Где вечерами сидя на крылечке
Забыв о прошлом – дышишь настоящим.
Пусть эти мыслеобразы тебе
Во сне виденьями преобразятся,
А все противоречия людей
Неуловимой пылью обратятся.

Август 2005.

Зима 2010 года

Морозный вторник. За полночь. Февраль.
Провинция устав от круговерти
Заснула. Москва – Минск магистраль
Работает, как вена после смерти.

Да, в эту зиму обесценен снег
Даже у тех, кто скареден в натуре…
Сугробы возвышаются у всех
Домов Эльбрусами в миниатюре.

Дров тратишь вдвое больше, но тепло
Воруется распахнутою дверью.
Все мысли о весне, чьё ремесло
Нас приучать к надежде и доверью.

Когда в нужник на улицу идёшь
Мечта об утеплённом унитазе
Кусает душу, как солдата вошь
И мыслишь, как залезть из грязи в князи.

Мороз таков, что даже покурить
Выходишь основательно одетым,
И глядя в лес, не хочется бродить

По тем местам, где прохлаждался летом.

А лес, как знамя – бел-зелёно-бел –
Мохнатый символ сказочной державы
От натиска зимы остолбенел
И тихо спит величественно бравый.

Февраль 2010.

Воспоминания старого *Мирмидонянина

Я сражался под стенами *Трои
И свою и чужую лил кровь.
До сих пор просыпаюсь от боли
В перемены понтийских ветров;

Мои шрамы – зарубки на память
О той, страшно тягучей войне –
Десять лет мы учились не падать
Духом –
возмущаясь, как пена в волне.

После схваток безумно уставши
Унося с собой раненых, шли
Совершать всесожжения павших,
Разломав на то их корабли

Для костров. Мы, сперва, обсуждали
После очередных похорон
И *Ахилла в сердцах вопрошали
(ведь его воспитал сам *Хирон)

– Почему всего мира красавица
За *Парисом пошла – не поймём?
– Потому, что прекрасные тянутся
К тем, кто в детстве был вскормлен зверьём.
Мы смотрели на волны с тревогой:

Как там дети, жена, отчий дом?
Нас, наверное, прокляли боги:
Зевс на суше, в морях – *Посейдон.

Потому, по окрестностям шастая
Мы для жертв отбирали быков.
И вещал нам *авгур старый, шамкая
Волю всех Олимпийских богов.

Место Трои коровой указано,
Стены строили двое богов
И с издёвкой не раз было сказано:
– У коровы ли много мозгов?

Мы в болезнях царей крыли ропотом
Но мужались и ждали конца.
Каждый день в небеса скорбным шёпотом
Возносилась молитва жреца.

Вспоминаю и дерзость *Терсита…
Славный малый был, но слабоват;
Усмиряет царей только скипетр
Громовержца, но чаще булат.

А цари, что цари – все героями
Выставляли себя напоказ,
А ты волями, или неволями
Всё равно выполняй их приказ.

Старика слеповатого помню я
Всё пытал нас: «В бою, кто каков?»
А потом слагал песни занудные
В коих сваливал всё на богов.

Бой для воина случай прославиться
И трофей дорогой раздобыть…
Эх, *Елена, о, скольких, красавица
В мрачный тартар свела твоя прыть.

Десять лет помышлять о победе!
Десять лет лишь надеждою жить!
Мысль одну: в темноте и при свете
Нам внушали вожди – победить!

И воители гибли и падали
Наполняя телами простор.
И, вдыхая зловоние падали,
Лишь героям слагали костёр.

Но однажды, с надеждой во вздохе
Всем, сознанье и кровь опьяняя
Сын *Лаэрта – хитрец и пройдоха
Нам поведал свой план про «коня».

В душном чреве творенья *Энея
Мы спешили богов умолять,
Чтобы *Лаокоона прозренью
Не внимала троянская знать.

Лгал *Синей и *Амритой вливался
В уши царские лживый ручей.
И, довольный собой, улыбался,
Всё то выдумавший, *Одиссей.

И *Кассандре они не поверили,
Как заразы чураясь ея.
Так количеством лжи мы измерили
Глупость Трои и «мудрость» коня.

Не спасли их троянские стены.
Не мечу, так коварству они
До земли приклонили колени,
И обилие жертв принесли.

А потом была бойня ночная;
Славный город топили в крови.
Наши руки, богов призывая,
Мстили за пораженья свои.

Мы, во гневе, дворцы разрушали,
Тут же грабили всё, что могли.
Не щадили и храмы – сжигали,
А трофеи все – на корабли

Отправляли. Безумство владело
Нашим гневом. Как *Цербера пасть
Ужасали. На жертвенник дева
Шла сама только б в плен не попасть.

А когда мы свой пыл утолили
Я взглянул на холмы за рекой,
Где останки *Аякса, Ахилла
Обретали во славе покой.

А потом снова были раздоры
Из-за жертв. Драгоценные дни
Мы теряли в бессмысленном споре –
Для интриг создавались цари.

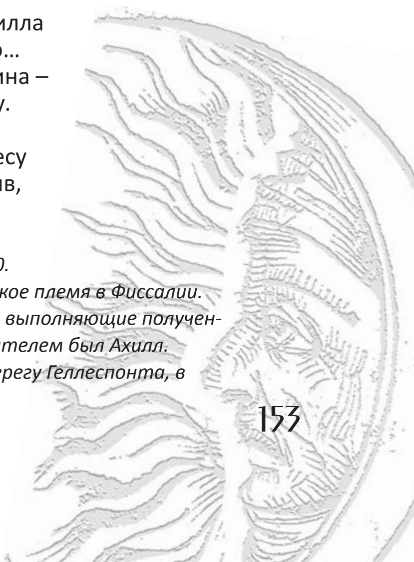
А я думал, забыв свои беды,
Вспоминая заждавшихся вдов:
Царский лик у богини Победы,
Но простая солдатская кровь.

Сотни шли под *эгидой Ахилла
Добывать себе славу в бою…
Не вернулась назад половина –
Я склоняю пред ними главу.

С той поры не служу я *Аресу
И, троянских рабов отпустив,
Коз пасу и гуляю по лесу
Все доспехи свои утопив.

28 февраля 2010.

**Мирмидонянин (греч.) – мирмидоняне – ахейское племя в Фиссалии. Иносказательно: подчинённые беспрекословно выполняющие полученные приказания. В Троянской войне их предводителем был Ахилл.*
**Троя (греч. Илион) – город на малоазийском берегу Геллеспонта, в*

долине реки Скамандр.
**Ахилл (греч.) – герой Троянской войны. Было предсказано, что без Ахилла греки не смогут одержать победу в войне.*
**Хирон (греч. миф.) – кентавр, воспитатель и наставник Ахилла.*
**Парис (греч.) – царевич Трои, похититель Елены Прекрасной.*
**Посейдон (греч. миф.) – бог морей.*
**Авгур (греч.) – жрец, предсказывающий будущее по поведению и полёту птиц, а также по небесным явлениям.*
**Терсит (греч.) – участник Троянской войны, незнатный ахейский воин. На десятом году войны призывал греков заключить мир, но был избит и высмеян Одиссеем.*
**Елена (греч.) – жена Агамемнона, сбежавшая с Парисом в Трою, что и привело к Троянской войне.*
**Лаэрт (греч.) – отец Одиссея.*
**Эней (греч.) – художник, построивший «Троянского коня».*
**Лаокоон (греч.) – троянский герой, жрец Аполлона, пытался помешать троянцам втащить в город «Троянского коня», за что был наказан богами – его вместе с двумя сыновьями удушили две огромные змеи.*
**Синей (греч.) – греческий воин, убедивший троянцев втащить в город деревянного коня.*
**Амрита (греч.) – напиток богов.*
**Одиссей (греч.) – герой Троянской войны, царь острова Итака, славился своей хитростью и способностью выходить из безвыходных положений.*
**Кассандра (греч.) – троянская царевна, пророчица предсказаниям которой никто не верил.*
**Цербер (греч.миф.) – свирепый, трёхглавый пёс, охраняющий выход из царства мёртвых.*
**Аякс (греч.) – герой Троянской войны, был вторым после Ахилла по силе и храбрости.*
**Эгида (греч. миф.) – щит Зевса, в переносном смысле: покровительство, защита.*
**Арес (греч. миф) – бог войны.*

Монолог воздуха

От ядра простираюсь до *лимба.
Моя кровь многозвучный эфир.
Для земли я подобие нимба.
Мной насыщен *Борей и *Зефир.

Нисходящую музыку мира
И наития горних высот
По планете разносят игриво
Мудрый *Эвр и пламенный *Нот.

Я бываю губительно резким –
Вызывающим трепет знамён,
А ещё до безумия зверски
Разрушаю нещадно в сезон.

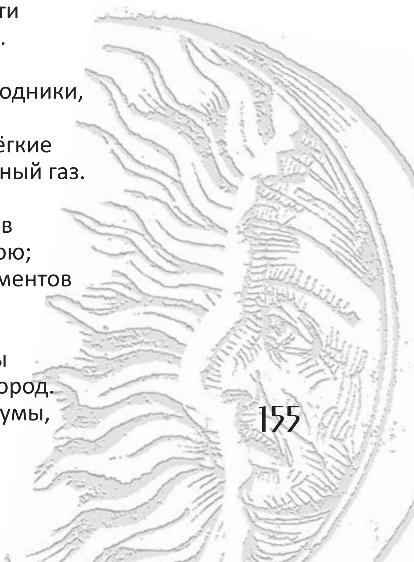
Раздуваю костры и пожары,
Приношу то дожди, то снега,
Проникаю по трещинам в скалы
И за мною стремиться вода.

Я живу в каждом круговороте –
Для меня не бывает преград;
Мертвецы забывают о плоти
Когда я завершаю «обряд».

Меня ценят шахтеры, подводники,
Обожает любой водолаз,
Когда кровь наполняет и лёгкие
Мой бесценный, живительный газ.

В пантеоне первоэлементов
Самый лёгкий и первый стою;
Всё живое с начальных моментов
Созидаю, питаю, гною.

Достигает все ядра и атомы
Мой любимый сынок кислород.
Ненавижу бездушные вакуумы,

Но я жизнь для сердец и аорт.

Я участник зачатья, рождения,
Всем, клинически умершим – друг.
Был свидетелем Воскресения
И, Второе Пришествие жду.

Вездесущ, незаметен как слово
И постарше Адама-отца
Я прообразом Духа Святого
Окружаю создание Творца.

Мною правят познавшие Бога;
Им служу всею сутью своей,
Остальные проходят убого
Мимо истин в текучести дней…

Обездвиженный волей сознания
В послушании жду у ворот,
Когда йог, задержавши дыхание,
Сущность Духа в себе познаёт.

Мною дышат и маги и мистики,
Лживый гений во мне ворожит;
Наполняя греховными мыслями,
Искушеньями – область души.

Полон я всевозможными силами,
Гармоничен, контрастен и нем –
Создаётся мой голос порывами
Спотыкаясь о власть перемен.

Меня выхлопы травят до рвоты,
Но, как *Феникс, я вновь восстаю;
Очищая в лесах и болотах
Первозданную сущность свою.

Меня ценят удушье познавшие,
И все те, кому Бог дал понять,
Что не смогут они надышаться
Когда время сей мир покидать.

Пусть мой голос распознан не всеми
В сквозняках, в завываниях труб,
Но как призрак невидимой тени
Всё и вся окружаю вокруг.

4 марта 2010.

**Лимб (лат.) – преддверие ада.*
**Борей (лат.) – северный ветер.*
**Зефир (лат.) – западный ветер.*
**Эвр (лат.) – восточный ветер.*
**Нот (лат.) – южный ветер.*
**Феникс (греч. миф.) – сказочная птица, символ вечности и возрождения.*

***

Первые стихи поэта –
Силы слова постиженье,
Научает отраженьем
Мира быть – работа эта.

8 марта 2010.

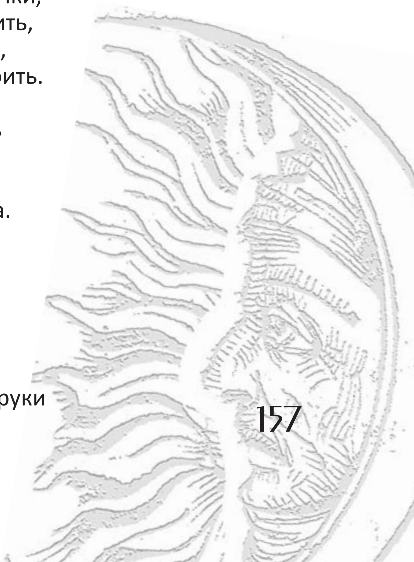
Auscultа et perpende*

Холсты, оставив просушить у печки,
Взяв термос чая разум разбудить,
Отправился на белый берег речки,
На кромку льда – подумать, покурить.

Вода, впитавши серую небесность
И жидкий шоколад с каньона дна,
Похожая на скучную словесность,
Чёрно-коричнево по белому текла.

Безлистые кусты, торча безлико
Впивали в небо веток остриё,
Словно мольбы отчаянного крика
Наталкивали мысль на «копьё».

Присев к воде «ожог» прохладой руки
Глаза и шею, голову вокруг;

Холодное снимает «минус» скуки
И ободрив, трезвит дремотный дух.

Полезный символ всплыл в круговороте
Неспешных мыслей, пожелав ожить:
Художник, перед тем как встать к работе,
Обязан руки тщательно омыть.

От речки взгляд скользил по снегу в ельник,
Чьи лапы пересыпал порошок,
Словно в ночи над ним огромный мельник
Вытряхивал промученный мешок.

Когда без солнца полдень наступает
Однообразным будет целый день,
Лишь на закате хмурость огибает
Горящий диск, спускаясь в леса тень.

Он подошёл по насту еле слышно
И свойски, как знакомого спросил:
– Клюёт? Ответ во мне родился быстро:
– Простите, но я снасть не захватил.

– Вы курите? Мы оба затянулись.
– Чай будете? – Да, но давай на «ты»
Мы, вроде бы ровесники, в натуре,
К чему мирские, так сказать, панты.

– Ты не мирской? – Я больше маг и мистик.
– Ах, вот как, это очень интересно;
Основы Таро, корни кабалистики,
А как тебе Коэльо всем известный?

– *Коэльо Пауло? Он скорей романтик.
В среде духовной выскочка, простак.
– Ты смело судишь – истовый прагматик
И, вероятно, в мистике мастак.

– Материю предпочитаю духу;
Конечна плоть – дух, как известно, вечен.

– Согласен. Молящаяся старуха
Нам ближе, её образ человечен

В сравнении с политической борцом.
– Но чем политика с духовностью родны?
– И то, и то допущено Творцом
В наш мир для состояния войны.

– Я полагаю, что война – не цель.
– Она не цель, она скорее средство
Реализации, связующая цепь
Всех душ и их посмертного наследства.

– Ты тоже мистик, или скрытый маг?
– Нет, я скорее пьяница-читатель;
Любая мудрость ищет слой бумаг
В котором усыпит её писатель.

В миру, сей труд, зовётся просто: книга.
– Философично, но спешу сказать,
Что каждому чтецу нужна мотыга
Чтоб мудрость в книжной куче раскопать.

И, безусловно, всей души порыв –
Сортировать всё нужное с ненужным –
Не приживётся мудрость, коль отрыв
Её сочтем явлением наружным.

Так сытый кот, взирая на мышей
Не ловит их, хотя на то назначен,
Но мудрость заполняет до ушей
Того, кто ей всю жизнь предназначил.

– Послушай просьбу, не сочти за труд,
И, если можешь, говори короче.
Вопрос твой ясен: путники идут
Пока фонарь им светит среди ночи?

– Можно и так сказать. – И, так сказать,
Мы будем говорить иль изгаляться?! –

И вязнуть в терминах и нагло лгать,
Мол, с мудростью мы водим панибратство?

– Но, что услышал ты в моих речах
Нечестного, прошу тебя, позволь мне…
– Нет! Не позволю – мудрость не в словах,
Ей вовсе не присуще многословье.

– Ты ж сам распространялся про бумагу,
Про кучу книг, прочитанных до листика…
– Познание сквозь формы – путь для мага,
Познание сути Сущего – путь мистика.

– Что ты сейчас сказал? Не догоняю.
– Ты мне представился и мистиком и магом,
Поэтому тебе и говорю
Сии пути несовместимы, а бумага,

В отличие от меня, увы, всё стерпит,
А что про мудрость, так – она всегда
В сердца лиёт благоговейный трепет –
Так моет душу горняя вода.

– Сейчас я слышу про-христианский лепет
А он, назойлив, слишком романтичен,
Оскомина от проповедей этих…
– Зато Тот Свет реален и логичен.

– Логичен? Докажи сие логически?
– Если бы свой наряд маго-мистически
Сменил хоть раз на посох туристический
Ты бы усвоил – друг неромантический:

Природы суть – бесформенность природы.
– Причём здесь христианство до туризма?
– В природе, как ни где, видна харизма
Наполненная сутью мистицизма.

– Такое мненье слышу я впервой,
Но мы споткнулись ведь о христианство?

– Сперва – ответь и, не криви душой,
Что романтично в нём – церквей убранство?

Или само учение Христа?
– Я, думаю и то, и Тот, и та, что называют Девой
Марией, то бишь, матерью Христа.
– Так вот где скрыта страшная дилемма!:

В два века христианство обросло
Романтикой для наших поколений
И ныне его главное звено
Затёрлось между множества учений!

– И что это за «главное звено»?
– Я говорю, мой друг, о воскресении.
Надеюсь в мистицизме ты давно
И цель твоя раденье о спасении

Путём познанья сути бытия?
– Я предпочёл бы слово совершенство,
Определяя цель свою, и я
В нём нахожу и силы и блаженство.

Нет лучше в мире дела, чем познанье
Древнейших истин и законов мира,
Что пропитали сущность мирозданья,
Как свет неугасимого светила.

– А воскресенье, где оно стоит
В твоей классификации понятий?
– Оно процесса – часть, его магнит,
Что тянет душу в силу тех объятий

Которые христианин назовет
Небесным Царством, а буддист – нирваной.
– Расплывчато, точнее бы полёт
Сих мыслей обозначь. Океана

Бескрайности не каждому постичь дано.
Мне видится: спасенье человека

Всевышний предопределил давно,
А если точным быть, так от начала века…

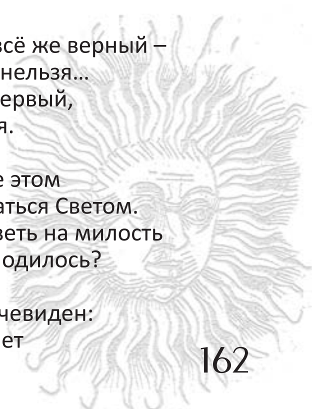
– Но это слишком пахнет фатализмом.
– Зато не пахнет маго-мистицизмом.
Мне мысль дай закончить – слышишь, зём!
И пешке в спешке не грози ферзём.

Так вот послушай – предопределенье
Является залогом воскресенья.
Коль двое будут вместе совершать
Путь предопределённого спасенья.

– То есть взаимодействие обоих?
– Взаимосочетание обоих.
– Ты утверждаешь – это суть христианства?
– Я говорю, что вижу так христианство.

– А как же все посты, обряды, чудо,
Где ниша их в учении христианском?
– Ты спутал суть и форму, как Иуда
Узрев Царя, не рассмотрел где Царство.

– Но всё таки: логичен ли Тот свет?
– На этот счёт во мне сомнений нет;
Раз нет его в природе и в помине,
Тогда о чём сейчас мы говорили?

– Хороший ход, простой, но всё же верный –
Нет лишь того, о чём сказать нельзя…
– Спасибо, догадался ты не первый,
Что жизнь непрерывная стезя.

И лишь от нас зависит в мире этом
Ходить во тьме иль просвещаться Светом.
– Здесь не поспоришь, но ответь на милость
Зачем столько религий расплодилось?

– Мне видится, ответ здесь очевиден:
Раз Бог, всё зная, это допускает

Значит мы, люди, главного не видим;
Зачем религия нам та или иная.

Что не Богоугодно – то исчезнет,
Не приживётся вопреки закону.
Коль путь ученья будет не бессмертен,
То по нему уж каркают вороны.

– Значит ученья меж собой – равны?
– Мне кажется, ты давишь тут на жалость.
Религии, как скорости любви –
Их выбирают, с Духом совещаясь.

Иль освящаясь Духом – как угодно.
– Скорости любви? Довольно странно
Звучит, для слуха как-то неудобно;
И неопределённо и пространно…

– Здесь всё зависит, как на то смотреть –
На форму выраженья или в корень.
Любовь – всегда процесс и тут заметь,
Любой процесс имеет свою скорость.

– Пожалуй, разговорами я сыт,
Настало время нам с тобой прощаться.
И он ушёл – перил раздался скрип
Когда он стал по лестнице взбираться.

Весь разговор, как некое творенье
Исторг в итоге каплю сожаленья:
Как часто жаль, что сеть идеализма
Лишает нас природы романтизма.

Упала капля в реку – растворилась
И плавно по теченью удалилась.
А наст, хрустя под лёгкими шагами,
Разматывал пространство между нами.

20 марта 2010.

**Ausculta et perpende (лат.) – Слушай и взвешивай.*

**Коэльо Пауло – современный бразильский писатель, мистик.*

***

В марте Нот раздувает щёки
Дует, свищет, гудит на крыше.
В марте кот затевает склоки
Из-за кошки – забыты мыши.

В марте снег, превращаясь в лужи
Сер, запылен, крупист, кристален.
В марте смех за окном простужен,
Резок, как чернота проталин.

В марте каждый день изменения –
Деву-погоду не предсказать.
В марте дважды меняешь мнение –
Что одевать и что обувать.

В марте болят, набухают почки
Если бухал и тебе за сорок.
В марте наряд изменяет почва
В клочья, порвав белоснежный полог.

В марте мечтаешь о жарком лете,
О тёплой речке, речном походе.
В марте гадаешь на солнца свете
Что приготовит в походе *Один.

В марте паводок в полнолунье
Превышает восьмое чудо
В марте пасынок на раздумьи –
Запасает на сок посуду.

В марте сизой вербы котята
Пасху светлую предвещают
В марте сизый туман заката
Лёгкой ватой углы смягчает.

В марте тих по ночам посёлок –
Звёзды ближе и воздух мглист.
В марте стих и речист и звонок
Перекатист, прохладен, чист.

31 марта 2010.

**Один – у древних скандинавов верховный бог, покровитель викингов.*

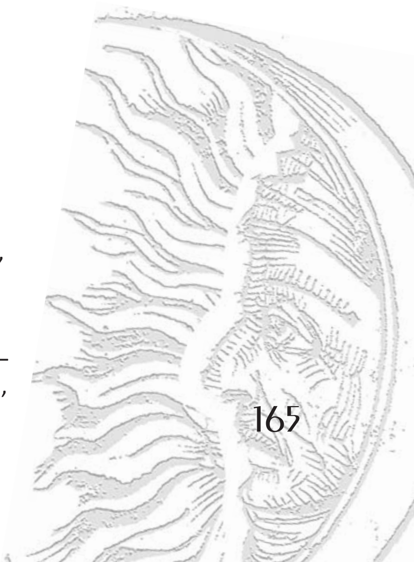
Авенум

Авенум

Легенда-поэма.

Там, где пути не хожены
И тропки не проложены
В берложном дремулесии
Среди озёр русалчатых,
Где травы кос не ведали,
Где осока не топтана,
Где ветер воет песнями
С болотными берёзами,
Где солнышко под лапами
Еловыми не мается,
Где по ночам усталые
Волчата к мамке тянутся,
Где листик пал и слышится
Как он ветвей касается,
Где папороть колышется
И совы просыпаются
Среди ночной туманности,
Среди седой дремучести,
Где тихо исполняются
Законы неминучести.

Там набекрень избёночка
Замшелая, сосновая,
А в ней дитя-мальчоночка
Двенадцатигодовое.
Сиротка кругородная,
Изгнанный человеками
Туда, где хлябь болотная
Бурчала с чародейками,
Где волхвовали белые
Как лунь деды да прадеды,
Где выживут лишь смелые,
Которым Богом дадено.
Его, чего-то невзлюбил
Народ в то время смутное –
То ль глаз его тяжёлый был,
То ль сердце неотступное.

Так он от дедовых могил,
В котомку взяв горбушку,
Как брага, мутный забродил…
Да и забрёл в избушку.

Година – праведный знахарь,
Даж боль сведёт на нет,
Как люди говорили в старь:
«На нет и суда нет».
И так обжился день от дня,
А чтоб было в печи
От молнии принёс огня,
От лешего харчи.
Пошёл на убыль лета звон,
Гоститься осень просит,
И у закопченных окон
Гурьбою листья носит.
Богато в рощице зверей,
И птиц в кустах богато.
Мальчонка на зиму харчей
Что день таскает в хату:
Грибов и ягод, мёда, трав,
Яиц, орехов, мяса,
Пшеницы сноп с полей украв –
Насобирал запасов.

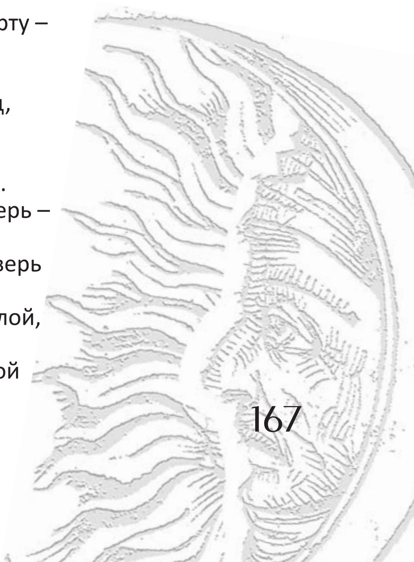
В краю том осенью велось
Аж с пропасти веков –
Устроить вместе, всем кто врозь,
Охоту на волков.
Князья и шляхта – знатный люд
Съезжались на поляне
И обсуждали как им тут
Наладить паляванне.
Собаки лают, кони ржут,
А разговоры только
Про то, когда и как возьмут
Лесного князя – волка.
И каждый норовит при всех
(Как в старом анекдоте)

Похвастаться про свой успех
На прошлой, на охоте.
Трубы тяжёлый звук дошёл
До всех, кто на поляне –
Знать будет зверь, что не ушёл,
Коль не убит – то ранен.

Вот глубже, глубже в дикий гай
Все дружно поскакали –
Там псы подняли хриплый лай –
Матёрого признали.
Гнедого шпорит князь вперёд
Мгновенье неотложно.
Стрелу калёную кладёт
На тетиву надёжно.
Мелькает серого спина,
Обманывая псов,
Но князем спущена стрела
Летит, учуяв кровь.
И вот уже настигла цель
(Князь опытный стрелок)
Как вдруг уменьшив свою тень
Стал зайцем серый волк.
Шмыгнул в еловник, в густоту
Ушёл как вольный тать
Пропал, как будто хлеб во рту –
Ни дать ему не взять.

Метались псы утратив след,
Замешкал князь со свитой
Матёрого же нет, как нет –
Пропал, стрелой пробитый.
Ну что с ним сделаешь теперь –
Ищи в лесу иголку.
Тем часом заяц – хитрый зверь
Вновь обернулся волком.
По древку кровь течёт смолой,
Пути конца нет края,
Но все ж к избёночке гнилой
Доплёлся ковыляя.

И лапой, будто булавой
Он в двери постучал,
В косяк уткнувшись головой
Чуть слышно прорычал.
Открылась дверь – в глаза светло
Как молния метнулось –
Упал он на руки того
В ком страха не проснулось.

Полуживого уложил
Мальчонка у печи,
А сам, что только было сил
Метнулся несть харчи,
Но волк еды не принимал
Искось глядел на рану
И мордой на стрелу кивал,
Как будто бредил пьяный.
«Что делать ныне, как же быть?»,
Кипел мальчонки разум –
«Мне эту боль не победить
Достав стрелу-заразу!»
Тут волк как будто изнемог
Иль мысли прочитал,
Закрыв глаза главу на пол
Бесшумно опускал.
«О страх! Неужто век дожил!
Скорей помочь ему»
Схватился и что было сил
На свет рванул стрелу…

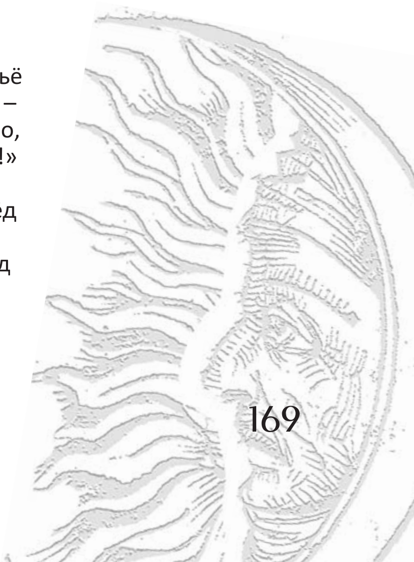
Над хатой полная луна
В который раз всходила?
Волк начал есть и пить сполна –
Превозмогла в нём сила.
Зима настала, снег прилёг,
Зверь с человеком сжился.
С мальчонкою матёрый волк
Как с братом подружился.
И вот однажды той порой
Возился хлопчик в печи,

Как вдруг услышал за спиной
Он голос человечий:
«Сегодня завершился срок
Меж нами испытанью.
Тебе открою я сынок
Свою святую тайну!»
Шерсть превратилась в чёрный шёлк
Руками стали лапы:
Сам – человек, главою – волк
Стоял посреди хаты.

Ухват мальчонка уронил
И дивом поражённый:
«Кого это я в дом пустил?»,
Сказал и сел на жёрнов.
«Я – князь лесов и этим горд!
Собакам не родня!
Я оборотень, я Ургор,
Здесь нет сильней меня.
Ко мне ты добр, как овца,
Твой дом не стал мне пленом.
Имя такого молодца
Отныне в век – Авенум!
Пусть не в бою спас жизнь мою,
Но погибать не бросил.
Ты тот о ком молил луну
Ночами среди сосен.
Теперь, мой брат, твоё житьё
Пойдёт другим на милость –
Ты бедным понесёшь добро,
Богатым – справедливость!»

Волк молвил, будто наперёд
Знал отрока судьбу:
«Настал от ныне твой черёд
Познать мою борьбу!
Всё то, что буду говорить,
Ты должен принимать;
Я научу тебя как жить,
Чтоб истину познать.

Чтобы в судьбе не оплошать
Завет стремись исполнить:
Не выучать – а воплощать,
Не выдумать – а вспомнить.
Вот твой девиз, теперь пора,
Грех нам терять мгновенья –
Иди ка в лес и до утра
Таскай сюда бервенья.»
И с той поры рекой текла
Учёба неотвратно.
Рука Ургора повела
Хлопца к секретам ратным.

То дни, то ночи напролёт
Заполнила учёба.
Ургор Авенума ведёт
То в лес, а то в болото:
«Трясина твой надёжный друг
Ты ладить с ней старайся –
Стань лёгким, как гусиный пух
И мчи не спотыкайся.
На то в воде и по земле
Ходи, согнув колени,
Осанкой уподобься мне
И станешь тише тени.
Насквозь препятствия пройти
Ты должен сердцем мкнуться,
Тебе поможет в сём пути
Способность обернуться.
Встаёт преградою огонь
Ты обернись водою.
Коль враг неудержно силён –
Стань слабостью самою.

Всегда в мозгу храни покой,
А молнию под сердцем.
Не думай, правит пусть тобой
Десница Громовержца.
Природа – вот твоё жильё,
А волки – твои дети.

Они укажут кто зверьё
На этом белом свете.
Будь мудр, различать умей,
Где смерть необходима,
И лишь достойного убей –
Кому пришла година.
Ты воин, значит страж Судьбы;
Кто с миром – твои братья.
Тебе обиженных – мольбы,
Обидчиков – проклятья.
Коль помутнеет у тебя
Сих навыков значенье
Смотри на небо, пусть Луна
Напомнит назначенье».

Восьмая осень свой парад
Закончила устало.
На землю сбросила наряд
И дождиком примяла.
Недели складывают век,
Ну а мгновенья – год
Был мальчик – ныне человек,
Ведь воспитал Ургор.
Всё то, что оборотень дал,
Авенумом впиталось,
И вот теперь последний дар
Вручить ему осталось.
Дремучею чащобой он
Избранника проводит,
Где на поляне дивный конь
С волками хороводит –
Собою горд, копыта – сталь,
Как оборотень чёрный:
«А ну пойди его взнуздай!»,
Велел Ургор довольный.

И с той поры – где произвол,
В краях, где зла рассадник,
Сначала завывает волк,
Затем явится всадник.

И горе тем, кто сеет боль,
Отныне знают люди,
Некоронованный король
Свершает правосудье.
Кто грабит даже бедняка,
Вдову лишает хлеба –
Того Авенума рука
Карает властью неба.
Дрожит ночами гордый князь
За жизни путь кровавый.
Ослабла знати злая власть –
Здесь оборотень правит!

Пусть память убежит ручьём,
Пусть зло накопит рать –
Авенум праведным мечом
Вернётся их карать.

Февраль 1998 года.

КрестоНосец

КрестоНосец

О, Палестина!..— дум моих причина,
Твой жар пустынь мне согревает грудь.
О, Палестина! Как девичье имя
Произношу, и хочется всплакнуть.
О, Родина моих былых рождений,
Страдавшая от гнёта и меча,
Кормилица Христовых вдохновений!
Кормилица Иуды палача…

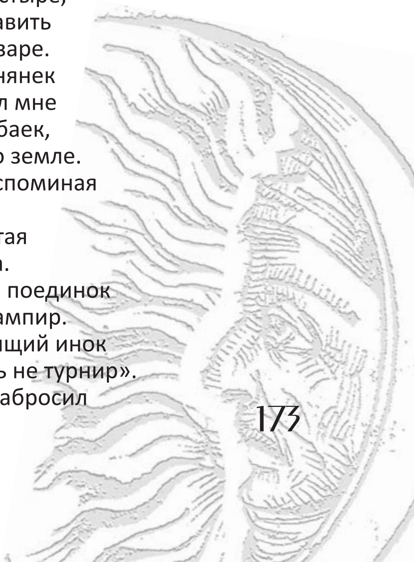
ЧАСТЬ 1.

Провидение

– Я был рождён средь городов Европы
В каком-то замке или при дворе,
Но я к тебе свои направил стопы
В плаще с крестом и с жаждою побед.
Мечтал освободить там гроб Господний

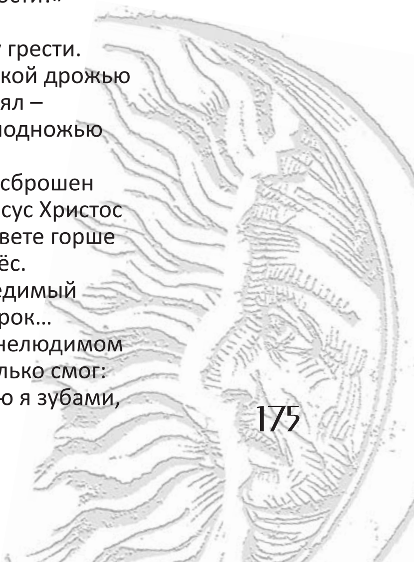
И не подозревая про обман
Хозяин слова, рыцарь благородный
Я нес свой меч далёким городам.
Мой белый конь скучал в часы без боя,
Мой взгляд не содрогала чья-то смерть;
Дразнили сарацины гулко воя
Мою с рукою сросшуюся плеть.
Мой путь вперёд всегда был зол и крашен
Чужою кровью и чужой бедой,
Но даже ад, ни сколько не был страшен
Уже тогда вставая предо мной.
И вот, я на порог Иерусалима
Въезжаю, полон злобной нищеты
Одновременно слышу Бога имя
И зрю в крови соратников щиты…
По *Via Dolorosa конь копытом
Стучал. И временами вскинув бровь
Я видел раненных, в плащах с крестом нашитым –
Мы все в крови, но это вражья кровь.
От тяжких дум в чужом каком-то доме
Я шрамами спины припал к стене
И с отвращеньем глядя на ладони
Припоминал всю жизнь. При луне
Бессмысленные детские забавы
Затем учёба, жизнь в монастыре,
Учителей пытавшихся заставить
Нас сонными молиться на заре.
Я вспоминал родителей и нянек
И ключника, который ведал мне
Количество бесчисленное баек,
Что слышал он, скитаясь по земле.
Свою любовь, с печалью вспоминая
Я видел все черты её лица;
Была она единственно святая
И… тайная наложница отца.
В свой первый и победный поединок
Я памятью впивался, как вампир.
Я помнил как мне после нищий инок
Сказал с ухмылкой: «Жизнь не турнир».
Быть может вот тогда, я и забросил

Под сердце злую горсть дурных семян
Когда подумал: «Кто за это спросит?
Да, я убил! Победою я пьян».
И эта алчность жить без пораженья
Заставила меня уже потом
Всё бросить ради запаха сраженья,
Я одержим, стал кровью и кнутом.
Но вот теперь усевшись в темный угол
Уставившись в незримый потолок
Я проклинал себя, сгорал как уголь
За то, что меч направил на восток.
Душа была в плену стыда и страха,
Тогда причины их не понимал;
Мне лучше приговор – костер иль плаха,
Но только бы не совести оскал.
Казалось, одиночество взбесилось;
Терялся смысл подвигов, побед –
Пуста душа, в ней лишь тоска гнездилась
И кровь на ней сокрыла Божий свет.
Всё прошлое как остров удалялось
И растворялось в горизонте лет,
Как дальше жить, коль силы не осталось;
Вся исчерпалась – исчезает след.
Чтоб не сойти с ума от дум пудовых
Я к выходу, я к воздуху спешил.
Душа молила: « Состояний новых!
Лишённых боли, запаха могил!»
Я вышел. Ночь глубокой тишиной
Пыталась испугать, но не смогла.
Над головой холодной желтизной
Сияла полновесная луна.
Она, казалось, одиноко презирала
Меня средь этой дьявольской ночи
И я пошёл к Голгофе, озираясь
На тени, что врастали в кирпичи.
Как я добрёл, не сохранила память
Наверное, луна вела вперёд
Не спотыкаться помогла не падать
Добраться бы, добраться бы!.. И вот
Я на горе! И мысли-кровопийцы

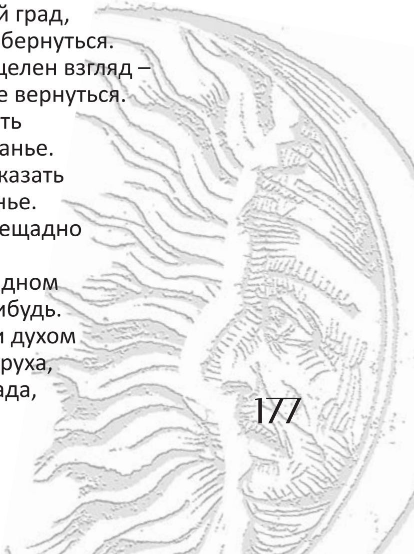
Терзали душу сталью ржавых кос
Казалось, здесь сидят богоубийцы
И до сих пор страдает сам Христос…
Я, знавший пораженья, клещи плена
В момент лишился силы наяву,
По-рыцарски лишь преклонил колено
Прочёл молитву и упал в траву…
Мне чудилось – неведомая сила
Пыталась тело в землю затолкнуть,
Как будто тьма ногою наступила
На грешную терзавшуюся грудь.
В глазах мелькали смертные виденья:
Струилась кровь с отрубленных голов,
Летали рядом тени-приведенья,
В ушах звенели цепи кандалов.
Метался ужас, сатанели страхи:
Пустыня ночью в ней шакалов плачь
Мелькали эшафоты, петли, плахи
Клыкастый, в бурой мантии, палач,
Вонзавшиеся стрелы в чьё-то тело,
Глаза, что в пытках лопались от мук,
Горящие крестьянские наделы,
Где только мертвецы лежат вокруг.
Мне чудилось – я в крови утопая
Не раскрывая рта ору: «Прости!»
И не на что уже не уповая
Пытаюсь плыть, но не могу грести.
Стучалось сердце сатанинской дрожью
Куда-то падал я, затем нырял –
Так скатывался кубарем к подножью
Голгофы и неистово орал…
Не понимал тогда, за что я сброшен
С вершины, где страдал Иисус Христос
Но чувствовал, что нет на свете горше
Того, что Палестине я принёс.
И у подножья страх непобедимый
Лишил меня сознания на срок…
Но вот очнувшись в месте нелюдимом
Я сделал то, что сделать только смог:
Навзрыд вгрызался в землю я зубами,

До треска бил о камни кулаками:
«Господь! О, отруби мне эти руки!
Ведь ими я вершил такие муки.
Опустоши скорей мои глазницы
Когтями, клювом кровожадной птицы.
О, вырви сердце из груди моей,
А рот залей свинцом. Скорей! Скорей!
Кипящею облей меня смолой
Глупец я, что поверил в бой святой,
Что возжелал не мира, а войны
Я стал служитель ада, сатаны.
Созданию Ты в очи посмотри
Ведь мне сегодня ровно тридцать три,
А каюсь я от сердца в первый раз
И чистоты духовной не припас.
Ну что ты ждёшь – сожги меня, сгуби
В боях забыл я слово «Возлюби!»
За то, что я призрел святой завет
Брось эту душу в ад на сотни лет,
Скрути в бараний рог, согни в дугу –
В таких грехах жить доле не могу,
Вот меч – возьми, казни меня мечом
Я крест носил – так раздави крестом,
Взнеси над бездной после – отпусти
Убей меня! Убей меня!.. Прости…
Когда достигла боль своей вершины
Я вновь упал, как брошенный вовне
Пространства, времени, Святой земли, пустыни
Забывшись в тихом и глубоком сне.
Затем я помню, как исчезла тьма
И боль, и стыд остались за спиной,
Как будто отделились от меня
Мои грехи прозрачной пеленой.
Так в раннем детстве чувствовал себя
Легко, беспечно без забот и драм…
Вдруг вижу, как струиться с высока
Лучистый свет. Вдыхая фимиам
Дивлюсь ему, направив в гору взгляд –
Свет очень ярок, но ему я рад
И вижу, от блаженствия немея,

Нисшедшего с распятья Назарея.
– Ты звал меня? – раздалось громогласно,
– Воистину вся жизнь твоя ужасна,
Что б стать Моим солдатом и слугой
Ты в этой жизни сораспнись со Мной.
Исчезло всё. Не знаю, сколько спал,
Но лишь к полудню веки приподнял.
Мой дух весь чистотой заворожённый,
Казалось, будто заново рождённый.
Но вспоминая тяжести грехов
Кроме молитвы не ронял я слов.
Внутри две равнозначных половины
Противостав во мне необоримы,
Как жизнь и смерть – стремились победить;
Меж них я должен выбор совершить.
То тьма и свет, а между ними грань –
Она есть боль… Нет, Боли океан…
Хоть был смирён – собою не прощён,
Я знал, путь новый мне дарует Он.
Ведь кто услышал Господа хоть раз
Во век не позабудет этот глас…
В тот день вонзалось солнце до костей
И позабыв, как нужно улыбаться
Не ждал от мира я «благих вестей»
Свой выбор сделав – с рыцарством расстаться…
Был за спиною покорённый град,
Но стыд не позволял мне обернуться.
Вперёд, в пустыню мой нацелен взгляд –
Нет притяженья, в прошлое вернуться.
Вела меня вины моей печать
Храня в душе святое назиданье.
Решив себя страданьем наказать
Я принялся за самобичеванье.
Колючей палкой колотил нещадно
Босые ноги, голову и грудь
И задыхаясь в беге безоглядном
Измучив тело, падал где-нибудь.
Едва собравшись с силою и духом
Вставал и, ковыляя, как старуха,
Всё удалялся от Святого града,

Как призрак искусителя из ада.
Меня тогда не мучила тревога –
Нужна ли эта аскеза для Бога?
Я просто был готов себя распять,
Но только, ни за что не отступать.
И потому который день подряд
Устраивал себе кромешный ад,
А к полночи в страдания закован
Валился спать в кустарнике терновом…
Бывало, когда зной спадал в пустыне
Я думал о несчастной Палестине,
О той святыне, для которой я
Принес букеты смерти и огня…
От дум чуждался жизнии самой,
Но сердцем слышал: «Сораспнись со мной!»
Молитвой изгонялась та кручина,
И просьбою: «Учи меня, пустыня!»
Я шёл вперёд без пищи и дорог –
Меня влекло на северо-восток.
Добравшись так до брега Иордана
Омыл свои запёкшиеся раны,
Испил воды. Молитву продолжая
Стоял в потоке как в преддверье рая
С закрытыми очами, с головою
Склонённой, очищаемый водою
Молчал, пока глаза лучи заката
Не приоткрыли яркостью крылатой,
Как в зеркале на глади водяной
Я увидал себя: «О, Боже мой!
Я весь седой, как фирн далёких гор…
Награда это? Может быть, укор?»
Здесь Иоанн крестил честной народ;
Не знак ли мне Всевышний подаёт –
Молитвою, постом и очищеньем
За все грехи вымаливать прощенье?!
Подумав так, сказал: «Спаситель мой,
Ты Господин над телом и душой.
Ты знаешь, всё – мне некуда вернуться
Веди меня с Тобою сораспнуться»…
Спускался сумрак, меркнул небосвод.
Святую реку, пересёкши в брод

Я нёс в душе молитвенный покой,
Предгорье открывалось предо мной…

ЧАСТЬ 2.

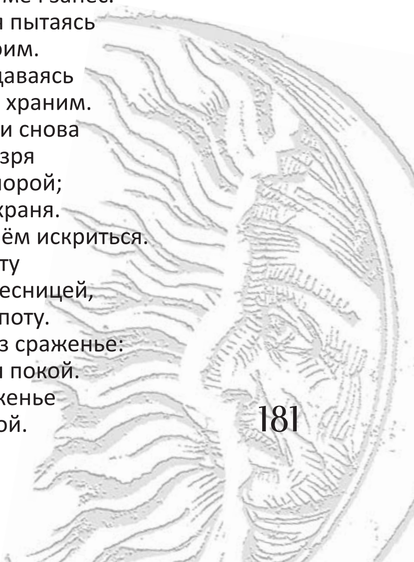
Исповедь

От самобичеванья канул в Лету
И сан, и чин, и постыть гордеца.
Я не принадлежал мирскому свету
Лишь память, где-то тлевшая в сердцах
Служила мне святым напоминаньем
О прошлой жизни, родине, боях,
О цели и причине покаянья,
О дальних, мной покинутых краях.
Где помнили, как славного героя
Неведомо пропавшего куда.
Где прокляли мои следы разбоя
И рыцаря без сердца и стыда.
В своём уединении-мытарстве,
На Бога упованье возложив,
Я жил надеждой о Небесном Царстве
И каждый день благодарил, что жив.
Не шёлковою скатертью стелилась
Дорога очищения, молитв.
Дух обнищал. Душа переродилась,
Готовясь для иных, для новых битв
И понемногу, как арба со скрипом
Тащится в гору старым ишаком
Я продвигался к небесам закрытым
Для всех убийц, глотая в горле ком.
В страдании не жаждал чудотворства,
А лишь о снисхождении моля,
Был неотступен мой накал упорства:
«Простите: люди, Небо и Земля».
Секирой над главой вина висела,
Весь мир, отныне, был мне – визави
И ненависть к душе своей вскипела,
К душе, не знавшей истинной любви.
Молил о том, чтобы не искусила
Та дьявольская мысль – себя убить.

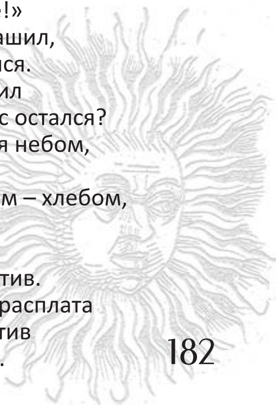
И был ответ с Небес, пролилась сила:
«Смертей довольно – научись любить!
Тебе страданья душу очищают,
Молитва в ней посеет семена –
Взрасти их, они веру укрепляют
И за грехи расплатишься сполна».
Так от людей отвыкнув понемногу
Все свои мысли Богу говорил
И как дитя к такому диалогу
Привык. В нем смысл жизни был.
Рождались дни (о них не позабыть)
В минуты, когда солнце восходило
Я пробуждался, чтобы день прожить
В молитве и душа моя парила
Той лёгкостью, что ангелов носила,
С той мягкой невесомостью звезды…
Наверно Небо мне тогда простило
Лишь толику грехов моей судьбы.
Я был спокоен, тих, миротворён.
Мой вздох молитва и молитва выдох.
Стал разум чист, прозрачен, отрешён –
Я забывал о ранах и обидах.
Узрев на всех деяниях печать,
Мне ране не доступного закона,
Уразумел – над всеми Благодать –
Всечасно. Справедлива. Непреклонна.
И жизнь свою увидел я тогда
Спокойным оком судей беспристрастных:
Мой грех – моя проклятая беда
И только в Боге обретаешь счастье.
Понятна стала жизнь паука
И мухи – вечной жертвы кровопийцы:
В конце концов, мы все – Его рука –
Святые-дурни, мудрецы-убийцы…
Своё единство в мире не узреть,
Пока не видишь всё единство мира.
Познай себя и станешь гимны петь
Благому, сокрушившему кумира…
Итак – затерян временем в горах
Не приближаясь, до чужих заборов –
Пропитывал молитвой дух и прах,

Блуждал, чуждаясь городов и взоров.
Но как-то на пути моём возник
В запыленном плаще усталый всадник –
Крест на спине, такой же – на груди
(Когда-то сам я был такой же ратник.)
Приблизился, коня остановил,
Угрюмый взгляд сочится из-под век
И голосом воинственным спросил:
– Ты кто такой, пустынный человек?
Ты ликом не араб, не иудей
Могуч плечами, взором нелюдим
Один бредёшь дорогою своей
Быть может, ты святоша-пилигрим?
– Я кающийся грешник, мой милорд
Живу, блюдя устав аскезы строгий.
Молитвой ежечасно занят рот
Мой ничего не стоящий, убогий.
– А может, ты – шпион или разбойник?
Не видел здесь я грешников таких,
Чтоб в одиночку прохлаждались вольно,
Как будто мир Господь создал для них.
Сказал и меч его взметнулся ловко
Но, разум помнит цель таких угроз –
Отпрыгнул я с бойцовскою сноровкой
Он, промахнувшись, снова меч занёс.
Коня направил, смять меня пытаясь
Или пронзить оружием своим.
Я ж ускользал, ему не поддаваясь
Был невредим, и Господом храним.
Тогда решил он спешиться и снова
Атаковал, но посох мой не зря
Служил для тела и души опорой;
Им фехтовал спокойствие храня.
Но вижу – ярость в нем огнём искриться.
Я выбил меч из рук и на лету
Поймал за рукоять своей десницей,
А рыцарь, онемев, стоял в поту.
Минуту длилось наших глаз сраженье:
Вся злость его – моей души покой.
Я видел, как снедает пораженье
Его нутро отчаянностью злой.

То подтверждали не зубов оскал,
Не грудь, что отдышаться так стремилась –
Глаза – в них неожиданный провал
Образовался, будто надломилось
Неоспоримое когда-то самомненье
Что создано и признано самим
Как честь, отвага, стойкость, положенье –
Всё то, что входит в титул Господин.
Он проиграл бродяге, оборванцу;
Не помогли ни честь, ни знатный род.
Над ним металась мысль протуберанцем:
Пронзить мне грудь, иль распороть живот.
От взгляда очищенного мольбою
Ни тень не ускользнёт, ни вздох греха,
Что помыслом кружил над головою
Самолюбивого вояки-петуха.
Чтоб пожелал он замысел расстроить;
Моею кровью не смывать «позор
поруганной чести», решил не спорить
я с ним продолжил мирно разговор:
– Ты – крестоносец, ты неверных враг
Но что, тебе я сделал вдруг дурного,
Что ты хотел убить меня вот так –
Без покаяния, причастья, приговора?
Ты шёл освобождать Господний гроб?
Где сказано: «Мой гроб освободите!»
В Евангелии нет подобных строк
И нет таких: «Убейте! Не любите!»
Хоть на своём плаще ты крест нашил,
Но сам-то на кресте не распинался.
Теперь же мной лишён меча и сил
Скажи мне, рыцарь, с чем сейчас остался?
– Нет, ты не пилигрим, клянусь я небом,
Скорее ты разбойник или вор.
Клянусь святым Христовым телом – хлебом,
Тебе произнесён уж приговор!
Вся речь твоя хитра, витиевата
В ней слышу издевательский мотив.
Пусть меч в твоей руке, но знай расплата
Свершиться ей не встанут супротив
Ни ангелы, ни люди, ни событья.

Клянусь, до смерти изобью кнутом –
Такой обиды не смогу простить я
Ни в этом мире, ни в миру ином.
– Твоя угроза устрашить могла бы
Неопытного всадника, юнца
Но, что мне, её бравые рулады –
Мой жребий в длани Господа-Творца.
Ты ж, дерзок, коль оставшись безоружен
Не устаёшь мне смертью угрожать.
Держи свой меч, он мне совсем не нужен,
Людей я не намерен убивать…
Мной брошен мир, отвержен я от света.
Мой обоюдоострый меч – со мной –
Чтить заповеди Нового Завета
И жить молитвой, отыскав покой.
К былому не ищу я возвращенья,
Всего одним желанием томим –
Чтоб вымолить у Господа прощенье
И умереть и в смерти быть живым.
Таков мой путь. А ты, милорд, решайся
Сейчас вот избери из двух одно:
Иль прежнею дорогой отправляйся,
Или останься говорить со мной.
Коль пожелаешь, можешь возвратиться
Собрав подмогу, мщенье совершить
И избиеньем вдоволь насладиться
Того, кто должен Господу служить.
Но если ты не брезгуешь общеньем
Со мною оборванцем, бедняком
И разум твой не заразился мщеньем –
Не замутнён бессмысленным грехом
То, хоть не говорил уже давно я
С людьми, тебе желаю рассказать
За что несу в пустыне крест изгоя –
Идём к реке, коль хочешь это знать.
Не ведаю, что думал размышляя
Над предложеньем рыцарь. Только вот
Я слышал, уходя, как приближаясь
За мной могучей поступью идёт.
От этого мой облик нелюдимый
Сиял улыбкой вспомнившейся вдруг:

«Пути Господни неисповедимы»…
– Уже не враг, но и ещё не друг…
Присев у брега слушали в молчанье
Журчанье Иордановых легенд.
Казалось, вся природа в ожиданье
Того, что изнутри рвалось на свет.
Краснело солнце в западном сиянье
Заканчивая дённый полукруг
Невидимый, взаимопониманья
Меж нами мост, выстраивая вдруг.
И тишина, нас умиротворяла,
Освобождая души от сует,
Чарующим дыханьем возрождала
Отравленный, когда-то Божий свет.
Мной овладело стойкое желанье
Всё созданное Господом любить –
Так полилось моё исповеданье
Тому, кто передумал вдруг убить:
…Я был рождён средь городов Европы…

1994—1999 6 декабря.

**Via Dolorosa – путь скорби, улица в Иерусалиме, по которой Иисус Христос нёс крест на Голгофу.*

Сретение

Сретение

Бор бородач улыбался излучиной речки-росянки,
Еловыми сучьями – гнутыми луками, стрелками трав.
Рыже—коряжестый, зеленовяжущий высокоглав…

В этом краю знать Невидимый Бог
Спрятал магнит под лесистый покров,
Так притягательно лоно манило
Старых и младых неведомой силой.
Бор, обручённый с посёлком мостами
Был ему друг хоть и старше летами.
Хвойно, берёзно обнявши посёлок
Струнами лес был порезан просёлок.
Тропами тайными, тропами явными.
Речками разноглубокими славными.

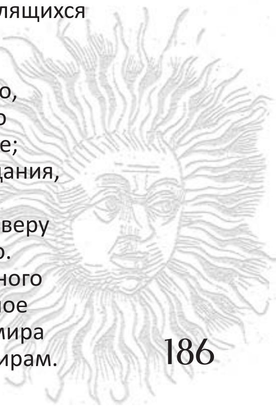
В нём находили отдушину юные.
Седобородцы понурились думами.
Сплетничать бабы ходили по ягоды,
Переливать свои горести тяготы.
Слышался стук лесоруба работника,
А по сезону и выстрел охотника.
Многие вовсе и думы не знали
Чем их пленяли, природные дали.
Лес человека причаливал к Воле
Мудро шепча о безбуквенном Слове.
Кто принимал откровенье душою
Тайною те наполнялись мольбою,
И приступали к святому ученью
Зовом наитья к любви и смиренью.

«Иглы колючие, травы пахучие,
Тени еловые, корни дубовые,
Мерное марево – луг разливающий,
Топи болота – маняще пугающие
Облики –
жизнью единой пропитаны
Славить Творящего, вечно воспитаны.
Также воспитывать Им сотворённых
Всех, беспощадным грехом, поражённых
Всех, кто уверовал в Сына Всевышнего
Грех упразднившего, жизнь обновившего.
Жизнь отдавшего – смерть побеждая,
Слава Тебе превеликая Слава!»

Гимнами этими полнились ждавшие
Дивных явлений, венца не увядшего.
Здесь вопрошали слезами на небо
Ждали ответа – духовного хлеба.
Там на курганах, маренах, обрывах,
Падая в росы, молились о сирых,
Не распознавших присутствия Вечного,
Всех приклонённых под бич скоротечного.
Сохли и росы и слёзы с годинами
Ввысь уносясь от молящих, единя их.
Землю и небо собой сочетая
Милость Всевышнего в мир призывая

Не постижимую милость спасения
Правду духовного освобождения
Из одинокого рабства проклятья:
«Богу мы дети друг другу мы братья
Сын ли в утробе, на одре ль старуха
Не мерой Господь посылает от Духа
Духа Святого поправшего грех
Любящего без причины нас всех
И нисходящего в миг покаянья
Не лицеприятно не глядя на званья».
И пересёкших законы безлюбия,
Власти смиреньем поправ душегубные
Бог посещал!
Бор ликовал!

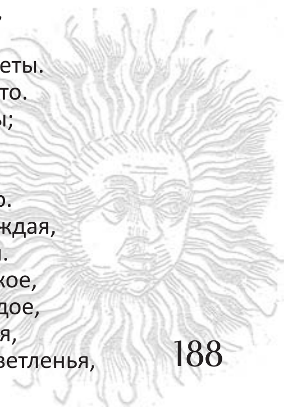
Бор ликовал да болота низинились.
Слякотью чёрной гноились, пузырились.
Духи бесовские стряпали кашу
Змеиной трясины – людям пропащим.
Маскировали где клюквой, брусникой
С краю малиною и ежевикой
Слышащих ищущих сладко манили
Сизым багульником дурно пьянили
Хмурой красы не надёжною властью
Гадской стремились попотчевать пастью.
Падальным духом тлетворным и прелым
Душно пытали носителей веры.
Тщились пугать непрестанно молящихся
Выворотни, истуканами спящие,
Но проходили тот лес, то болото
Те, кто любовь возвещали охотно,
Те, кто украдкой, где и всезвучно
Напоминали про счастье певучее;
Кто про всеблагий закон мироздания,
Кто про отрадное Богоискание,
Мудрость и кротость надежду и веру
И про отчизну души свято-белую.
Алкали, жаждали града не местного
Жития, клали за Царство Небесное
Клали судьбины, отрекшись от мира
Мир, разнося по хатинам, квартирам.

Мир не мирской, но души не воинственность.
В тёплых беседах манящую искренность
Людям несли и сердца пламенели
Божеской милостью и псалмопением.
Божеской милостью не объяснимою,
Не постижимою, неугасимою
Всё призывали, напоминали,
Муками, адом кромешным пугали,
Чтобы сердца окаменелые
Вырвать из грязи греха перепрелого,
Чтобы исполнить заветы призвания
Духом пылающим от сострадания
Множество звали.
Множество званных да избранных мало
Сердцем открытых к истокам Начала,
Сердцем привитых к наградам конечным
Да к воздаяньям в бессмертии вечном.
Избранных мало... Дух Божий витает
Там где захочет и всё призывает
Честным позывом знамением верным
На пир грядущий из тлена и скверны
В души надежды и веру вселяет
Лишь поругаем вовек не бывает...

Бронза загаром ложилась на тело
Мальчику в лодке гребущему смело.
Парень рыбалкой каникулы тратил.
С каждою заводью дружески ладил.
Знали его камыши и ракиты
И крутобрежья плющами увитые.
Знали кувшинки и лилии-лотосы
Нрав его кроткий и тайные помыслы.
Видел аир в нём фантазии разные,
А про решимость буза непролазная
Не понаслышке поведать могла бы,
Как проходил он заторные хляби.
Знала река его почерк весёльный.
Помнила взгляд не по-детски спокойный.
Знала и ждала его от рассвета;
Небо тайком любовалось на это...
Речкой извилистой время струилось.

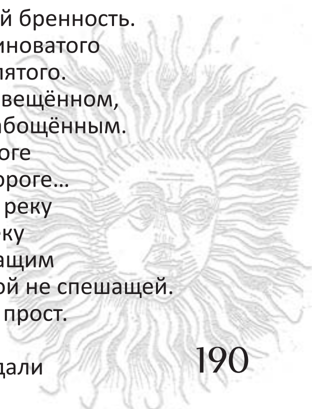
Радость общенья с красой загнездилась
В сердце ребячьем, в сознании чутком,
В мыслях, словах, поведении, шутках
Переплетаясь с душою младою
И провожая до миропокоя
Не торопясь, аккуратно водила
К чистой любви, что красу породила.
Кто повстречался с гармонией света
Станет вязать с нею узы завета.
В ком просыпается жизни искра,
В том озаряется Дух Божества
И совершает работу святую –
Связывать с небом судьбу молодую.
Жизнь потекла, создавая мгновенья
Для вопрошания для откровенья;
Множество тайн природа впитала,
Чтобы душа человека искала
К тайнам разгадки ключи и пути:
Кто мы? Что ищем? Что нужно найти?
В поисках этих, куда нам идти?
(Так на земле обретают пути)
Сами собою вопросы всплывали,
Разум до края собой наполняли
И обретали иное значенье
Небо, пейзажи и плавность теченья.
Сердце парнишки искало пытливо
Тайны творенья. Рыбалка служила
Поводом к поиску в уединении,
К интуитивному мировидению.
Много вопросов – не скоры ответы.
Много вопросов – кончается лето.
Вместо рыбалки лесные походы;
Уединенье на лоне природы
Стало желанно и необходимо
Мир открывая, как дивное диво.
Голод к познанью, в душе порождая,
К поиску истины – спутнице рая.
И было; однажды случилось такое,
Что не предвидело сердце младое,
Этому разум не даст объясненья,
Логика меркнет в момент просветленья,

Мудрость уступит такому виденью,
Жизнь поразилась любви откровенью…
Происходило закатной порою.
Из лесу к броду шёл мальчик тропою.
За город солнце обычно садилось.
Речка обыденно тихо струилась.
Ветер утих по обычаю к вечеру.
Замер простор. Непредвиденной встречею,
В миг совершенья, эфир наполнялся,
Стойким предчувствием в сердце вливался.
Мир жизнеславящий остановился
Перед Подателем жизни смирился
Но, не явление чудо иконы
Проистекло, что случалось искони
ГОЛОС…
Голос пречистый детолюбивый
Сердца коснулся, ум торопливый.
В недоумении – остановился,
Имя своё услыхавший, смутился.
«Кто ты?»
«Отец твой»
Негодование в сердце отметилось
«Кто Ты?»
«Я Бог твой»
С чистой любовью душа его встретилась
«Разве бывают боги на свете?»
«Я в сём вопросе и Я же в ответе»
«Сделай же чудо» Ответом молчание
Сердце настигла ошибка печальная.
«Не уходи, хорошо мне с Тобой!»
Мирно колени встречались с травой
«Не уходи, что мне делать прикажешь?»
«Станешь любить и искать Меня станешь…»
Юный, склонясь, сжал молитвенно длани
Глас продолжал, все вопросы пропали
Дивную речь Небеса изрекали
Будто его от рождения знали
Так говорить может только лишь Сущий
Всё понимающий и Всемогущий.
Сердце внимало всё свыше речённое
И умилясь чистотой, освещенное,

Жадно впивалось в любовь долгожданную
Освободительную и желанную…
Всё, что услышал, в сознании сокрылось
Время тихонько опять покатилось
Голос умолк…
Голос умолк, но осталось нетленное –
Вера в душе, в сердце тайна священная…

Молвить не стану, что было потом
Вкратце поведаю лишь об одном;
Минули годы, в них многое было,
Что к покаянью людей приводило.
(Нет человека, рожденного святым
Кроме того, Кто за всех был распятым.)
Минули годы всегда разноликие.
Минули: поиск, ошибки великие.
Город подрос суетою людскою.
Церкви вздымались Господней рукою.
Строй государственный переменился;
Рабский, на время, скотским сменился.
…Время, ох время как любишь ты литься
Кто ж в тебе сможет остановиться?
Остановиться, чтоб Бога познать
Всем пренебречь и спасенье принять.
Много блуждающих – ищущих мало,
Мало кричащих: «Смерть! где твоё жало?!»
Всё изменялось одно неизменность –
Тяжесть греха и судьбы нашей бренность.
…Любим, ох любим искать виноватого
Не вспоминая о Царстве Распятого.
Царстве Небесном давно возвещённом,
Царстве предвещенном порабощённым.
В Боге Свобода и Счастие в Боге
Входят туда лишь по узкой дороге…
Узкой тропинкой ведущей за реку
Мягко ступая с лицом человеку
Обыкновенному принадлежащим
Шёл бывший мальчик ходьбой не спешащей.
Станом невзрачен, одеждою прост.
Сквозь суету и минуя погост.
В сторону леса в холмистые дали

Он удалялся, а губы шептали:
«Господи,
Иисусе Христе,
Сыне Божий
Помилуй мя...»

18 июня 2004 – 22 октября 2004.

***

Па Via Dolorosa йшоў Хрыстос
З апошняй моцы пад крыжом хіліўся.
І бачыўшыя як Ён грэх панёс,
Хто зьдзекваўся, хто плакаў, хто маліўся.

Ішоў ў чарадзе са злодзеямі моўчкі -
Сьвішчэлі бізуны – гукалі сьмерць.
Ніхто ня крыкнуў:”Тата” – бо ні дочкі,
Ні сына Назарэй не можа мець.

Адна матуля соўгала нагамі.
Надзеі мёртвай цяжар у грудзёх
Нясла, змывала кроў Яго слязамі,
Што запякалася на камянёх.

І вось, *Сымон пад крыж схіліўся спрэчна
Яго зьмяніць, аблегчыць д’яблаў зьдзек.
... Як чалавеку Бог патрэбен вечна,
Так вечна Богу трэба Чалавек.

19 снежня 2003.

**Сымон – Сымон Кірынеянін дапамог несці крыж Хрыста. За гэта Езус абяцаў яму вечнае жыццё (паданне).*

Пасха 1998 года

Пасха 1998 года

Ўжо з царквы прынесьлі ранак,
Ў хаце яек трэск стаіць,
Адчынен медавухі збанак,
Анёлам гоманка ляціць.

Дзе Езуса ўспамянуўшы –
Адкупніка зямных грахоў,

Кіруем ад натхненьня душы
Ў глыб прадзедавых вякоў...

Калісьці так і пачынаўся
Ў хаціне сьвята карагод.
І ў гэтым сьвяце нараджаўся
Наноў, здаўна свабодны род.

І там, як і цяпер гучала
З вуснаў - ляцела як з нябёс:
“Хрыстос Ўваскрос!” Ўсе пачыналі
Адказваць:”Сапраўды Ўваскрос!”

Роднае

Роднае

Маім бацькам Пятру
й Алене прысвячаецца.

Як маланка танчыць дзіўна,
І Пярун у бубен б’е,
Ад таго, што зноў каліна
Гронкі аддала вясне.

А каштан – хлапец кудлачны
Ветрык просіць калыхаць,
Запрашае нас ўдзячна,
Ў родну хату завітаць.

Там дзе прызбачка з акенцам
Заручылісь назаўжды,
Там дзе ганак кажа сэрцу:
“Завітайце, як прыйшлі.”

Скок у хату, ўсё як раней
Год таму, альбо другі;
Вось павук, мой сябар даўні
Тчэ спрадвечныя кругі.

Штось цікавага ў хаце?
Каго ветрам намяло?

І адразу немаўляці
Ўсмехалялецца міло.

А ікона Назарэя
Ўсё цьвіце і выцьвіе,
А насупраць – во зацея,
Рэзны воўк на бервяне.

Да вакенца падыходжу,
Каб пабачыць у бакі
Мо прыбытак ў агародзе
Ёсць які-такі-сякі?

Як заўсёды тата ходзіць
Бо чароўны валхавік;
То ў яблынь карагодзе,
То ля борцеў вартаўнік.

Побач лялька завадная
Ў спадніцы, басанож –
Маці, нібыта шальная,
“Таньчыць” поперак і ўздоўж.

Так заўсёды пачынаўся
Align Рознатвары шлях гадзін.
Тут я сэрцам ўзгадаваўся
Ды каб толькі я адзін...

Праз гадзіну панаедуць,
Ну а хто й падыйдзе.
І пачнём гуляць, вячэраць
У сямейнай чарадзе.

Будуць жарты, як маланкі,
Смех, як быццам б’е Пярун.
І душы сівыя ранкі
Збавяцца ад цяжкіх дум...

7 сакавіка 1998 года.

Беларускаму піву з падзякай і гонарам

То не водка, то лепшае дзіва
З беларускіх палёў і цахоў.
Нідзе ў сьвеце не вараць так піва,
Як у краі балот і бароў.

Дзе "Крыніца" журчыць, лямантуе
"Старажытнае" песні пяе.
"Стары замак" спрадвеку пануе.
Гонар свой ачарніць не дае.

Мудры "Леў" беларускага люду
На "Нямізе" сумотны агляд
Пакідае ў "Траецкую" буду –
Бо яе "паглынае" вар'ят.

Але вершніку "Холстану" цяжка
"Князе Вітаўт" яму супраціў
Сваім коштам і якасьцю важкай
Нават "Лідскае" войска пусціў.

"Чорны прынц" пагражае з "Сябрамі"
Яго выгнаць адсюль назаўжды,
Каб не ляцкаў той конь капытамі
І ў народ не прыносіў нуды.

"Мінскі бровар" нясе ганарліва
Нам "Ячменнага коласа" гляк
Следам "Рэчыцкае" ўсім на дзіва.
"Рагвалод" прапануе свой смак.

І шаноўны "Граф Чапскі" ўзгадае
Нам сівой даўніны ўспамін.
І нарэшце ў небе зазьзяе
Маладзік, што цудоўны "Бурштын".

1998 – 2003г.г.

Казка

Казка

Ціхі вечар памірае,
Асеў пыл дарожны.
Казку маці пачынае
Пра Сярпок двурожны.

Маладзік гуляе ў небе
Зорачкі пільнуе.
І слязінкамі па глебе
І траве вядзьмуе.

Коні пасьвяцца ў полі
Трынажжу абуты.
Быццам сэрца ў няволі
Ў часіну пакуты.

Разцугляным легкадумна
Ветрык чэша грывы,
А яны схіліліcь сумна
Быццам над магілай.

Маладзік ім спачувае
З вышыні дарэмна,
Бо іх сонейка спаткае,
Яго ж толькі цемра.

Гай прыціхшы і не бачна.
Рэчанька ў дрымоце.
Спаць усім дзіцяткам смачна
Ў казачным палёце..

Маладзік зямлю абсяжна
Бача праз чарноту.

Моўчкі думае паважна
Пра сваю турботу.

Бо Сьвяціла яму родзіч,
Але поразь ходзяць.
А даўней бывала побач
Мкнуліcь карагодзіць.

Ды аднойчы паспрачаліcь,
Хто мацней другога –
Вінаватымі засталіcь
Прад вачыма Бога.

З тых часін не дазваляе
Сустракацца Божа.
Але кожны зь іх чакае
І надзею доўжа.

Люты – сакавік 1998.

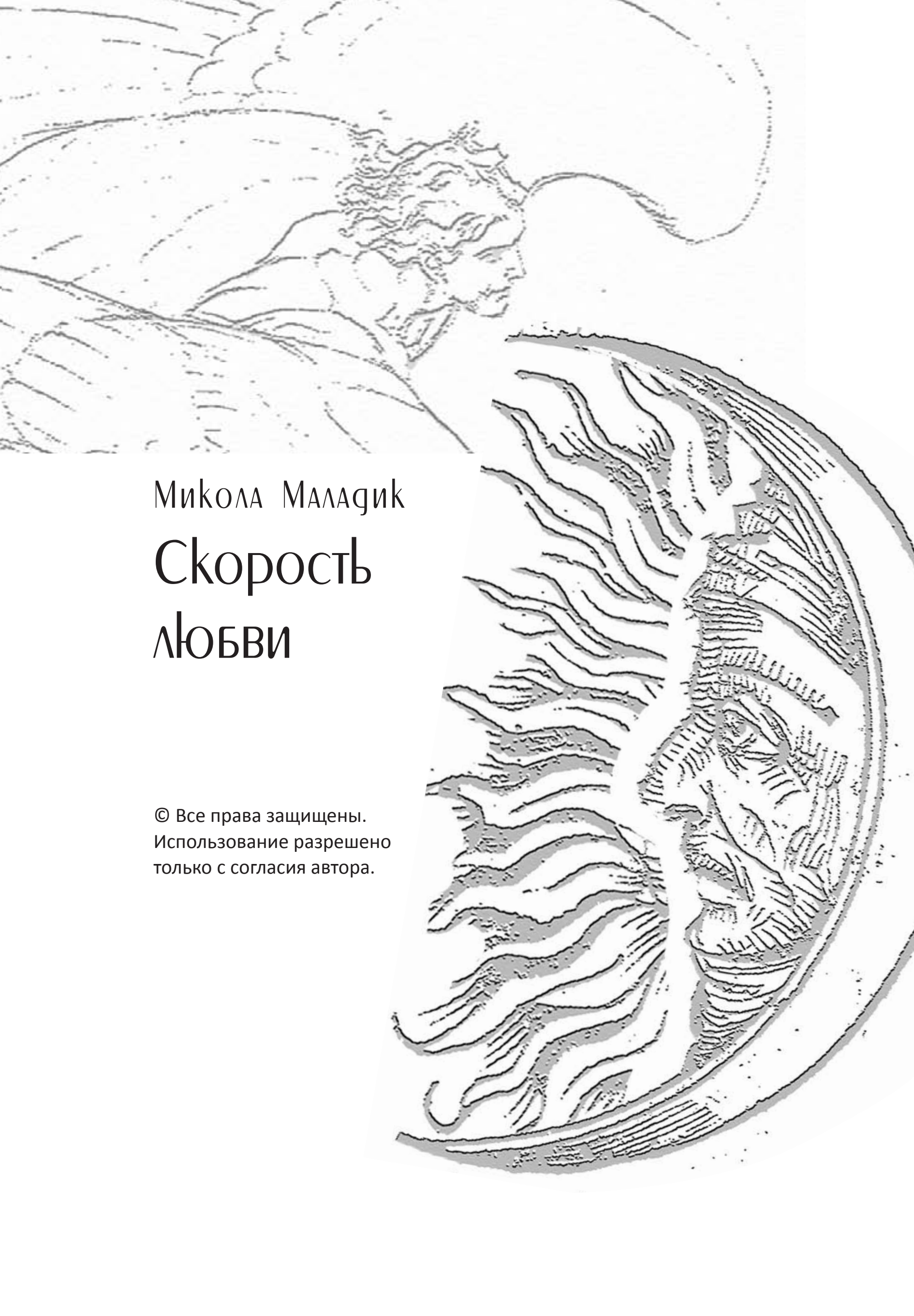

Оглавление

ПОЭМЫ

***

Микола Маладик

Скорость любви

МИКОЛА МАЛАДИК (АЛЕХНОВИЧ Николай Петрович) родился в 1970-м на Минщине в старинном местечке Крупки. Среднюю школу №2 окончил в 1987-м. Срочную службу прошел на афганской границе. Работал учителем, оператором котельной, слесарем-сантехником, водителем, грузчиком, кочегаром, строителем. Печатался в районной газете “Крупскі веснік”, поэтическом сборнике “Ручаіны”, Минск., 2001 и краеведческом альманахе “Малое Палесьсе.”, Крупки 2004.